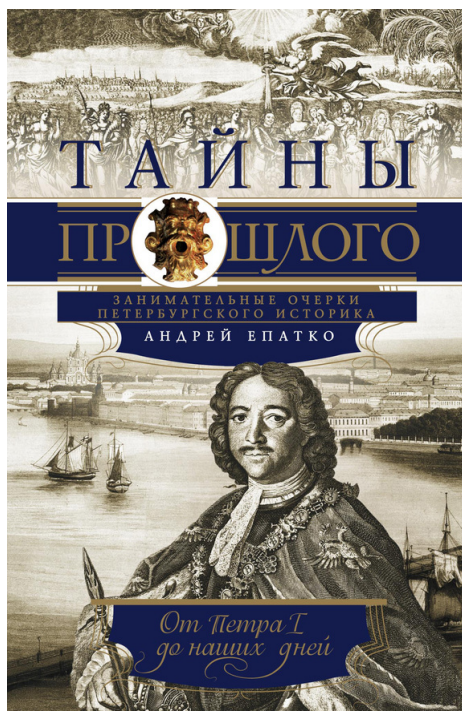

Андрей Юрьевич Епатко
Тайны прошлого. Занимательные
очерки петербургского историка.
От Петра I до наших дней

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6277849

Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней:

Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04401-3

Аннотация

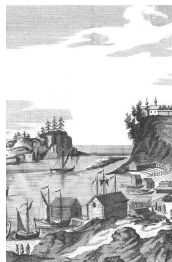
Книга петербургского историка А.Ю. Епатко не совсем обычна. Она представляет собой сборник очерков, частично опубликованных автором за последние двадцать лет и впервые изданных в одном томе. Что удивляет в этой книге – ее географические рамки и новизна тем. Читатель побывает вместе с Адамом Олеарием на Гогланде, узнает о несостоявшейся дуэли Петра I, отправится в ссылку вместе с князем Меншиковым в Березов и даже увидит Москву 1812 года глазами француза-завоевателя, а в будущем великого писателя Стендаля.

Автор приглашает читателей и на Камчатку, где в конце XVIII века побывала экспедиция Дж. Кука, и расскажет о загадке тихоокеанского острова Ваникоро – в 1788 году там потерпела крушение и погибла экспедиция Лаперуза. Позднее французские аквалангисты найдут среди обломков кораблей монеты с профилями российских монархов XVIII века. Во второй части книги автор рассказывает о реконструкции копии петровского фрегата «Штандарт» и о своих путешествиях по Ладого, которые он осуществил на гребной лодке, пытаясь пройти по пути основателей Коневского и Валаамского монастырей.

Книга богато иллюстрирована: в нее вошло более трехсот гравюр и рисунков, многие из которых никогда еще не публиковались в российских изданиях.

Содержание

Предисловие	4
Часть I	6
От Адама Олеария до императора Павла I	6
Глава 1	6
Пограничный остров	6
Никто не хотел плыть в Московию	6
Неистовая буря	7
Земля на востоке	8
Глава 2	11
Навстречу русскому флагу	11
Нарвская катастрофа	16
Призрак церкви Нигулисте	19
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Бояре и князья вместо шутов	33
«Поведение во хмелю»	36
Последний бой со шведами	37
Глава 6	37
Глава 7	43
Шведы боялись наводнений	43
Земля в Москве подешевела	46
Странный гость из первопрестольной	46
Глава 8	48
Багдад у Финского залива	48
По парижской моде	52
Глава 9	54
На «Дамской» площадке	54
Дивные морские звери	57
С оказией из монастыря	59
Глава 10	59
Глава 11	67
Глава 12	86
Скромная просьба	87
«Царь был мне друг!»	88
Письмо из Латвии	90
Глава 13	91
Заколдованные деревья	91
«Достопамятное место»	93
«Неблагодарное потомство»?	96
Глава 14	97
Старая Выборгская легенда	97
Глава 15	103
Глава 16	116
Глава 17	143
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Андрей Юрьевич Епатко

Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка.

От Петра I до наших дней

Предисловие

Признаться, я весьма удивился, узнав, что издательство «Центрполиграф» предложило мне издать мои статьи в виде книги. И дело не в том, что некоторые из материалов были уже знакомы читателям; они выходили в свое время в «Санкт-Петербургских ведомостях» в рубрике «Наследие». Меня больше всего волновала разноплановость тем – как по временным рамкам, так и по географии. Я с трудом представлял себе, как можно разместить между двумя обложками одного тома статью о пожаре Москвы 1812 года и рассказ о гибели флотилии Лаперуза на Соломоновых островах... Или как будет смотреться заметка о шутилой эпитафии Екатерины II рядом с рассказом о пребывании экспедиции капитана Кука на Камчатке?

Пока я размышлял над этим, открыл для себя старую как мир истину: все в мире взаимосвязано. В том числе и сюжеты моих исследований...

Подумать только! Наполеон, бежавший из горящей Москвы, когда-то был исключен из числа участников экспедиции Лаперуза. А благодаря стоянке Дж. Кука в Петропавловске Екатерина II получила в дар от англичан так называемую «Куковскую» коллекцию, состоящую из этнографических предметов, собранных на островах Океании. Да и жестокий шторм, бушевавший в Финском заливе во время плавания там корабля Олеария, едва не загнал посольское судно в устье Невы – в те места, где сорок лет спустя вырастет Петербург. В итоге мы получили первое свидетельство об острове Гогланд – ныне самой западной точке Ленинградской области.

Словом, я надеюсь, что читатель не «заблудится» в географии курьезных (и не очень) рассказов, представленных в книге; к тому же большинство ее героев так или иначе связаны с Петербургом.

Что касается моих собственных путешествий, они связаны с Ладогой и ее «жемчужинами» – Валаамским и Коневским монастырями. Под парусом и на веслах я стремился добраться до этих мест, следуя по пути ладожских святых – основателей островных обителей. Две попытки повторить маршрут преподобных закончились удачно, а последнее путешествие, связанное с поиском загадочного следа на Дедовом острове, обернулось неприятностями: мне пришлось провести небольшую «робинзонаду» на камнях посреди штормового озера... Обо всем этом читатель узнает из третьей части книги, которая в целом является итогом моих двадцатилетних изысканий.

Ловлю себя на мысли, что слово «итог» не совсем обнадеживающее. «А будут ли еще путешествия?» – спрашивают меня иногда. Хотелось бы верить. Правда, годы идут, и уже тяжелее собирать рюкзак, выяснять расписание поездов, прикидывать маршрут, проверять лодку, с кем-то договариваться...

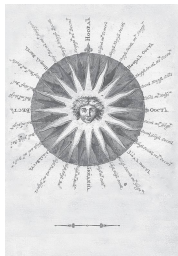
Но, с другой стороны, Ладога «не отпускает». Особенно это чувствуется в апреле, когда сходит последний снег и город наполняется пленительным запахом земли. И поплывут в памяти ладожские закаты, а солнечный диск снова погрузится в озерную даль, оставляя на водной глади золотое марево. И я опять – словно наяву – слышу треск сучьев в огненных всполохах костра. Да вот и сам костер!.. Подкидываю дровишки и ныряю в уютную палатку: пора запрашивать «большую землю» о прогнозе на завтра. Пока телефон молчит, рассматриваю помятую карту – до Валаама еще 20 километров и четыре острова по пути... Слабый сигнал – и на экране мобильного телефона высвечиваются наши «перспективы»: «Утро: юго-западный ветер, 2 метра в секунду. Волна около метра. Днем облачно, дождь. Усиление ветра до 4-х метров. Вечером возможна гроза...» Да уж, не Майями...

Вылезешь из палатки и вскинешь на озеро стекла бинокля: Ладога еще не спит, «дышит». Где-то на краешке горизонта, словно повисший в воздухе, одиноко чернеет силуэт сухогруза. Он нереален, как и эта наползающая на берег карельская ночь... Подхожу к самой воде; под ногами грохочет галька, с озера тянет прохладным бризом. Снова вскидываю бинокль: озеро спит. Все! Завтра уходим...

Автор

Часть I ПАЛИТРУ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ

От Адама Олеария до императора Павла I

Глава 1 Адам Олеарий на Гогланде

Остров Гогланд, лежащий в центральной акватории Финского залива, – самая западная точка Ленинградской области. Отсюда до Эстонии – рукой подать, а Финляндию хорошо видно и без бинокля.

Пограничный остров

Гогланд издалека похож на гигантского кита, спящего на глади залива. Поросшие густым лесом скалы Гогланда поднимаются на высоту 176 метров над уровнем моря. Hochland – «высокая земля» – именно так переводится название острова с немецкого языка. В силу своего географического положения Гогланд всегда являлся пограничным островом; здесь до сих пор сохранились руины финских казарм, заброшенные зенитные позиции, финское кладбище. В советское время Гогланд был форпостом России на границе с Финляндией: на острове располагалась часть ПВО, «прославившаяся» тем, что в 1987 году пропустила самолет Руста, севший на Красной площади.

Но самую известную и одновременно мрачную славу Гогланд стяжал как «остров погибших кораблей». «Крушения купеческих судов у этого острова совершаются во множестве почти каждое лето, – сообщал один из моряков XIX века, прибавляя к этому любопытные подробности: – У каждого из жителей [Гогланда], для которых эти крушения составляют род выгодного промысла, можно найти трапы, люки, обломки стеньг и другие корабельные вещи; кормами кораблей они украшают входы в церковь и дома».

Да, много судов нашло свой конец на скалах этого коварного острова, но наиболее примечательное кораблекрушение было связано с именем знаменитого немецкого ученого и путешественника XVII века, участника двух посольств в Россию – Адама Олеария. В моем рассказе речь пойдет именно о втором посольстве, направленном в Россию в 1635 году голштинским герцогом Фридрихом III.

Никто не хотел плыть в Московию

Помимо торговых целей Фридрих, как человек любознательный, хотел собрать подробные сведения о Московии, стране еще малоизвестной в Европе; для этой цели он

искал ученого, который мог бы отправиться при посольстве в качестве «описателя». На эту должность герцогу рекомендовали выпускника Лейпцигского университета Адама Олеария. Если в первом посольстве Адам занимал скромную должность секретаря, то уже во втором, более торжественном и обширном, участвовал в качестве советника посольства. Последнее посольство было более торжественным и обширным: в свите находилось свыше 90 человек, среди которых помимо важных особ были переводчики, трубачи, портные, музыканты, телохранители и даже надзиратели за серебряной посудой.

Посольство отправилось в путь из немецкого порта Любек в октябре 1635 года. Октябрь – не самое благоприятное время для плавания по Балтике, но корабль и его команда тоже оставляли желать лучшего. Едва ступив на палубу, Адам сразу почувствовал недоброе: команда не умела работать с парусами и держать курс судна. «Тут мы сразу увидели, – писал он, – что большая часть наших моряков были юны в искусстве мореплавания, как и наш корабль, который плыл с нами в море».

С большими трудностями достигнув шведского города Кальмар, путешественники стали совещаться по поводу будущего маршрута. Было высказано мнение, что не стоит испытывать судьбу, а следует ехать в Россию «сухим путем». Однако все же решили продолжать путешествие морем. Попытка нанять более опытного капитана успехом не увенчалась: никто из местных шкиперов не соглашался плыть в это время года в Московию.

Неистовая буря

«3-го числа с Божией помощью мы распустили паруса, – пишет Олеарий, – и отправились в путь, миновав большую круглую скалу, называемую Шведская Дева». Так была начата самая опасная часть этого путешествия...

Корабль держал курс на Ревель, откуда послы намеревались по суше добраться до Москвы. Но едва судно вошло в пределы Финского залива, как появились признаки надвигающегося шторма.

В этой ситуации капитан заявил, что опасается подходить к ливонскому берегу из-за опасности разбиться о камни, и счел за лучшее пережить бурю в открытом море. «Вечером поднялся страшный бурный ветер, – продолжает Олеарий, – и прежде чем мы успели принять все меры предосторожности, он с ужасным треском сломил большую мачту, которая упала за борт». Вместе с мачтой судно лишилось нескольких кают: их сорвало и унесло в море.

Адам Олеарий. Немецкая гравюра 1656 г.

Как чудо расценил Олеарий тот факт, что, несмотря на все разрушения на палубе, компас уцелел. Хотя теперь он имел мало значения для кормчего: ветер нес фактически разбитое и неуправляемое судно все дальше на восток. «Корабль все более и более метало из сто-

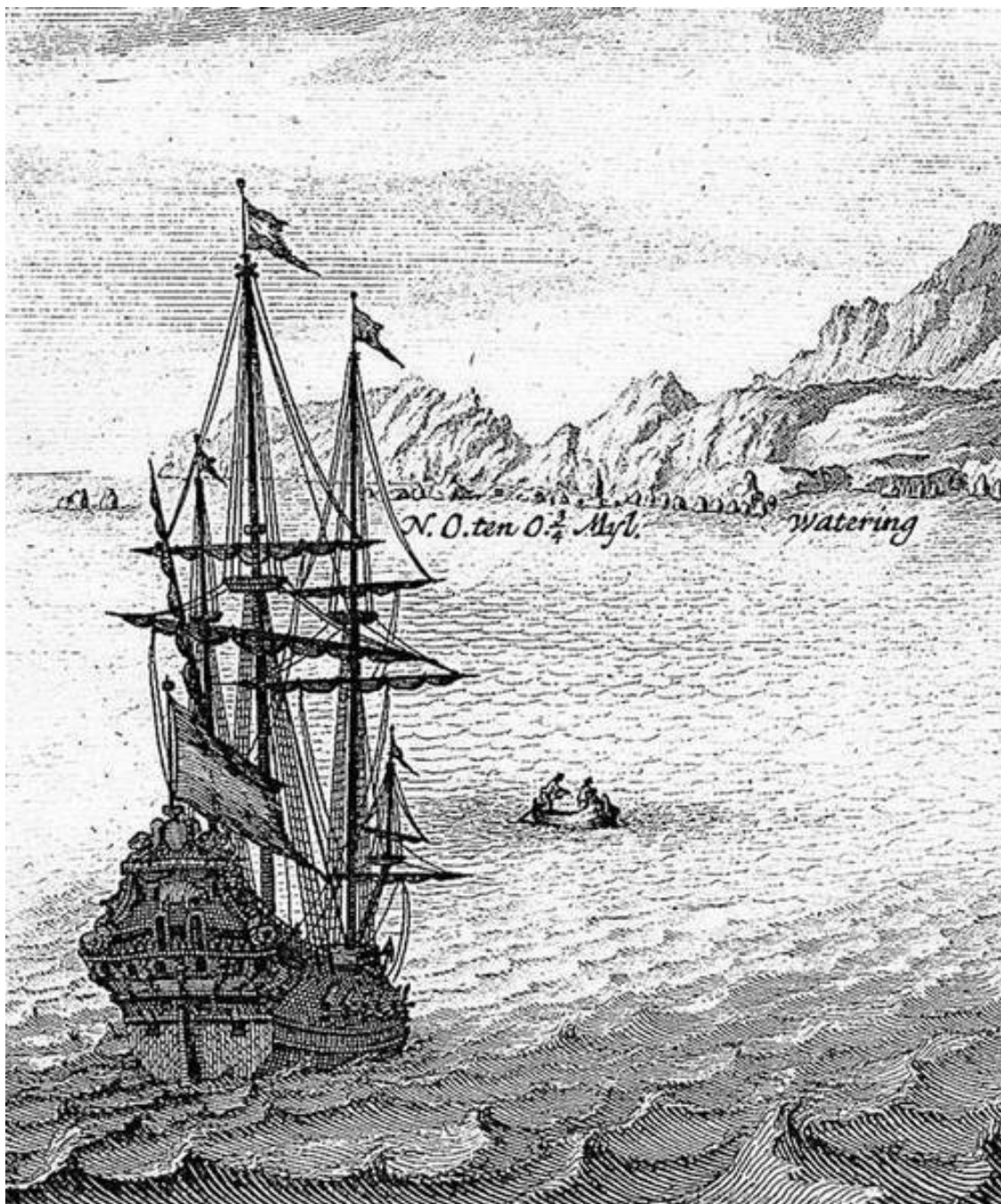
роны в сторону, – вспоминает хронист ту страшную ночь, – мы кружились, шатались, будто пьяные, и катались друг через друга...» Сломанная мачта, висевшая на снастях, подобно щупальцам гигантского спрута, билась о корабль, нанося ему все большие повреждения.

Команда надеялась, что к утру шторм утихнет, а судно принесет к ревельскому берегу. Но эти надежды быстро рассеялись. Едва рассвело, капитан признал, что они давно миновали Ревель... Пока послы всматривались в горизонт, с юга-запада пришла очередная буря, которая по своей силе превосходила предыдущую. Олеарий отмечал, что некоторые члены экипажа, ранее плававшие в «Восточных и Западных Индийских морях» и не раз попадавшие в страшные шторма, «божились, что никогда не бывали в такой опасности и не видели таких неистовых бурь».

Тем временем судно уже дрейфовало в центре Финского залива, неумолимо приближаясь к западному побережью Гогланда...

Земля на востоке

Видя, что корабль скоро не выдержит такого шторма, было решено править к финским шхерам, где капитан надеялся укрыть судно за островами. В случае крушения у людей все же были шансы спастись на скалах. Олеарий свидетельствует, что, ожидая такой разворот событий, весь экипаж собрал свои пожитки около себя. При этом один из послов открыл дорожный ларец и объявил, что при крушении судна каждый может брать для себя деньги и драгоценные вещи.

Парусник. Голландская гравюра конца XVII в.

О. Гогланд. Фото автора. 2005 г.

«Тогда главному боцману Юргену Стефансону пришла в голову мысль, – пишет Олеарий, – что посреди Финского моря впереди нас лежит остров Гогланд, в котором прежде он был и в котором находилась хорошая пристань». Решено было искать спасение на Гогланде... «В то же время постигла нас страшная минута, – сообщает хронист, – огромный морской вал налетел на корабль через каюты и, разбившись, покрыл собой весь корабль. От сотрясения мы попадали друг через друга и окончательно считали себя погибшими. Вода стремительно набиралась через разрушенные каюты...» В эти критические минуты с высоты фок-мачты раздался голос боцмана: «Слава богу, я вижу Гогланд»!

В 7 часов вечера полузатопленный корабль голштинского герцога стал на якорь в гавани Гогланда.

Весь следующий день команда занималась починкой корабля: впереди лежал путь в Ревель. Однако попытка отойти от острова закончилась плачевно – мощные валы бросили корабль на каменистый берег и окончательно разбили его. Спасая посольскую шкатулку с драгоценностями, Олеарий едва не утонул. Если бы не корабельный врач, вытащивший Адама на берег за полы его кафтана, знаменитое «Путешествие в Московию» так и не было бы написано...

Промокших и пребывающих в шоке послов, которые более походили на оборванных бродяг, приютили на Гогланде эстонские рыбаки, промышлявшие здесь до зимы. Олеарий пишет, что именно эти простые люди спасли им жизнь, так как ночи уже были холодные, а вся команда оставалась в мокрых платьях. За время, проведенное на острове, Адам составил первое в истории описание острова Гогланд, указав его размеры и минералогическое происхождение.

Только через неделю «робинзоны» поневоле смогли наконец добраться на рыбачьих ботах до Ревеля. Так закончилась 22-дневная одиссея Олеария по Балтике и Финскому заливу. Впоследствии Адам еще дважды посещал Россию: с третьим посольством герцога и в последний раз – с какой-то личной миссией. Его книга «Путешествие в Московию», вышедшая в 1647 году в Германии, стала бестселлером во всей Европе, навеки прославив имя Адама Олеария. Книга обширна. Она охватывает много стран, событий, имен. Но самые

драматические страницы в ней относятся именно к нашему региону, где описаны скитания посольства по «Финскому морю» и кораблекрушение у Гогланда.

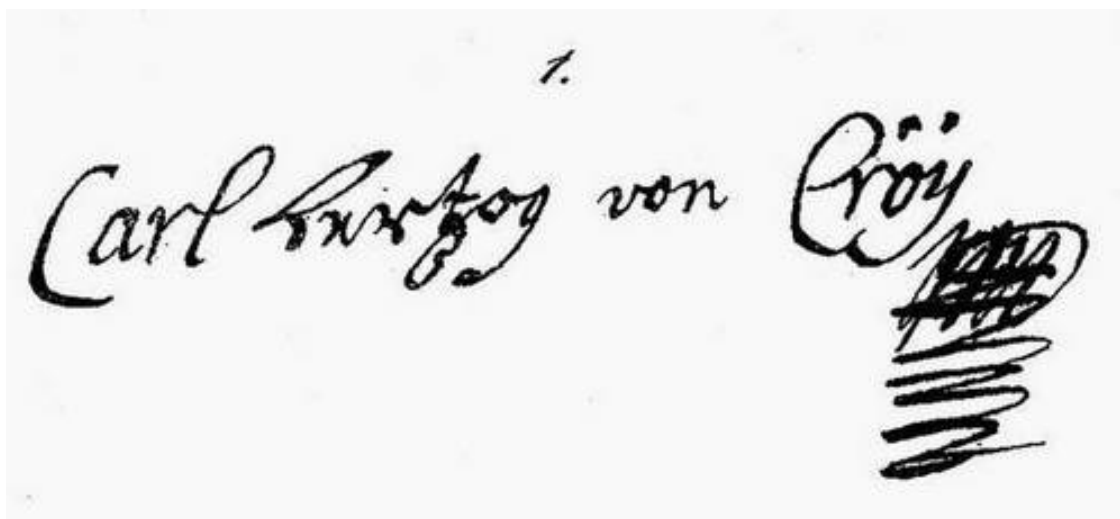
Глава 2

«Посмертные похождения» герцога де Кроа

Сподвижники Петра I... «Птенцы гнезда Петрова»... При этих словах всплывают в памяти всем известные имена Менишкова, Голицина, Шереметева. До нас дошли их портреты, высказывания, о них сложены легенды и написаны книги... Но что мы знаем о судьбе герцога де Кроа, верой и правдой служившего Петру I и попавшего в плен к шведам? История его жизни похожа на приключенческий роман: скитания по Европе, служба в России, участие в Северной войне, пленение... Однако, как ни странно, более всего герцог прославился своими «посмертными похождениями», которые продолжались ни много, ни мало – почти 200 лет.

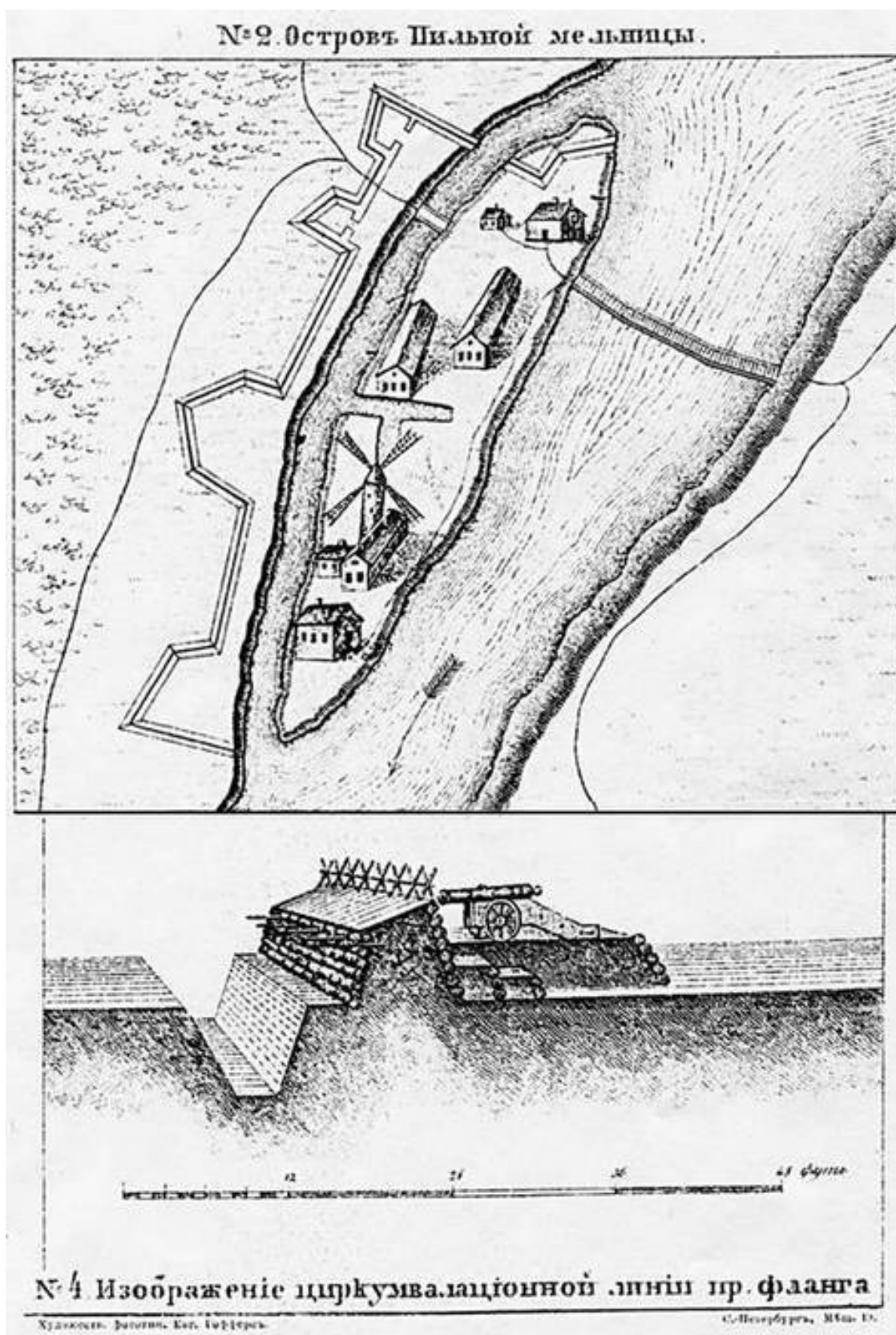
Навстречу русскому флагу

В первой половине XIX века в церкви Св. Николая (Нигулисте) в Ревеле (ныне – Таллинн) был выставлен удивительный экспонат. В одной из часовен на катафалке стоял гроб со стеклянной крышкой, а в нем – мумия, одетая в черный бархатный камзол с белоснежными кружевами, ноги в чулках, на руках – перчатки, на голове завитой парик.

Подпись герцога де Кроа. 1700 г.

Церковный сторож, который получал немалые доходы от показа мумии, трогательно заботился о ее сохранении: когда мумию стали одолевать мыши, он завел в церкви кошку. А однажды в дождливый и сумрачный осенний вечер органист играл хоралы и вдруг услышал шаркающие шаги. Из темноты в свете качающегося фонаря появилась мумия. Охваченный ужасом органист все же заметил, что мумия движется не сама, а ее несут. Оказалось, что крыша в церкви промокла, и простодушный сторож решил просушить мертвеца у печи...

Русские укрепления под Нарвой. Рисунки генерала Алларта, плененного вместе с де Кроа под Нарвой. Возможно, рисунки выполнены Аллартом в шведском плену. Начало XVIII в.

Чья же это была мумия и как она оказалась в Эстонии, тогдашней Эстляндии?..

Прежде чем попасть на службу к русскому царю, герцог Карл Евгений де Кроа принял участие, кажется, во всех тогдашних европейских баталиях. Французский подданный, в чьих жилах текла кровь венгерских королей, начал свою военную карьеру в Дании, где сражался против шведов. Затем он был произведен в генерал-лейтенанты и назначен комендантом крепости Хельсингберг (шекспировский Эльсинор, где в свое время жил Гамлет). Через несколько лет герцог перешел на службу к австрийскому императору Леопольду I и отличился в сражении при Гране. В 1686 году Кроа участвовал во взятии австрийцами Офена, где его ранили. Через шесть лет содействовал принцу Людовику Баденскому, разбив турок при Саланкемене, где был снова ранен. В 1693 году во главе австрийской армии осадил Белград, но ему пришлось отступить со значительными потерями. В Вене Кроа встретили довольно холодно, им были недовольны и за отступление от Белграда, и за крайне неумеренный образ жизни – пьянство и постоянную крупную игру в карты. И «тогда счастье оставило его, и он сошел с военного поприща».

Лифляндский крестьянин, служивший проводником Карлу XII под Нарвой. Гравюра XIX в. по шведской гравюре 1701 г.

Пользуясь покровительством австрийского императора Леопольда, Кроа явился в 1698 году в Амстердаме к Петру I. Император в рекомендательном письме называл его «храбрым, опытным генералом», просил «дозволения ему снискать новую славу под знаменами русскими». В тот же день Петр выезжал в Вену и объявил Кроа, чтобы он отправился в Россию.

Неизвестно, по какой причине герцог медлил с прибытием в Россию, но вскоре, забыв про свой договор с Петром, поступил на службу к польскому королю Августу II.

Битва под Нарвой 19 ноября 1700 г. Фрагмент голландской гравюры П. Шенка с оригинала Р. Гооге. В правой части гравюры представлен герцог де Кроа, просящий милости у шведского короля-победителя Карла XII. 1701 г.

В 1700 году герцог де Кроа приехал в Новгород как представитель Августа с заданием уговорить царя прислать королю в Ригу в помощь 20 тысяч человек. Петр I готовился в то время к Северной войне и, нуждаясь в опытных полководцах, задержал знакомого герцога. Напомнив Кроа о данном обещании русскому флагу, Петр велел ему отправляться к Нарве.

Нарвская катастрофа

Под Нарвой герцог неотлучно находился при Петре I. Рассказывают, что, когда царь вместе с новоприбывшим фельдмаршалом осматривали под выстрелами укрепления крепости, Кроа ехал верхом «в красном мундире с позументами: доказательство его неустрашимости». Только по убеждению Петра, Кроа согласился надеть старый плащ, чтобы не служить целью стрелкам.

Тем временем обстановка вокруг Нарвы накалялась. Шведский король Карл XII – «новый Александр Македонский», как писали о нем в Европе, – лихо, по-молодецки расправился с Данией, разбил под Ригой саксонцев, а затем с отборной одиннадцатитысячной армией двинулся к Нарве. Король желал преподать урок еще не опытным в батальном искусстве русским солдатам. А солдатушки эти, если не считать семеновцев, преображенцев и еще нескольких опытных полков, участвовавших в Азовском походе, то и дело гибли от разрывов собственных оружейных стволов: обсушить не то что отсыревший порох, но и свои собственные мундиры не умели и мерзли на октябрьской стуже при первых покровских морозах. В довершение всего царь покинул армию. По одной из версий, молодой Петр для усиления войска решил отъехать на тыловую базу в Новгород...

Карл XII. Литография XIX в. с портрета Крафта. 1717 г.

Как сообщают очевидцы, «семь посланных прибыли к герцогу с предложением явиться к царю. Кроа, как бы предчувствуя последствия, оставался в своей походной палатке». Наконец сам Петр пришел к нему и объявил о назначении его главнокомандующим. Герцог де Кроа был изумлен, он отказывался, «отговаривался недавним прибытием в армию и незнанием языка». Но с царем, увы, не поспоришь... Разумеется, знай он что произойдет через сутки, герцог был бы куда настойчивее. Но все опасения перевесила надежда, что сил и времени хватит, чтобы отсидеться за одними укреплениями и взять другие. Неслучайно представитель Августа при царе барон Лангет в тот же день написал: «Я надеюсь, что теперь, когда герцог де Кроа получил полную власть, дела у нас примут другой оборот, ибо у него кончились вино и водка. Лишенный свой стихии, он, вне всякого сомнения, удвоит усилия для того, чтобы прорваться к винным погребам коменданта». Несколько иного мнения о Кроа был историк Устрялов, писавший, что герцог только «до обеда был великим пол-

ководцем, но после стола делался столь откровенным, что каждый мог узнать его сокровеннейшие тайны».

...Российская армия под Нарвой насчитывала до 45-ти тысяч человек. Но, как говорится, искусство превозмогло силу. Тем более молодая, еще не сплоченная армия не знала иностранца Кроа, и он не знал войск. Бутурлин, оценивая факт передачи Петром командования армией, пишет, что «русские генералы, еще не привыкшие к строгой дисциплине, завидовали доверенности государя к иностранцу и не были расположены ему повиноваться».

Ревель. Гравюра на меди. 1721 г.

Этот драматический момент передачи власти под Нарвой историки позже назовут «загадкой Нарвского побоища». В самом деле, как мог царь в виду приближающегося шведского войска доверить командование над армией иностранцу, который почти не говорил и не писал по-русски. Как видно из документов, Петр собственноручно заполнял военные артикуляры за герцога. «Борис Петрович! – писал царь последние наставления генералу Шереметеву. – Приказал я ведать над войском и над вами арцуху ф.-Кроу: извольте сие ведать и потому чинить как написано в статьях у него за моей рукою, и сему поверь».

...Сражение началось в 11 часов утра перестрелкой, продолжавшейся до 2 часов. Карл надеялся выманить русских в поле, однако те предпочли остаться за непрерывными земляными укреплениями и глубоким рвом в придачу... Карл приказал идти на штурм. Шведы методично двинулись вперед. Надо представить, какое воздействие оказывали они на необстрелянных новобранцев – шведские фигуры, выныривавшие, как привидения, из снежной мглы. Казалось, шведы заговоренные, их не берут ни пули, ни ядра.

После стремительной атаки противника, солдаты дивизии Головнина отошли назад. Не устояли и дворянские сотни Шереметева. Без боя, обгоняя друг друга, всадники в беспорядке устремились к реке. В холодных водах Нарвы утонуло около тысячи человек. Солдаты бежали с криками: «Немцы нас предали!», имея в виду иностранных новобранцев и самого главнокомандующего... Солдаты бежали, как стадо, перемешавшись с другими полками. Большая часть беглецов устремилась к мосту. Под тяжестью бегущих наплавной мост просел и разломился, сбросив десятки людей в ледяную воду.

Кроа тщетно пытался остановить бегущую со всех ног армию, но войско ему не повиновалось. Более того: озверевшие солдаты обвинили иноземцев во всех несчастиях, убивая всех, кто попадался им под руку, в том числе офицерских слуг и даже жен. В сложившейся ситуации Кроа, посоветовавшись с генералом Аллартом, решил, что лучше сдаться в плен, чем пасть от рук разъяренных солдат. Со словами: «Пусть сам черт дерется с такими солдатами», – Кроа вместе с Аллартом сдался в плен... Говорят, что, оглядев своих знатных плен-

ников, Карл XII язвительно заметил: «Из любви к брату, царю Петру, спасаю его славных генералов от солдатской ярости. В Нарве вам будет спокойнее и сытнее, чем при войске...»

Призрак церкви Нигулисте

Современники объявили Кроа изменником. Но насколько справедливы эти обвинения?.. Герцог не один положил оружие: с ним явился к Карлу XII и генерал Алларт, которого Петр I через пять лет поменяет на шведского генерала Горна. Тем более содержали Кроа, как опасного врага, в жестких арестантских условиях, под охраной офицера и двух солдат, безотлучно стоявших часовыми у дверей. После отправки в Ревель у Кроа было отобрано все имущество, и он испытывал острую материальную нужду. В московских архивах сохранились его письма из плена, в которых он умоляет прислать ему денег и доставить возможность оправдаться перед царем за Нарву. Уже по первому письму Петр приказал перевести пленному герцогу 6 тысяч рублей. Вряд ли царь стал заботиться о Кроа, если бы считал его изменником...

Через три месяца герцога освободили под честное слово. Бывший фельдмаршал быстро освоился в Ревеле, завел обширный круг знакомств среди местной знати. Перед ним открылись не только двери, но и кошельки ревельцев, а жить в долг герцог был истинный мастер. (Стоит сказать, что в 1753 году ревельский почтмейстер Гофман бил челом императрице Елизавете, что его дед разорился, давая займы деньгами герцогу фон Кроа... Елизавете пришлось выдать памятливому эстонцу 3000 рублей...)

Ну а что наш герцог? Конечно, вырвавшись из тесной камеры, он много пил, играл в кости, долги его росли и росли. Все шло великолепно.

Тело герцога Карла де Кроа в церкви святого Николая (Нигулисте) в Ревеле. Художник Г. Криге. 1839 г.

...И вдруг – как гром среди ясного неба: 20 января 1702 года герцог внезапно умирает. Огорченные взаимодавцы собрались на совещание. Кто-то вспомнил, что, согласно, Любекскому праву ганзейских городов, ревельцы могут запретить похороны должника, пока не получат свои денежки сполна. Совещание постановило не отдавать тело мертвого герцога – единственный залог его больших долгов. Власти же проявили неожиданную уступчивость, боясь, видимо, крупных расходов на похороны, подобающие титулу герцога. Договорившись

с магистратом, обманутые горожане положили свой «залог» в гроб и отнесли его на хранение в подвал в церкви Св. Николая.

Ручка от гроба герцога де Кроа. Автор благодарит Калмара Улма (Эстония) за предоставленную фотографию

...Рассказывают, что Петр I, узнав о смерти Кроа, произнес: «Сердечно жаль мне доброго старика: он был поистине умный и опытный полководец. Вверив ему команду 14 дней прежде, я бы не потерпел поражения под Нарвою». В то же время Петр приказал запросить Ревель о размере долгов Карла де Кроа. Однако что-то не срослось. Или, может быть, долги герцога просто оказались царю не по карману... Интересно, что, когда в 1710 году Ревель капитулировал перед русскими войсками, городской магистрат снова напомнил о долгах герцога Русской Военной Коллегии и о том, что «они еще не были тогда очищены».

А мумию герцога извлекли из подвала только через 120 лет. Что касается сохранности тела – ученые мужи объяснили этот феномен довольно прозаично: раствор, скрепляющий кладку церкви, содержал каменную соль, и вдобавок тело Кроа бы поставлено туда во время сильного январского мороза. Но у горожан была своя версия на этот счет... Они полагали, что Кроа сохранился благодаря крепким напиткам, которые покойный весьма ценил.

Как я уже упоминал, мумию герцога выставили в ревельской церкви на всеобщее обозрение, где она превратилась в своего рода редкостную достопримечательность. «Небольшая дверь ведет в капеллу, – писал один из путешественников в 1839 году. – Там лежит иссохший труп герцога де Кроа, сохранившийся более 130 лет. Близ дверей стоит дубовый гроб, в котором лежит его тело; лицо почернело и похоже на деревянный истукан, волосы еще видны надо лбом, и на голове – парик. Из-под черной бархатной мантии выглядывают манжеты и рубашки, так же хорошо сохранившиеся, как жилистые руки и высохшее тело. На лицевой стороне катафалка видна следующая надпись: „Карл Евгений Герцог де Кроа, происходил от Королевской крови, родился в 1650 году в Бельгии, был славен, не столько своими великими деяниями, сколько разнообразностью их. Взят в плен во время Нарвской битвы и умер в Ревеле в 1702 году. Труп его сохранялся 118 лет и вынут из могилы в 1819 году“».

Несмотря на то что показ вельможного чучела приносил церкви неплохой доход, в середине XIX века власти распорядились снова спрятать тело в подвал. К концу века сумма долга Кроа вместе с процентами достигла размеров астрономических. Но в январе 1897 года она неожиданно была выплачена... Кем? Почему? Это навсегда останется загадкой Старого Таллинна... А тело незадачливого полководца наконец похоронили по-христиански. Так закончились приключения Карла де Кроа, точнее его мумии, – 200 лет спустя после смерти.

Глава 3

Несостоявшаяся дуэль Петра Великого

Июнь 1707 года в польском местечке Якобовичи близ Люблина выдался беспокойным. Здесь базировалась главная квартира русской армии, поджидавшей Карла XII. Согласно русским сведениям, шведский король вот-вот должен был подойти к Люблину с 40-тысячным войском. Обстоятельства осложнялись еще тем, что по всей Польше поползли слухи, что Петр I, находившийся здесь, намеревается посадить на польский трон своего сына Алексея. Чтобы успокоить поляков, царь даже отправил сына в Москву...

Однако вскоре новые слухи, которые пришли из Якобовичей, повергли многих в недоумение: говорили, что во время дружеской попойки русские вельможи повздорили с прусским послом Георгом Иоганном фон Кейзерлингом; вытолкали его за двери, и более того, – сам царь вызвал его на дуэль! Это был неслыханный скандал в истории европейской дипломатии.

Слухи множились, но официально не подтверждались. Очевидно, дело, принявшее сразу серьезный оборот, засекретили. Правда, коллега Кейзерлинга, британский посол в России Чарльз Витворт, исправно доносил королевскому секретарю в Лондон: «Вы, полагаю, уже получили... полный отчет о несчастий, которое постигло Кейзерлинга в день св. Петра при большом празднестве, на котором он поссорился с князем Меншиковым. От слов дело дошло до побоев. С тех пор посланнику этому запрещено являться ко двору и к царю; он же, со своей стороны, послал нарочного к королю прусскому с известием о случившемся». Витворт при этом замечает, что первый повод к ссоре был «частного характера».

Действительно, прусский посол и князь Меншиков повздорили из-за дамы, на которую еще недавно имел виды Петр I. Речь шла о недавней фаворитке царя Анне Моне...

Ж.-Б. Удри. Петр I. Франция. 1717 г.

Событие, потрясшее дипломатический мир Европы, произошло на обыкновенной царской пирушке, на которую сам Кейзерлинг не имел никакого желания идти. Об этом сообщает депеша некоего высокопоставленного лица, адресованная королю Пруссии Фридриху I: «Вседержавный великий государь, августейший король повелитель! – сообщал неизвестный чиновник. – Не далее как четверть часа тому назад получил я с Люблинской почтой письмо [от] посла Кейзерлинга. Он пишет о том, как сильно опасается предстоящего большого пиршества, устраиваемого царем в день своего тезоименитства в Якубовицах, в полуверсте от города; опасается обычных при подобных пирах разгула и бесчинства, и как охотно

откупился бы хоть дорогой ценой, лишь бы не присутствовать на пиру; но быв приглашенным генерал-адъютантом его царского величества, он не мог отклонить приглашения, не подвергая себя опасности потерять всякое значение при том дворе».

(Любопытно, что последнюю мысль – о значении посла при русском дворе – разделял и датский дипломат Юст Юль. В 1710 году он записал в дневнике, что в России важнейшие дела решаются на царских пирушках и обязанность любого иностранного дипломата – там находиться.)

Но вернемся к депеше Кейзерлинга... В начале своего пространного документа посланник поведал монарху о девице Моне, которая «прежде была любовницей царя», а последние четыре года содержалась под домашним арестом. Он, Кейзерлинг, «вовлеченный в ее роковую судьбу», заступался за Анну, а теперь решил помочь и ее брату – устроить его на русскую службу. «Когда же я обратился к царю с моей просьбой, – продолжает дипломат, – царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Моне для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет».

В этот момент Петр вышел из покоев, и в разговор вступил Меншиков. Он заявил, что «девица Моне действительно подлая женщина», с которой он сам развратничал столько же, сколько и Кейзерлинг. Прусский посол вспылил и, оттолкнув князя от себя, сказал: «Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как... (Бранное слово в подлиннике опущено – *Примечание переводчика XIX в.*). Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня и взбесило и послужило к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. Вслед за тем я хотел было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни под каким предлогом не выпускавшая никого из гостей, не пропустила и меня. Затем вошел его царское величество». Далее Кейзерлинг сообщает, что Петр и его фаворит набросились на посла с ругательствами и, протащив к лестнице, спустили его вниз... В итоге оскорбленный посол был вынужден возвращаться домой «на кляче» своего лакея.

Князь А.Д. Меншиков. Немецкая гравюра. 1710 г.

После доклада о происшествии Кейзерлинг просит короля беспристрастно рассмотреть это дело, надеясь на его чрезвычайный ум и великодушие. «Клянусь Богом, – признается дипломат, – что все обстоятельства, изложенные мною, совершенно верны: все польские магнаты, бывшие на пиру, могут засвидетельствовать, что поведение и обращение мое были безукоризненны и что, несмотря на сильную попойку, я все время был трезв. Но, положим даже, – рассуждает посол, – что я был пьян (чего в действительности не было) и произвел какое-либо бесчинство, подвергать меня за это строгому аресту совершенно неуместно».

В конце своего послания Кейзерлинг просит короля как о великой милости – немедленно уволить его «от должности».

Эта депеша, направленная королю из Люблина, датирована 11-м июля 1707 года. Через пять дней Кейзерлинг, находясь, видимо, под домашним арестом, пишет королю еще более пространное послание. Посол объясняет это тем, что первый документ был составлен «с большой поспешностью», а теперь он хочет передать своему монарху новые подробности этой истории. Для нас вторая депеша особенно ценна: именно в ней открываются новые нюансы того памятного тезоименитства Петра Великого, которое чуть не окончилось дуэлью между царем и прусским посланником.

«Всецарствующий, великий король!.. – обращается Кейзерлинг к своему монарху. – Надлежит, однако, обратить [ваше] внимание на следующие упущенные в этом деле обстоятельства: во-первых, князь Меншиков первый стал грубить мне непристойными словами... Во-вторых, когда несколько офицеров развели нас друг от друга, его царское величество (Петр I. – *А. Е.*) сам обратился к Меншикову со словами: «Ты всегда затеваешь то, чего сам не понимаешь, и я должен отвечать за все твои глупости, и потому советую тебе помириться с Кейзерлингом».

В последующих строках, адресованных Фридриху, Кейзерлинг переходит к новым подробностям этого праздника, которые принимают вовсе немыслимый характер...

«Вслед за сим его царское величество подошел ко мне в ярости и спросил, что я затеваю и не намерен ли я драться. Я отвечал, что сам я ничего не затеваю и драться не могу, потому что у меня отняли шпагу, но что если не получу желаемого удовлетворения от его царского величества, то готов драться с князем Меншиковым. Тогда царь с угрозой, что сам будет драться со мной, обнажил свою шпагу в одно время с князем Меншиковым: в эту минуту те, которые уже держали меня за руки, вытолкнули меня из дверей... и низвергли с трех больших каменных ступеней, и мало того, проводили толчками через весь двор, где я нашел своего лакея одного... Неслыханный позор, которому подвергся министр вашего королевского величества, – завершает свое письмо Кейзерлинг, – так велик, а нарушение международного права – есть преступление столь важное, что вызванный ими гнев вашего королевского величества будет совершенно основателен».

Этими событиями завершился праздник, устроенный Петром I в маленьком польском городке. Кейзерлингу тут же объявили, что вследствие его дурного поведения, которое он показал накануне, и поскольку обозвал Меншикова ругательным словом, и тем опозорил дом царя, он должен удалиться от русского двора. Кейзерлинг парировал, что не он первый начал нелепую ссору, и к тому же эта вспышка гнева произошла у него «под влиянием насильственно произведенного в нем охмеления». Посол также просил передать Петру I, что если он и погрешил против царского величества, то сильно об этом сокрушается...

Петр I. Миниатюра начала XVIII в.

По-видимому, Петр I и сам был не рад весьма скандальной истории.

Поэтому не удивительно, что вскоре в депешах Кейзерлинга появляются новые, более мягкие нотки: «Три дня тому назад, – доносит дипломат королю, – офицер царской службы подозвал к себе на многолюдной улице одного из моих слуг и сказал, что слышал, будто ссора наша прекращена, и царь меня удовлетворил богатым подарком».

Действительно, Петр вскоре нашел способ, как разрешить щекотливую ситуацию. Он провел свое расследование и признал виновными двух гвардейцев, столкнувших посла с лестницы. Гвардейцев приговорили к смертной казни. Правда, это был своего рода спектакль, срежиссированный самим царем. Кейзерлингу объяснили, что перед тем, как он получит аудиенцию у Петра I, он должен попросить помилования для этих двух «несчастных». А они, в свою очередь, явятся к нему в оковах и будут благодарить Кейзерлинга за дарование жизни.

«...Приговор был почти уже исполнен, – сообщает дипломат королю. – Русский поп уже дал преступникам свое наставление к принятию смерти, уже благословил их распятием, уже даны были им свечи в руки, глаза были повязаны... Потом, по моему требованию, они были освобождены от цепей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравие вашего королевского величества (Фридриха I. – А. Е.) и его царского величества (Петра I. – А. Е.)».

Меншиков также участвовал в этом «спектакле». По словам Кейзерлинга, он встретил его на галерее – «честь, которую он едва ли оказывает другим иностранным министрам, даже при первом приеме их... Мы удалились в сторону к окну отдельной комнаты, – пишет дипломат, – и объяснились по поводу ссоры, происшедшей от неумеренной выпивки. По общему нашему соглашению, ссора эта не только будет предана забвению, но даже послужит в будущем к подкреплению нашего благорасположения и дружбы».

Неожиданно в покои вошел Петр, «по своей привычке безо всякой церемонии». Он обнял прусского дипломата и, не позволив вымолвить ему слова, сказал, что устал от подъема по лестнице, потому что чувствует себя еще очень неважно после болезни. Потом они прошли в глубь галереи, где Кейзерлинг стал благодарить царя за полное удовлетворение этого конфликта, а также принес свои извинения по поводу случившегося. Но Петр снова не дал послу говорить, сказав кратко по-немецки: «Сам Бог свидетель, как глубоко сожалею я о случившемся; но все мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забыл о ссоре и пребываю благосклонно и с любовью преданный вам».

Таким образом, неприятности Кейзерлинга, которые он претерпел от русского двора, завершились самым милым образом. Впоследствии прусский дипломат не захотел воспользоваться полученным от короля разрешением выехать из России. Это и неудивительно: находиться в должности королевского посла в Санкт-Петербурге в начале XVIII века было очень престижно. К тому же Кейзерлинг не уехал, как он сам писал, «по личным соображениям». Под этими словами, несомненно, подразумевался его роман с Анной Моне, на которой он женился в июне 1711 года. Однако счастье с ней было недолгим: через полгода прусский посол скончался по дороге в Берлин. Когда составили опись имущества покойного, многие с удивлением отметили, что среди вещей Кейзерлинга была миниатюра Петра I, усыпанная бриллиантами, – та самая, которую царь пожаловал Анне Моне в эпоху их бурного романа...

Глава 4

Карл XII о Полтавском сражении

В Стокгольмском государственном архиве хранится любопытный документ, к нему, по всей видимости, еще не обращались историки петровской эпохи. Он представляет собой черновой подлинник первого официального извещения о Полтавской битве. Это письмо

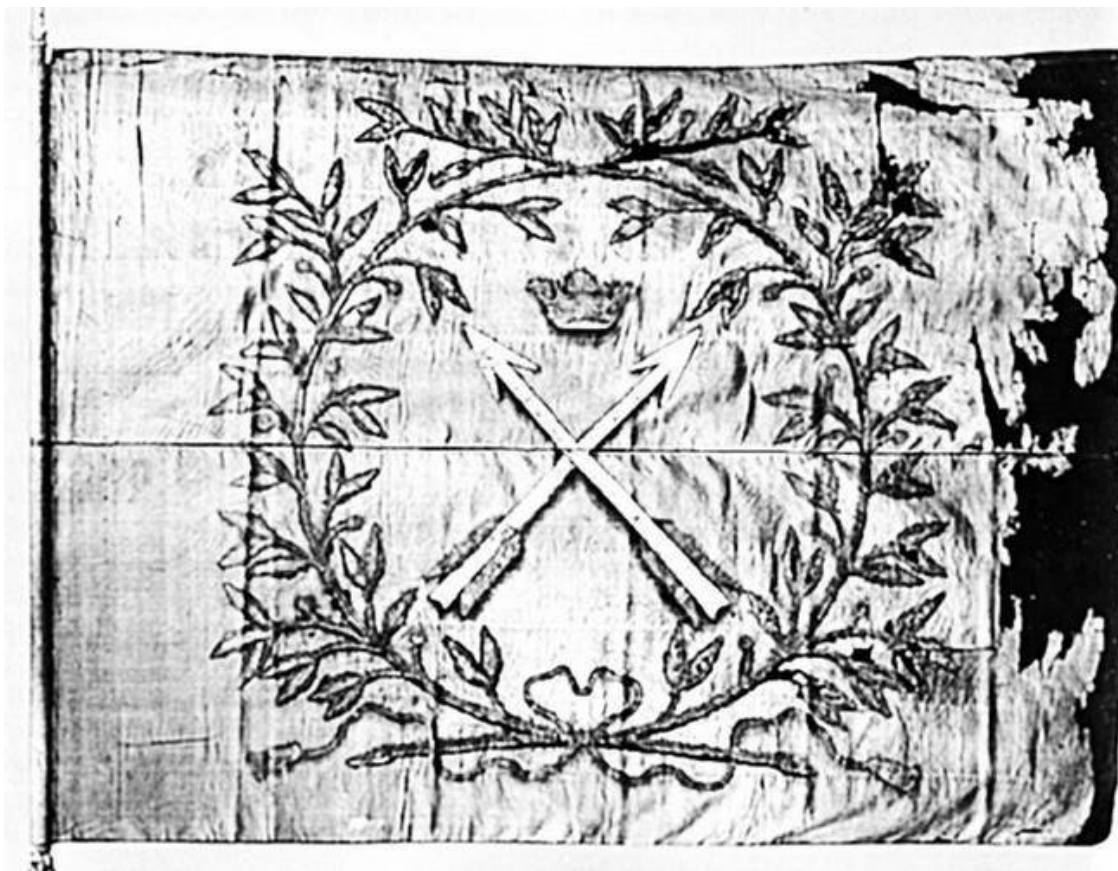
Карла XII, адресованное заседавшему в Стокгольме Правительственному совету, который в ходе Северной войны иногда именовался «Комиссией по обороне».

Письмо изобилует собственноручными поправками и дополнениями короля. На рукописи отмечено, что текст письма после оглашения его в Совете 7 сентября 1709 года разослали по всем губерниям Швеции и Финляндии. Таким образом, только через два месяца после полтавского разгрома шведские власти получили от своего монарха известие об этом драматическом событии. До этого письма в Швеции ходили только смутные слухи о катастрофе, постигшей Карла XII где-то на Западной Украине.

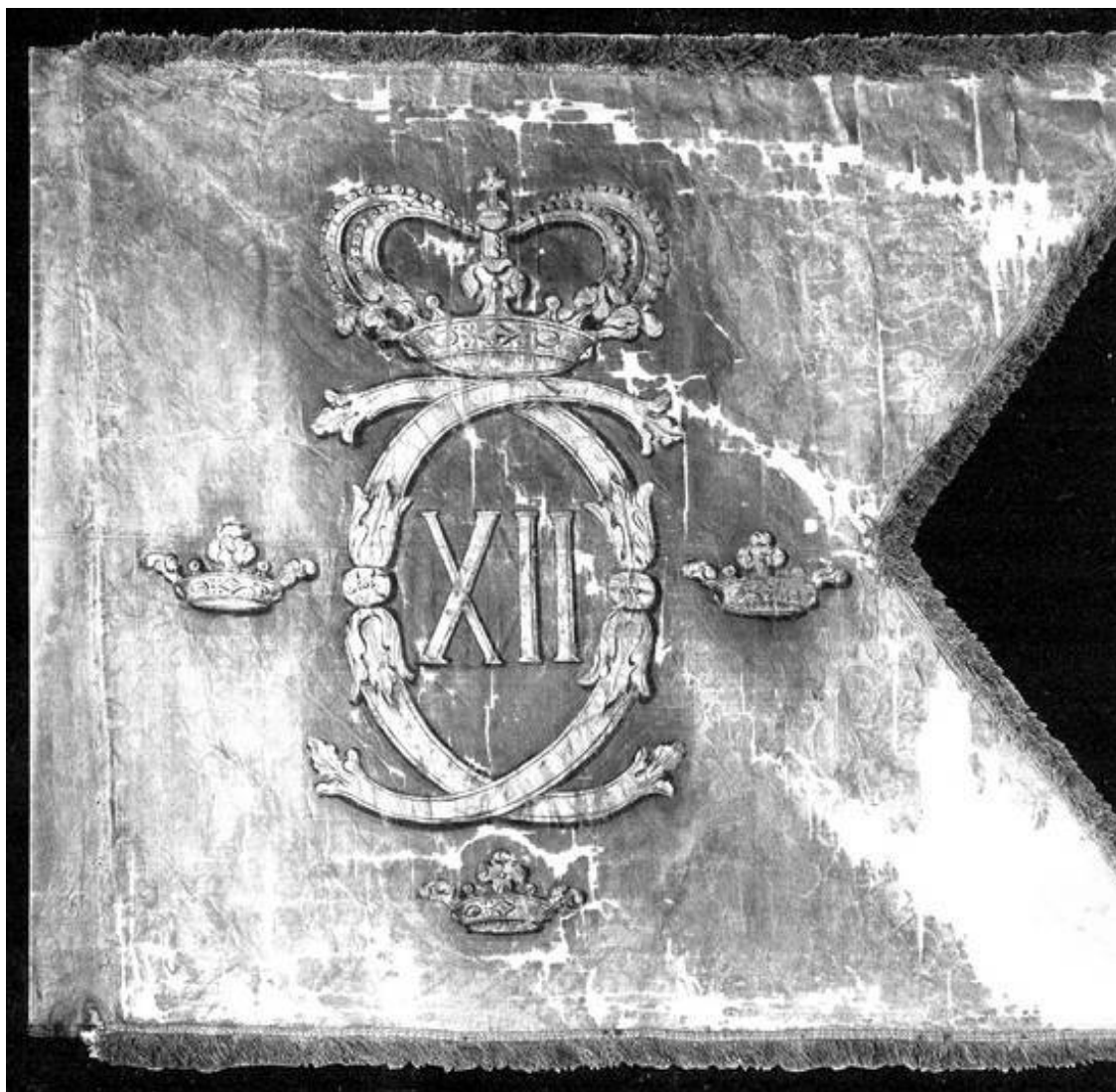
Вероятно, письмо было отправлено из какого-нибудь турецкого лагеря; ведь именно к туркам Карл бежал, проиграв свое главное в жизни сражение.

«Довольно долго мы уже не получали из Швеции никаких известий, да и не имели случая посылать писем сюда, — пишет король. — Между тем дела шли здесь (на Украине — *А. Е.*) хорошо, и все обстояло благополучно». Далее Карл XII самонадеянно рассказывает, что его войско одержало ряд побед над русскими и те якобы вот-вот должны были согласиться на все требования шведов. Но вскоре удача изменила последним. Карл пишет, что перед решающим боем он получил огнестрельную рану в ногу, не мог сидеть на лошади и делать необходимые распоряжения. С этого места король переходит к рассказу о полтавской катастрофе.

«28-го августа, — продолжает письмо Карл XII, — по несчастной случайности, шведское войско потерпело урон в сражении, что произошло вовсе не от храбрости или численного перевеса неприятеля, ибо он сначала был повсюду обращен в бегство, но самая местность и положение были так укреплены, что шведы чрез то понесли ущерб».

Знамя пехотного шведского полка образца 1686 г.

Шведский штандарт – трофей русской армии. Нач. XVIII в. Шелк, шитье

Интересно, что Карл связывает победу русских с той выбранной позицией, которую солдаты Петра I заняли накануне Полтавского сражения. Это согласуется с сообщением одного из приближенных короля, тот слышал, как шведский монарх, увидев построенное в боевом порядке войско русского царя, сказал: «Я не знал, что он (Петр I. – А. Е.) так удачно займет эту местность...». Но разве не в этом и состоит боевое искусство полководца – заблаговременно занять наиболее выгодную позицию, максимально используя природный ландшафт?

Однако вернемся к письму... Карл пишет, что, несмотря на то что его отряды везде атаковали и преследовали русских, большинство шведской пехоты было изрублено, а конница потерпела значительный урон. «Потеря весьма велика, – признается король, – но принимаются меры к тому, чтобы вследствие этого неприятель не получил перевеса и не приобрел малейшей выгоды».

После краткого известия о поражении под Полтавой Карл пытается поднять боевой дух своих подданных и сообщает, что еще не все потеряно. По мнению короля, крайне необходимо быстро восстановить военные силы, чтобы «отражать вредные замыслы и нападения неприятеля». Карл приказывает в спешном порядке набрать в Швеции рекрутов, которых

следует снабдить оружием, одеждой, палатками, знаменами, «музыкой» и прочими военными принадлежностями.

Петр I и Карл XII. Немецкая гравюра. 1728 г.

Поскольку в Полтавском сражении особенно пострадала кавалерия, монарх желал, чтобы шведские крестьяне-мызники предоставили лошадей и вообще содержали конных солдат. Всем оставшимся в Швеции полкам, согласно письменному приказу Карла XII, надлежало быть готовыми по первому требованию отправиться в Россию. «Весьма важно не падать духом и не предаваться малодушному бездействию, — завершает письмо Карл, —

[необходимо] напрягать все, чтобы поправить дело, дабы вскоре [привести] все к желаемому концу».

Петр I плачет о смерти Карла XII. Немецкая гравюра. 1841 г.

Как известно, мечтам шведского монарха о победе над Россией не суждено было сбыться. Полтавский бой переломил ход всей Северной войны, и маятник грядущей победы

качнулся не в сторону Стокгольма. В 1718 году воевать с Россией уже стало некому: «последний варяг», как иногда называли Карла XII, был убит при штурме норвежской крепости Фредриксхаль.

А что же Петр Великий? Как свидетельствуют очевидцы, узнав о смерти своего давнего врага, царь с горечью произнес: «Ах, брат мой Карл, как мне тебя жаль!»... и приказал объявить траур по всей России.

Глава 5

«Обнажил шпагу в присутствии царя...»

Из-за этого случая датский посланник Юст Юль едва не покинул Россию.

Имя Юста Юля, датского посланника при дворе Петра Великого, занимает особое место в истории Петербурга. Его «Записки» о пребывании в российской столице в 1709–1710 годах поистине бесценны. Нигде более мы не найдем такого подробного описания русской жизни петровской эпохи, личности царя, его приближенных.

Бояре и князья вместо шутов

«Записки» Юста Юля не предназначались для публикации. Автор признавался, что фиксировал все стороны российской жизни – как хорошие, так и не очень. «Если бы я решился бы когда-нибудь опубликовать свой дневник, – отмечал Юст Юль, – то исключил бы из него те места, в коих царь и его подданные рисуются в красках малопривлекательных». Правда, это было совершенно излишне: колоритная фигура царя Московии настолько увлекала Европу, что даже его самые отрицательные черты в глазах европейцев обрастали легендами...

Первым русским городом, в который попал Юст Юль, стала Нарва. С большим трудом, минуя шведский морской патруль, посланник датского короля Фредерика IV высадился на российский берег.

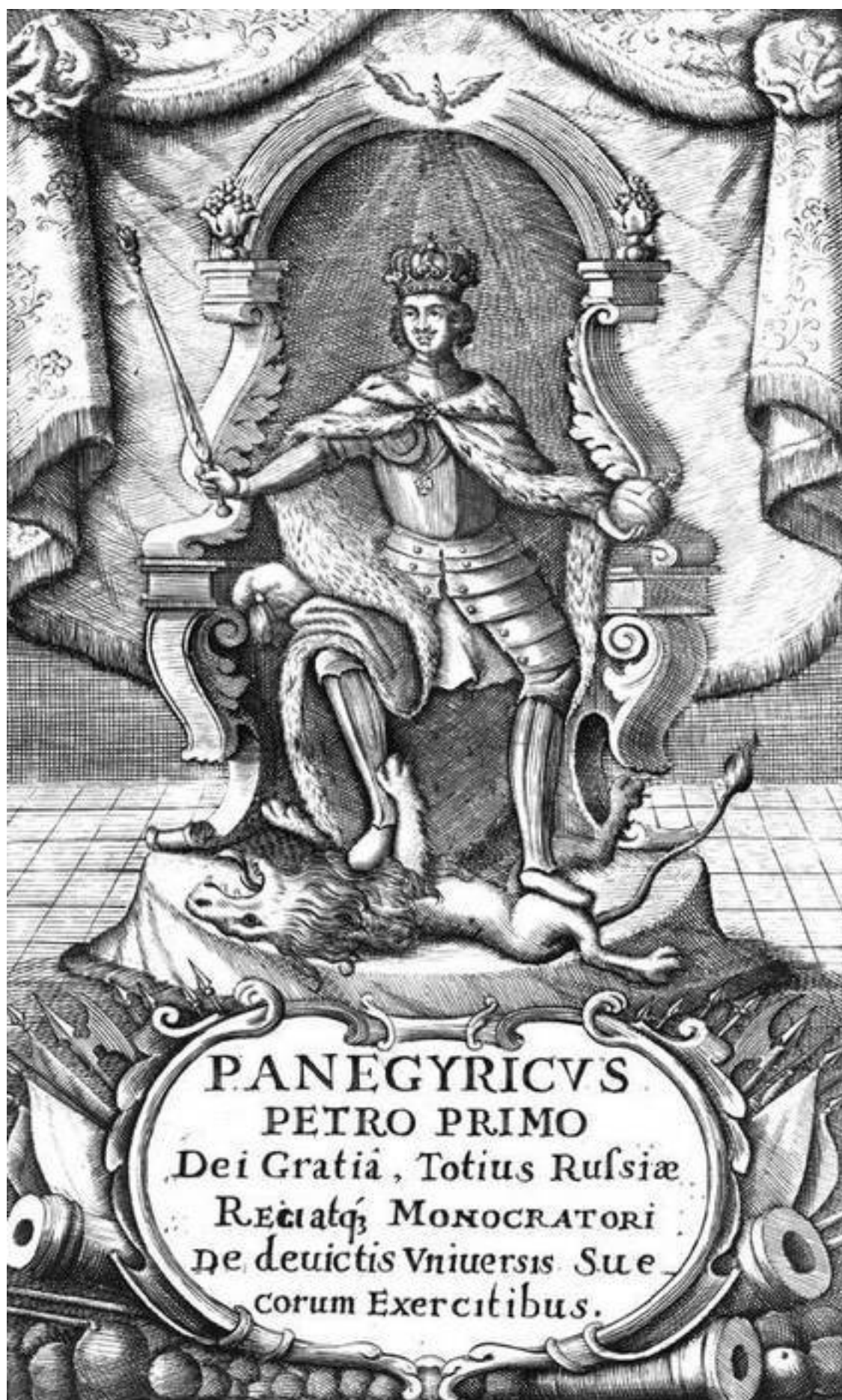
Едва посланник представился царю, как Петр осведомился, служил ли он на флоте. Услышав утвердительный ответ, монарх пригласил Юста Юля сесть возле себя и принялся говорить с ним по-голландски. «Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, – отмечает датчанин, – что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет». Юст Юль с удивлением отмечает, что при царе не было ни канцлера, ни тайного советника, как подобает монарху, а только свита из 8–10 человек. Также посланника удивило, что Петр не вез с собой никаких путевых принадлежностей – «на чем есть, в чем пить и на чем спать. Было при нем, – продолжает дипломат, – только несколько бояр и князей, которых он держал в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистели, пели и курили в той самой комнате, где находился царь». По словам Юста Юля, монарх беседовал то с ним, то с какими-то офицерами, совершенно не обращая внимания на этих шутов, хотя последние «нередко обращались прямо к нему и кричали прямо в уши».

Нарва. Немецкая гравюра. 1710 г.

Несмотря на довольно суетливую обстановку, датчанин нарисовал живой портрет русского царя. «Царь очень высок ростом, — пишет Юст Юль, — он носит собственные короткие коричневые волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма пронизателен и умен». Посланник отметил, что на царе был меч, снятый со шведского генерала Рейншильда в день Полтавской битвы.

Из Нарвы Юст Юль отправился в Петербург, где, не доезжая 15 верст до города, вместе с санями и лошадьми провалился в полынью. К огорчению дипломата намокшими оказались не только все его пожитки, но и королевские верительные грамоты, в которых сообщалось о его назначении посланником. Прежде чем явиться к царю, Юст Юль хотел было просушить свои драгоценные бумаги, но Петр заявил, что примет посланника и без верительных грамот — лишь бы тот скорее явился во дворец.

PANEGYRICVS
PETRO PRIMO
Dei Gratia, Totius Russiae
Regnatq; MONOCRATORI
De deuictis Vniuersis Sue-
corum Exercitibus.

Петр I. Гравюра Д. Галаховского. 1709 г.

С этого дня Юст Юль окунулся в особенности петербургской дворцовой жизни. Он ведет ежедневный дневник, где подробно описывает все, что видит в российской столице: фейерверки, приемы у князя Меншикова, царские поездки на буере, спуск кораблей... Юсту Юлю пришлось быть свидетелем и уничтожения Ниеншанца – крепостного вала, который к концу 1709 года еще оставался от шведской крепости. Вероятно, провожая этот памятный для России год, Петр хотел избавиться от Ниеншанца как от олицетворения шведского владычества на берегах Невы. По свидетельству Юста Юля, крепостной вал был обложен ящиками, заключавшими в себе по 1000 фунтов пороха. Взрыв был так силен, что в центре Петербурга – за 5 верст от Ниеншанца – задрожали окна. Под самим посланником и находившимися рядом с местом взрыва людьми заколебалась земля, а на Неве потрескался лед.

«Поведение во хмелю»

Как истинному дипломату, Юсту Юлю приходилось быть постоянно в курсе всех политических событий, происходящих при русском дворе. Поэтому ему часто приходилось являться незванным на разные приемы. Только там ему удавалось «потолковать» с Петром I, «ибо в России пиры и обеды, – отмечает посланник, – самые удобные случаи для улаживания дел: тут, за стаканом вина, обсуждаются и решаются все вопросы».

Сам Юст Юль был невосприимчив к крепким напиткам и очень страдал от этого. Он даже ходатайствовал перед царем, чтобы тот не заставлял его пить много, ссылаясь на то, что его собственное «поведение во хмелю внушает ему (Юсту Юлю. – А. Е.) опасение». Но царь только посмеялся над этим. Тогда дипломат упал перед царем на колени, умоляя Петра хотя бы снизить непомерную для него «норму» до литра венгерского вина... Далее произошло то, чего посланник и представить себе не мог. «Царь тотчас упал на колени, – вспоминает Юст Юль, – говоря, что он так же хорошо и так же долго может простоять, как и я. После того ни один из нас не захотел встать первым, и, стоя друг перед другом на коленях, мы выпили по шести или семи больших стаканов вина; затем я поднялся на ноги полупьяный. Окончательного же решения на мою просьбу так и не последовало».

В июне 1710 года Юст Юль участвовал в морской экспедиции к Выборгу: царь хотел лично убедиться, насколько готова русская армия к штурму шведской крепости. У выборгского берега и произошла самая крупная неприятность в дипломатической карьере Юста Юля, из-за которой он едва не покинул Россию...

По случаю предстоящего штурма крепости на царском флагмане собрался весь российский генералитет. Как пишет датчанин, «такой великой и здоровой попойки и пьянства, как здесь, еще не бывало». Юст Юль пытался дважды покинуть корабль, но, когда он оказывался в шлюпке, в нее спускался царь и уводил посланника обратно в каюту. Петр даже приказал вахте при трапе, чтобы ни одна шлюпка не покидала корабль.

Во время еще одной попытки бегства Юст Юль был застигнут на палубе двумя офицерами. Когда последние хотели увести посланника в общество царя и стали довольно грубо отрывать его от поручней, датчанин, защищая свою дипломатическую неприкосновенность, выхватил шпагу из ножен... «Я никого не рубил, ни колол ею, – поясняет Юст Юль в своем дневнике, – [я только] хотел их напугать. В этот момент, – продолжает он, – ко мне подошел царь, не в меру пьяный, как и я, и в грубых выражениях пригрозил пожаловаться на меня моему все милостивейшему королю за то, что я в его присутствии обнажил шпагу».

После этого инцидента у датского посланника забрали шпагу и отправили на другое судно – неслыханный случай в истории российской дипломатии!

Утром Юст Юль послал Петру свои извинения и вскоре получил приглашение явиться на флагманский корабль. Царь тепло принял посланника и заверил его, что поскольку вчера сам был под хмельком, то ничего не помнит и о случившемся знает только от других. Петр добавил, что от всего сердца прощает Юста Юля, но и сам просит у него прощения, если в чем-либо виноват перед ним.

Благодаря отходчивости Петра этот инцидент никак не отразился на дальнейшей карьере дипломата. Царь по-прежнему оставался расположен к Юсту Юлю и, расставаясь с ним после окончания его миссии в России, подарил посланнику свой портрет, украшенный алмазной короной.

Последний бой со шведами

Увы, дальнейшая судьба дипломата сложилась трагично. После возвращения из Петербурга Фредерик IV присвоил Юсту Юлю чин вице-адмирала и назначил его главнокомандующим морскими силами Дании. В 1715 году, сражаясь со шведами, Юст Юль был смертельно ранен на борту своего флагманского корабля. Заслуги воина и дипломата высоко оценила его Родина: Юст Юль покоится в кафедральном соборе Роскильда – древней усыпальнице датских королей. Пушечное ядро, поразившее вице-адмирала, до сих пор лежит у его надгробия. На стене – эпитафия на золоте на датском языке. Среди многочисленных заслуг великого сына Дании упоминается и «русский этап» в жизни Юста Юля: «В 1709–1711 годах был послан в Россию и оставил дневник своего пребывания [в ней]».

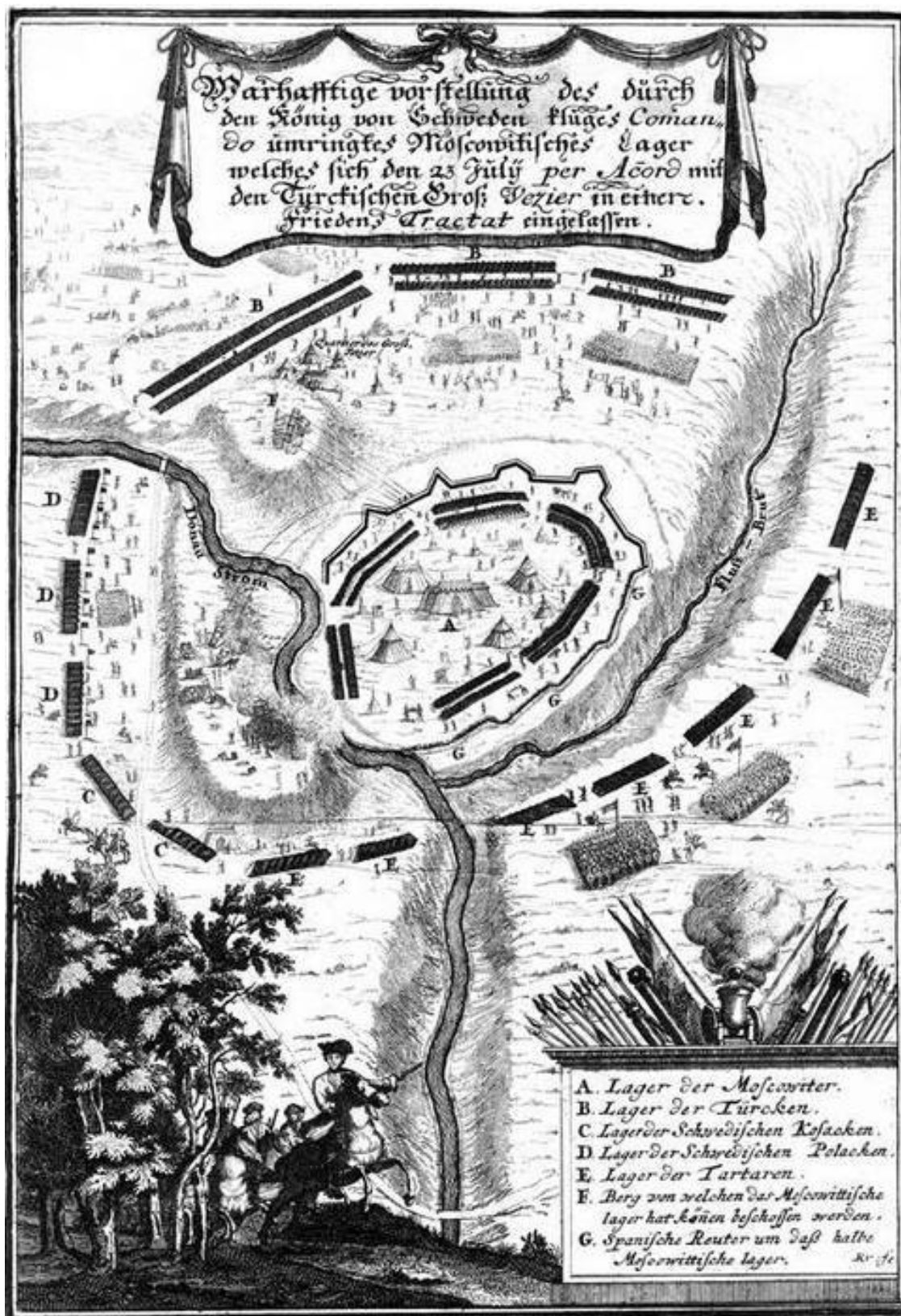
Глава 6 Завещание Петра с Прутских берегов

О подлинности этого документа, написанного в турецком окружении, историки спорят до сих пор.

Прутский поход Петра Великого против Турции, состоявшийся в 1711 году, – одна из самых мрачных страниц в российской истории. Русская армия, которой фактически командовал сам царь, была окружена многократно превосходившим ее турецким войском. В эти тревожные дни Россия могла лишиться одного из величайших своих государей, а судьба самой страны висела на волоске. Но каким образом русскую армию занесло в далекие молдавские земли, на берега реки Прут?

У Петра было несколько причин для русско-турецкой войны. Во-первых, царь настоятельно требовал, чтобы турки выслали бежавшего к ним после Полтавы шведского короля Карла XII. Во-вторых, сам Карл неоднократно подстрекал Турцию к войне с Россией. «Последний варяг» внушил великому визирю, что после победы над Швецией Россия «бросится» на Турцию. Неудивительно, что накануне 1711 года турецкие власти решили опередить «москвитов» и фактически предъявили Петру I ультиматум, в котором содержалось требование сдачи захваченной ранее русскими крепости Азов. Здесь же прописывалось еще одно условие, которое должно было привести русского царя в самое мрачное настроение: турки требовали возвратить всю Лифляндию Карлу XII, а «Петербург разорить и срыть до основания» (!).

Петр стал готовиться к войне. В поисках союзников он даже составил специальную грамоту, адресованную всем христианским народам, подвластным Турции. «Турки растоптали нашу веру, – говорилось в грамоте, – хитростью овладели церквями и землями нашими... скольких они поработают и отуречивают... Я иду к вам на помощь».

«Лагерь москвитов», блокированный турецкой армией при р. Прут. Немецкая гра-
вюра 1711 г.

Турецкие военачальники держат совет под Прутом. Гравюра из английского издания 1723 г.

Как свидетельствует молдавский гетман Иона Некульче, одну из главных ошибок Петр совершил, положившись на обещания балканских союзников: поляков, валахов, молдаван и сербов – предоставить свои военные силы. «Вверившись таким образом этим союзникам, – пишет Некульче, – они (т. е. русские) оставили в России лучшие войска и повредили успеху своего оружия».

Перед тем как перейти Днестр, Петр I созвал обширный военный совет для планирования дальнейших действий. Здесь мнения разделились. Немецкие генералы, находившиеся на службе у царя, предлагали оставаться на берегу Днестра, так как, во-первых, войско нуждалось в отдыхе, а, во-вторых, намерения турецкой армии были еще неизвестны. Вступив же в малонаселенную Молдавию, полагали они, войско царя столкнется с недостатком продовольствия...

Однако Петр согласился с мнением русского генералитета, ратовавшего за скорейшее продвижение в глубь Молдавии и встречу с неприятелем. Позднее участник Прутского похода француз Моро напишет, что «тот, кто завел Его Царское Величество в это [бедственное] положение, должен был быть величайшим безумцем всего света».

20-го июня 1711 года войско Петра перешло Днестр и вступило в молдавские владения. Стояла такая жара, что русские войска, и без того утомленные длительным быстрым переходом, не могли двигаться по знойным степям Бессарабии в течение дня и выступали в путь только после захода солнца. По словам Моро, едва русские достигли Прута, царь направил на собственных подводах людей с бочками для воды. Сосудов было мало и, чтобы набрать больше воды, солдаты выливали из них вино и мед. «Но сие пособие принесло им более вреда, чем пользы, – пишет очевидец. – Солдаты бросились пить с такой жадностью, что многие перемерли». Петровский генерал Алларт, шедший к Пруту другим маршрутом, отмечал, что «бедствия [русской] армии не поддаются описанию. Если судить по слышанным мною подробностям, в положении более отчаянном никогда еще не находилась ни одна армия». При переправе через Прут русские понесли первые потери. Желая потешить царя, один из шутов Петра I пустил свою лошадь вплавь, а сам встал на седло, начал плясать, поскользнулся, упал в реку и утонул. Это сочли дурным предзнаменованием.

Герой-посыльный, прибывший с Прута с секретным письмом в Сенат. Немецкая гравюра 1805 г.

В Яссах, столице Молдавии, войско Петра получило передышку. Царь удивил молдавских бояр своим любознательным и негордым поведением. По словам Некульче, Петр был высокого роста, с круглым, несколько смуглым лицом, которое отображало величие. «Он отличался от других монархов ненавистью к блеску и роскоши, – пишет о Петре гетман, – одевание его было чрезвычайно просто. Он не окружал себя многочисленной свитой; два или три офицера были при нем для передачи приказаний».

Покинув Яссы, армия Петра последовала правым берегом Прута навстречу турецкому войску. Русские шли по бесплодной земле, опустошенной незадолго до этого саранчой. «У солдат было довольно денег, – сообщает Некульче, – но за недостатком продовольствия они впадали в болезни и умирали от голода».

8 июля 1711 года начались первые военные столкновения. Поскольку турки имели четырехкратный перевес в живой силе, Петр был вынужден удерживаться от наступательных действий, ограничиваясь лишь обороной лагеря. Моро пишет, что русская армия встала в прямоугольник, расположив в центре весь свой обоз: кареты, телеги, коляски и лошадей. Здесь же находились жены офицеров и их дети. С внешней стороны каре, чтобы обезопасить лагерь от турецкой конницы, выставили специальные заостренные рогатки.

Генерал Понятовский, воевавший на стороне турок, писал, что «янычары продолжали наступать [на русских], не ожидая приказов. Испуская дикие вопли и взывая, по своему обычаю, к богу многократными криками „алла“, „алла“, они бросались на неприятеля с саблями в руках». По свидетельству очевидцев, очень скоро верхние части рогаток были сбиты сабельными ударами, и русские ожидали, что турки вот-вот ворвутся в лагерь. 10 июля положение для русской армии стало критическим. Петр I позднее писал, что стрельба неприятеля час от часу «умножалась». Остаться в лагере означало умереть под пулями или от голодной смерти, так как «фураж» весь вышел. «...Но пришло до того, – заключает царь: – или выиграть, или умереть».

Екатерина I советует Петру заключить с турками мирный договор. Французская гравюра 1814 г.

Вероятно, в это время Петр и написал свое странное письмо-завещание, адресованное Сенату, о подлинности которого ученые спорят последние два столетия. Впервые оно было

опубликовано на немецком языке в 1785 году в Лейпциге, в книге Якова Штелина «Подлинные рассказы о Петре Великом». На мой взгляд, это письмо – самый загадочный документ во всей русской истории.

«Сим извещаю вам, что я со всем своим войском... в четырехкратно сильнейшею турецкою силою так окружен, – сообщалось в „письме с Прута“, – что все пути к получению провианта пресечены, и без особливия Божия помощи ничего иного представить не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники».

Перед этим текстом Яков Штелин поместил комментарий, где сообщил, что царь доверил свое секретное послание некоему офицеру, которому были известны все дороги в Молдавии. Офицер ухитрился пробраться сквозь турецкое окружение и на 9-й день прибыл с письмом в Петербург. (Последнее, несомненно, ошибка, так как в 1711 году Сенат находился в Москве). В конце XVIII века этот уникальный документ был обнаружен историком Михаилом Щербатовым, разбиравшим бумаги в Кабинете Петра Великого. Известно, что Щербатов показывал «многим знатым особам» подлинник этого письма, но затем реликвия странным образом исчезла. Быть может, этот документ кому-то показался опасным: ведь он потрясал основы престолонаследия.

...Завершение Прутского похода тоже овеяно легендами. Согласно одной из них, именно супруга царя – Екатерина I – настояла на мирном соглашении с турками, а самого великого визиря монархиня подкупила богатыми подарками, отдав ему все свои драгоценности.

Прутский мир дорого обошелся России, которая была вынуждена передать Турции крепость Азов. Но в целом Петр считал, что потеря Азова – ничто по сравнению с тем, что могло произойти с Россией, если бы визирь отверг предложение о мире. Известно, что, когда жена польского воеводы поздравила русского царя со счастливым избавлением от опасности, Петр ответил, что его счастье заключается лишь в том, что вместо сотни ударов, которые он мог получить под Прутом, ему дали только пятьдесят...

Глава 7

Как Петр I столицу переносил

Царя отговаривали от строительства Петербурга.

Последние годы – все как один юбилейные для петровской эпохи. Кажется, еще недавно мы праздновали 300-летие Полтавской битвы (1709); отмечали – хоть и не очень широко – 300 лет Прутскому походу Петра Великого (1711). Прошедший 2012 год тоже был, кстати, юбилейным: миновало 300 лет, как Петербург впервые получил столичные функции...

Шведы боялись наводнений

Для Петра Великого 1712-й год, в отличие от предыдущих военных кампаний, был довольно спокойным временем. Наверное, поэтому царь и занялся сугубо внутривосточным делом: перенесением российской столицы из Москвы в Петербург.

Придавая строящемуся на Неве городу столичный статус, Петр преследовал две цели: во-первых, стремился уменьшить влияние старой московской боярской элиты. Во-вторых, обновленной России требовался морской форпост, который стал бы своеобразными «воро-

тами» для торговли с европейскими странами. К тому же основание в устье Финского залива – практически на берегах Балтики – города-крепости имело в условиях Северной войны особое политическое значение.

Сейчас трудно поверить в то, что Петра в свое время пытались отговорить от строительства Петербурга в невской дельте. Эта уникальная информация содержится в депешах польского посланника Иоганна Лефорта (1721 г.). Последний упоминает, что он общался с неким финским крестьянином, который в начале XVIII века служил «шпионом» у Петра Великого. «Государь, – говорил ему этот человек, – вы не должны строить здесь город. Рано или поздно если не сами вы, то наследники ваши расскажут в этом. Через каждые десять или по большей мере двадцать пять лет в этом месте бывают такие страшные наводнения, что после них не остается в целости ни одно строение... Вы также намерены построить порт в этих местах, но корабли ваши погнут в нем в скором времени».

Лефорт добавляет, что именно эта причина останавливала шведов от замысла заложить на Неве крупный город; в итоге скандинавы ограничились крепостью Ниеншанц.

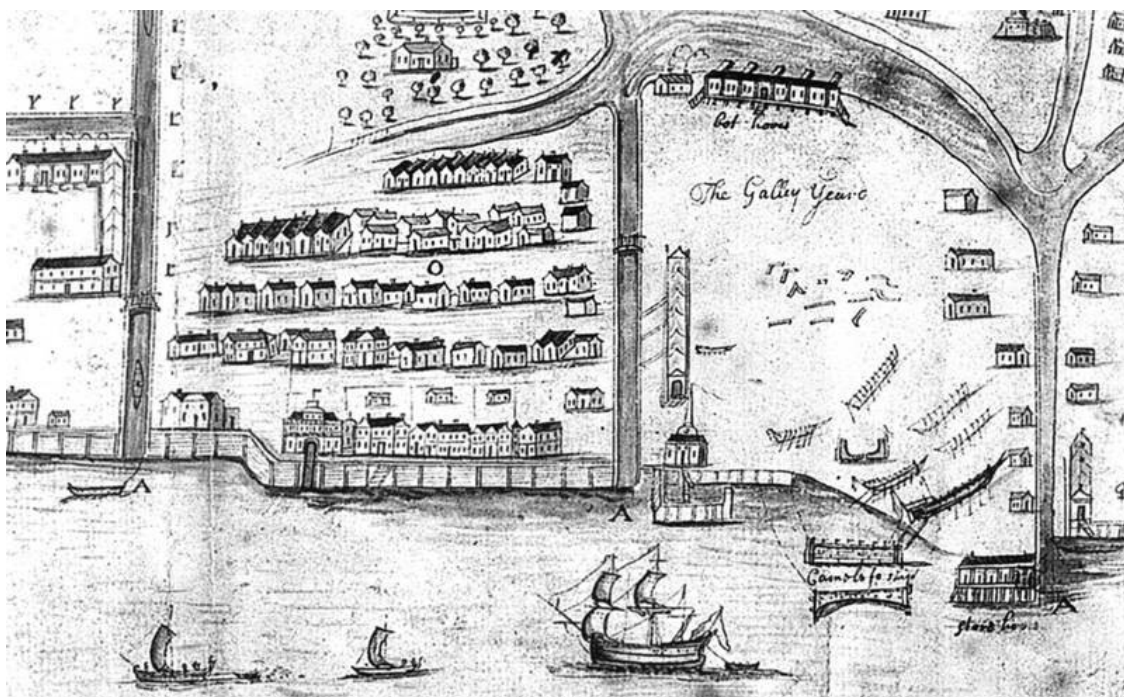
Однако, как известно, царь не внял советам, и город, которому предстояло стать новой российской столицей, был возведен на невских берегах в кратчайшие сроки. Пожалел ли об этом впоследствии царь? По всей видимости, да. Во всяком случае, сохранилось его письмо 1720-х годов, где Петр высказался по этому поводу самым конкретным образом: «Ежели б мне принадлежал Ревель в 1702 году, то я основал бы свою резиденцию преобразенной России не в низине Невы, а здесь...».

Вряд ли стоит сомневаться, что Ревель привлекал Петра именно как незамерзающий балтийский порт, а в остальном Петербург имел свои преимущества, главным из которых являлось его исключительно выгодное географическое положение. Так или иначе, но уже в 1710 году в Петербург потянулись из Москвы высшие чиновники и иностранные послы. Царский двор окончательно перебрался в город святого Петра несколько позже – в 1712 году. С этого времени Петербург ведет свой отсчет как новая столица России, хотя, следует признать, что ни одного указа относительно переноса столицы из Москвы пока не обнаружено. Да и были ли они?

Любопытно, что это грандиозное мероприятие состоялось до присоединения невских земель к России по Ништадтскому мирному договору 1721 года. Таким образом, новая российская столица размещалась на территории, формально принадлежащей другому государству! Петра, кажется, мало заботило то обстоятельство, что шведские корабли постоянно маячили «у ворот» Санкт-Петербурга. 18 апреля 1712 года последовал царский указ о переселении из Москвы значительного количества жителей, которым предписывалось «строиться в Петербурге». В этом же документе Петр называл конкретные места по Неве, где должны были селиться бывшие москвичи.

Остров Котлин и Невское устье. Гравюра датируется концом XVII в. и ошибочно названа «Вид на Петербург...». Но, если судить по изображению, Петербурга еще нет и в помине, а флот, по всей видимости, шведский

План С.-Петербурга. Фрагмент. 1720-е гг. Библиотека Йельского университета (США)

Вероятно, эта дата – 18 апреля 1712 года, впервые зафиксированная в депеше британского посла Чарльза Витворта, и может считаться датой передачи Петербургу столичных функций. Кстати, сам посол удивлялся такому выбору русского монарха, сообщая в том же документе, что «Петербург по климату и положению представляет собою самое неприятное из когда-либо виденных мною мест».

Земля в Москве подешевела

Несомненно, большинство москвичей безрадостно восприняли указ о переселении на Неву. Но Петру, если так можно выразиться, «повезло»: менее чем через месяц – 13 мая – в Москве случился грандиозный пожар, в результате которого выгорела треть столицы. Витворт сообщает, что в Москве сгорело 15 тысяч домов, не считая придворных строений. В итоге московской элите ничего не оставалось делать, как собирать оставшиеся пожитки и переезжать за 600 верст в Петербург.

В 1715 году Петр издал очередной указ о переезде «партии» москвичей в новую столицу. Это повлекло за собой большие затраты на перемещение сюда архангельской торговли и в итоге спровоцировало большое недовольство значительной части купечества. Ганноверский резидент в Петербурге Ф.-Х. Вебер упоминает, что немецкие купцы, ведшие торговлю через Архангельск и Вологду, подали царю жалобу, в которой привели свои опасения относительно этой затеи царя. Во-первых, купцы замечали, что если они будут держать значительное количество торговых людей в Петербурге, «где все впятеро дороже, то не останется никакой прибыли, а последует лишь бесконечное разорение».

Во-вторых, немцы обращали внимание Петра на то, что почва в Петербурге настолько сырая, что пенька начинает гнить там уже через несколько месяцев, что также вводит их в убытки. В последнем пункте, поданном царю, купцы отмечали, что плавание по Финскому заливу крайне опасно... Какая на это была получена высочайшая резолюция – неизвестно. Скорее всего, Петр Алексеевич отправил ее в Сенат, где она и «застряла», затерявшись среди многочисленных жалоб на царские указы.

К 1716 году, по словам Вебера, самые знатные московские семейства переселились в Петербург. Некоторые из вынужденных переселенцев жаловались монарху, что подобная перемена жительства лишает их двух третей состояния, поскольку они должны строить в Петербурге дома и платить наличными деньгами за все, что прежде доставалось им с доходов от их московских имений.

Правда, многие из бояр так и остались в Москве. По словам Вебера, жизнь в ней «вполовину дешевле, нежели в Петербурге, где все чрезвычайно дорого. После того, как двор переехал в новую столицу, – сообщает резидент, – цена земли [в Москве] падает, и то, что прежде стоило 10 тысяч рублей, теперь продается лишь за четыре тысячи».

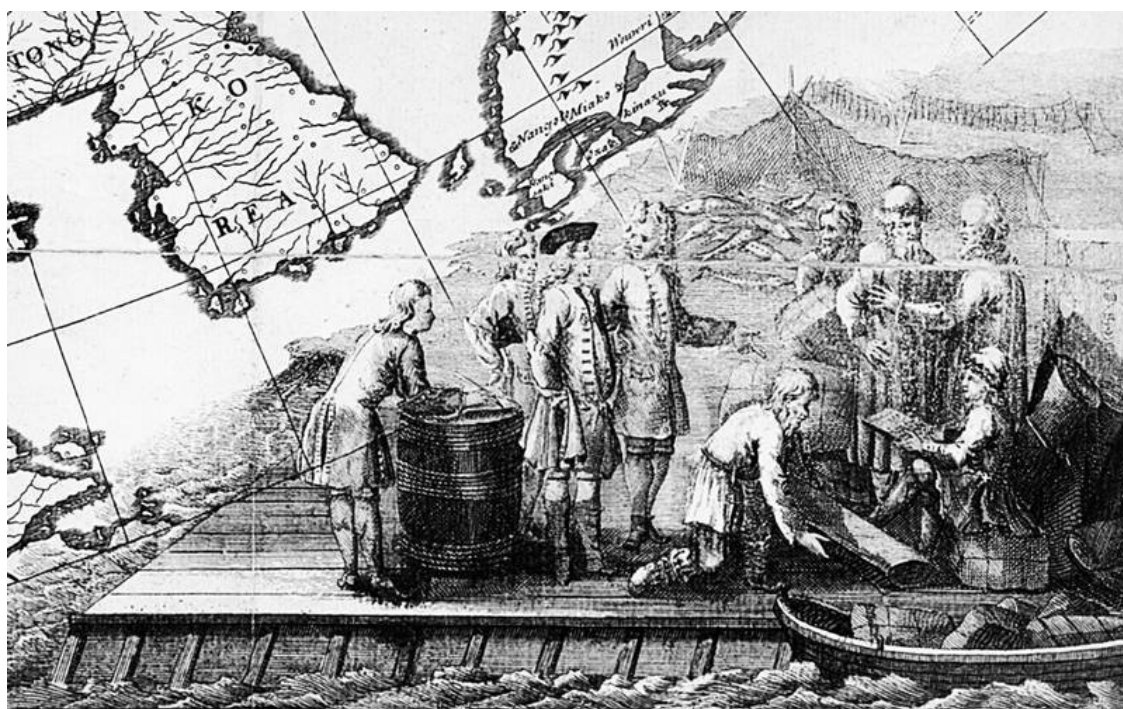
Странный гость из первопрестольной

Стоит отметить, что от переноса столицы в Петербург западные купцы пострадали не меньше коренных москвичей. Все началось с того, что Петр I предписал всем иностранным торговцам уплатить пошлины за последние три года в рейхстайлерах, которые царь приравнял к 50 копейкам, хотя, как свидетельствует Вебер, эта немецкая монета стоила «не менее восьмидесяти двух [копеек] и даже более того». По словам резидента, «сии купцы наделись на то, что царь даст некую существенную скидку, приняв в соображение чрезмерные расходы и потери, понесенные ими в связи с перенесением торговли в Петербург. Однако их надежды были напрасны, – отмечает Вебер, – ибо [русский] двор потребовал уплаты сих долгов, угрожая военной силой и не предоставляя ни малейшей отсрочки; некоторые купцы оказались даже за решеткой».

Вскоре ни у кого уже не оставалось сомнений, что Петербург – новая столица Российской империи. К 1718 году относится окончательный переезд дипломатического корпуса на берега Невы. Правда, недовольные москвичи время от времени беспокоили царя. Например, британский посол в Петербурге Джеймс Джефферсон описывает случай, когда царя, переезжающего на санях через Неву, окликнул некий мужик. Неизвестный сообщил, что хотел

бы переговорить с царем с глазу на глаз, на что Петр заметил, что его окружают друзья, в присутствии которых можно говорить свободно. Однако странный собеседник настаивал на своем... Видя такое упорное желание говорить без свидетелей, царь вышел из саней и отошел с незнакомцем на несколько шагов от экипажа.

На вопрос Петра, откуда он и что желает сообщить, мужик отвечал, что приехал в Петербург спросить государя, «зачем он изволил совсем покинуть свою столицу Москву, которая совсем разорится вследствие его выезда». Царь стал расспрашивать мужика, почему это его так интересует и кто послал его в Петербург с подобными упреками, однако незнакомец не захотел ничего объяснять. Тем временем спутники Петра заметили, что встречный подозрительно держит левую руку за полый кафтана. Чтобы обезопасить монарха от возможного покушения, свита царя подошла поближе... Далее посол сообщает, что как только царь уехал, мужик был тотчас арестован, так как «полагали, что он подошел к Его Величеству с недобрыми намерениями». К сожалению, Джефферсон более к этому случаю не возвратился, и теперь можно только гадать, что же действительно привело в Петербург странного «гостя» и был ли он так опасен для царя... Возможно, крестьянина в самом деле подослал кто-то из старых московских бояр, желающих отомстить царю. Ведь переезд в Петербург разорил многих именитых москвичей. «Они ее терпеть не могут, – писал о новой российской столице французский министр Жак де Кампредон в 1721 году, – потому что жизнь вдали от их [московских] поместий для них и разорительна и ненавистна, по отсутствию тех старинных обычаев и прав, которые им дороже всего на свете».

Иноземные купцы в России. Фрагмент карты Российской империи 1734 г.

Петр, разумеется, знал об этих настроениях, витавших среди бывших московских сановников, но, по словам того же Вебера, «они не производили на царя никакого впечатления». Кажется, лишь однажды Петр дал волю своему гневу. Это произошло 30 мая 1719 года – в день рождения царя. Присутствуя на спуске 64-пушечного фрегата, Петр о чем-то беседовал со своими приближенными, пока неожиданно громко не произнес фразу, предназначенную как бы для всех собравшихся: «Знаю, что вы чувствуете отвращение к Петербургу

и готовы поджечь его и флот, как только я помру, и возвратиться в вашу любимую Москву, но пока я жив – не отпущу вас отсюда и не дам забыть, что я царь Петр Алексеевич!»

Глава 8

Город на востоке

Художники, никогда не бывавшие на берегах Невы, давали волю воображению.

Санкт-Петербург, возникший, словно птица феникс, на болотистых берегах Невы, изумлял иностранцев еще при отце-основателе города Петре Великом. Например, ганноверский резидент Фридрих Вебер отмечал, что если первоначально, в 1714 году, Петербург напоминал ему скопление деревень, подобно факториям в Ост-Индии, то уже через пять лет он назвал российскую столицу «истинным чудом света, как по великолепию его строений, так и по тому весьма недолгому времени, каковое потребовалось для их строительства».

Багдад у Финского залива

Неудивительно, что многие западные авторы, обращающиеся к теме Петербурга, хотели видеть в своих изданиях гравюры с изображением петровского «парадиза». Однако, если портреты русского царя были известны в Европе (а некоторые из них там и создавались), то сам город на Неве часто представляли в виде каких-то совсем уж фантастических изображений, и более походил он то ли на Константинополь, то ли на Багдад.

По всей видимости, граверы, никогда не бывавшие в российской столице, давали волю своему воображению. Для них Петербург был городом «на востоке», что, собственно, они и пытались изобразить. Что же касается издателей, последние не вмешивались в процесс: ведь книги, украшенные гравюрами, лучше расходились...

Петр I на фоне Кроншлота и Санкт-Петербурга. Немецкая гравюра 1734 г.

Как пример можно привести немецкую книгу, вышедшую в 1734 году во Франкфурте. В ней помещалась великолепная гравюра с Петром Великим, стоящим на фоне Кроншлота и Санкт-Петербурга. Сам царь довольно реалистично представлен в доспехах, обрамленных императорской горностаевой мантией, в короне и со скипетром в руке. Но форт Кроншлот напоминает не приневскую цитадель, а какую-нибудь мавританскую крепость на юге Испании. Единственное, что достоверно в этом изображении – своеобразный «надолб», который перекрывает фарватер. Известно, что в 1706 году, в связи с активизировавшимися близ Кронштадта шведами, царь приказал завалить камнями удобные подходы к берегу.

Наводнение в Петербурге и Кроншлоте в 1721 г. Фантастическая немецкая гравюра первой трети XVIII в.

Теперь обратимся к изображению Петербурга, выполненному справа от фигуры Петра; оно чрезвычайно любопытно. Кажется, за гладью Финского залива лежит не молодая европейская столица, жители которой исповедуют христианство, а крупный мусульманский город, окруженный крепостной стеной. Над ней поднимаются минареты с характерными полумесяцами... Вряд ли стоит сомневаться в том, что гравер просто использовал географический атлас, откуда перерисовал подходящее, на его взгляд, изображение «под Петербург».

Другая фантастическая, но тоже любопытная гравюра носит многозначительное название «Наводнение в Петербурге и Кроншлоте в 1777 году». В свое время она привлекла внимание ученых из Пулковской астрономической обсерватории В.И. Богданова и Т.Н. Маловой. Дело в том, что в разных западных изданиях эта немецкая гравюра датируется разными годами. В одних она упомянута как изображающая наводнение 1777 года, в других отнесена к ноябрьскому наводнению 1721 года. Последнее действительно имело место в Петербурге и было особенно опустошительным для молодого города. Например, французский посланник при русском дворе Анри де Лави отмечал, что это наводнение стало «самым ужасным» за всю петровскую эпоху. По его словам, после случившегося город потерял припасов более чем на 15 миллионов ливров (французская денежная единица до 1799 года). «Все галеры были выброшены на берег, – пишет посланник, – а два корабля попали даже в Царский [Летний] сад, который весь попортили».

Петр I в Амстердаме в составе Великого посольства. Рис. неизв. худ. 1697 г.

Упомянутые исследователи недавно убедительно доказали, что гравюра изображает именно это достопамятное наводнение 1721 года и относится к первой половине XVIII века. Наверное, этим обстоятельством и объясняется ее исключительная фантастичность. Автор не только никогда не бывал в Петербурге, но даже не понимал особенности географического положения города: гигантские горные цепи, изображенные на гравюре, теснят со всех сторон терпящий бедствие Петербург. Кажется, что город стоит не в невиской низине, а где-то в районе норвежских фьордов. Сам Петербург более походит на какой-нибудь средневековый Любек с его готической архитектурой и остроконечными костелами. В отличие от глав-

ного города, Кроншлот изображен более достоверно. Гравер был явно знаком с работой П. Пикарта: уж больно похож силуэт петровского форта на работу знаменитого голландского мастера.

По парижской моде

В середине XIX века в Европе выходит целый ряд книг, посвященных истории России. Основное место в подобных изданиях занимает петровская эпоха и, естественно, Санкт-Петербург. Книги подробно украшены гравюрами, хотя стоит признать, что эти изображения лишены прежнего изящества и кажутся иногда торопливыми набросками, которые художник небрежно вывел перед тем, как откупорить бутылочку «Бордо». Не поэтому ли изображения выходили такими смешными, как, например, гравюра, опубликованная в одном из парижских изданий 1845 года?

Художник изобразил на ней Петра I, дающего указания двум архитекторам относительно строительства города. Довольно комичную фигуру царя «украшает» нелепая восточная сабля. Сами архитекторы, держащие план Петербурга, представлены в виде двух русских мужиков, подпоясанных кушаками. Очевидно, автор гравюры не знал, что план Петербурга на раннем этапе подносили царю не русские мужики «от сохи», а итальянский архитектор Доменико Трезини и французский инженер Ламбер де Герэн.

Петр I руководит строительством С.-Петербурга. Французская гравюра 1845 г.

Кстати, план Петербурга оставался строжайшей государственной тайной даже спустя пятнадцать лет после основания столицы. Например, уже упомянутый де Лави писал в своих депешах 1717 года, что он терпеливо «ухаживает» за Трезини и Леблоном, чтобы раздобыть

план Санкт-Петербурга... Поэтому вряд ли Петр I мог так свободно обсуждать план своего «парадиза», как это представлено на гравюре.

Царь и его собеседники стоят, надо полагать, в окружении руин Ниеншанца, который более похож на разрушенный римский Капитолий. Одна из колонн (!) шведской крепости поросла травой, на переднем плане художник демонстративно изобразил обгоревший кусок дерева: знак того, что штурм Ниеншанца был для русских непростым предприятием. За спиной царя белеет крепостная стена строящегося Петербурга. Правда, она больше напоминает багдадскую крепость из сказок «Тысячи и одной ночи». Кладку внимательно изучают некие люди, непохожие на каменщиков, но зато одетые по парижской моде 1840-х годов.

Наверное, Петр Великий возмутился бы, увидев себя и свое окружение под таким комическим углом зрения. Одно из преданий сохранило для нас сведение, что царь всегда внимательно и придирчиво рассматривал свои портреты... Однажды, будучи в Вологде, царь увидел в келье епископа Павла свой портрет, изображающий его во время Полтавского сражения. Петр похвалил картину, однако при этом заметил: «Тут только одна ошибка: у кафтана моего правая пола не была отогнута...»

Глава 9

«Тюленевый» фонтан в Летнем саду

При знакомстве с историей Летнего сада невольно обращаешь внимание, какое большое значение Петр I придавал фонтанам. Удивительно, но даже в самый разгар Северной войны царь не забывал о своих водометах и в письмах «с передовой» требовал, чтобы они строились «с поспешанием».

На «Дамской» площадке

Петр лично вникал во все тонкости этих гидротехнических сооружений, строительство которых в Летнем саду было сопряжено с большими трудностями: слабое течение Фонтанки, отсутствие мастеров фонтанного дела, нехватка облицовочного материала – кажется, все это только больше «заводило» царя, мечтавшего, по его словам, создать сад «не хуже, чем у Людовика в Версале».

К 1725 году Петр успел построить в своем «огороде» около тридцати фонтанов. При Елизавете Петровне водометы уже не возводились, а только «подновлялись». Золотая эпоха Екатерины II, как ни странно, стала закатом Летнего сада как «сада фонтанов»: разрушительное наводнение 1777 года и последующее невнимание императрицы к старым петровским водометам окончательно уничтожили феерические водные сооружения – фонтаны разобрали и засыпали.

Более двух веков Летний сад был лишен своего главного украшения, и только в процессе реконструкции 2009–2012 годов на прежних местах воссоздали восемь водометов. Это фонтаны «Царицын», «Коронный», «Гербовый», «Восьмигранный», «Пирамида», «Крестовый», фонтаны у Птичника и в Красном саду. Не все водометы сохранили свои исторические названия, однако они довольно определенно локализуются на своих исторических местах. Интересно, что в архивах встречаются и другие названия фонтанов, когда-то находившихся в Летнем саду. Один из таких загадочных водометов – «Тюленевый»...

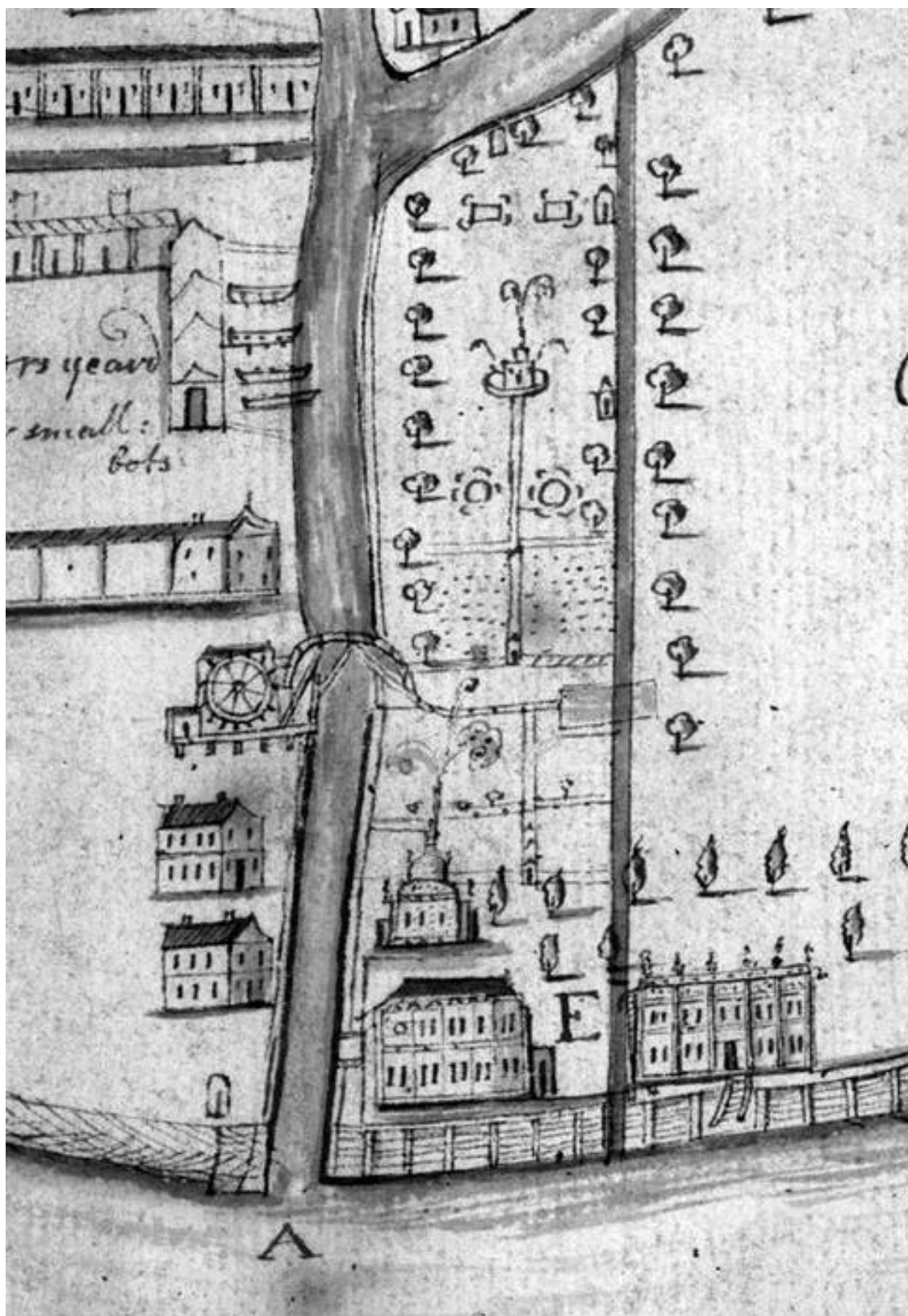

Петр I в Летнем саду. Гуашь А. Бенуа. 1910 г.

Сейчас с достоверностью никто не может сказать, где находился этот водомет, названный в честь тюленя, плававшего в фонтанной чаше. В свое время археолог В.А. Коренцвит высказал предположение, что «Тюленевым» прежде назывался «Царицын» фонтан на первой площадке от Невы по Главной аллее, так как именно он имел достаточно глубокий и круглый бассейн (7,5 метров в диаметре), пригодный для содержания тюленя.

«Царицын» – название не историческое, хотя и «справедливое». Согласно запискам немецкого чиновника Берхгольца, посетившего Летний сад в 1721 году, у первого фонтана Екатерина I со своими дамами по обыкновению встречала гостей; поэтому первую площадку иногда называли «Дамской». Но мог ли фонтан, связанный с именем супруги Петра Великого, называться в XVIII веке «Тюленевым»?

Версия Виктора Коренцвита заслуживает внимания, так как действительно трудно «подобрать» в Летнем саду другой такой фонтан, где мог бы свободно плавать тюлень. Например, Гербовый фонтан – тоже крупный по площади – отпадает, так как он был девятиструйный и явно не подошел бы для млекопитающего, желающего свободно плавать в фонтанной чаше. Остальные водометы, меньшие по размеру или со сложными конфигурациями дна, тем более не подходят.

Летний сад и Летний дворец Петра I. Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1721–1724 гг. Библиотека Йельского университета. Автор благодарит Абрахама Парриша (США) за возможность опубликовать этот документ

*Археологические раскопки «Царицына» («Тюленевого»?) фонтана в Летнем саду.
Фото А. Епатко. 2009 г.*

В любом случае этот загадочный фонтан находился в так называемом первом Летнем саду. Так истари именуется часть сада, простирающаяся от Невской ограды до воссозданной ныне Малой оранжереи. На это указывает архивный документ 1744 года, в котором сообщается, что текущим летом следует исправить «в первом саду... фонтаны, называемой тюленевой». Стоит обратить внимание на то, что «Тюленевый» фонтан назван сразу после «осьмиугольного» (третья площадка от Невы) и после фонтана у Птичника. На мой взгляд, этого указания достаточно для того, чтобы локализовать «Тюленевый» водомет в северной части Летнего сада – ближе к Неве, что только подтверждает гипотезу Коренцвита. Таким образом, исследователь прав: «Тюленевый» фонтан – не что иное, как старое название фонтана «Царицын».

Дивные морские звери

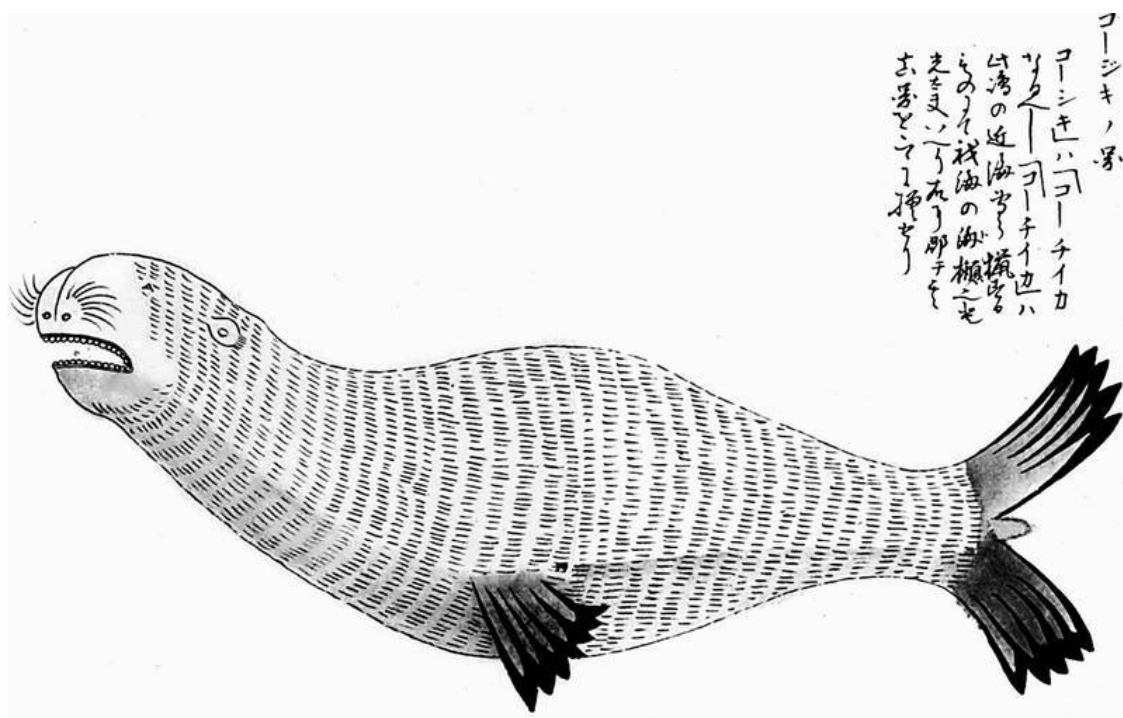
Еще один любопытный документ, который проливает свет на загадочный «Тюленевый» фонтан, поистине уникален. Это, вероятно, единственное частное письмо петровской эпохи, упоминающее Летний сад. Мне удалось его обнаружить в «Записках» украинского полковника Якова Марковича – современника Петра I. Сам Маркович никогда не был в Петербурге и, естественно, ничего не упоминает о Летнем саду. Но в конце «Записок» издатель XIX века счел нужным опубликовать письмо полкового лубенского писаря Стефана Савицкого, адресованное своему непосредственному начальнику, полковнику Марковичу. Письмо, отправленное из Петербурга, датировано 5 июня 1718 года. Оно составлено на

своеобразном малороссийском наречии, которое придает сочинению писаря неповторимый колорит.

«Мой добродей, пане Иаков», так начинает свое письмо Стефан. Далее он пишет, что «Царское Величество», то есть Петр I, возил украинских старшин на гулянье по Неве на шняве, которой сам лично управлял. При этом царь милостиво «трактовал» – беседовал с гостями.

Описывает Савицкий и 30 мая – день рождения царя. По его словам, в этот день праздника начались в Зимнем дворце, а затем Петр «водил сам до летнего двора ясневельможного и всех, кто только при его боку был». Под «ясневельможным», видимо, подразумевается князь Меншиков, который, судя по его «Повседневным запискам», действительно был в этот день в Летнем саду и праздновал вместе со всеми.

Царский сад поразил воображение украинского писаря. «Там в предивных своих огородах, – пишет с восторгом Савицкий, – все устроенные статуи, деревья и зелия розныя посаженные и дивно повывосчуваные (выросшие. – А. Е.), також и фонтаны и в них плавающих дивных же морских зверей [царь] показувал... А сверх того изволил приказать, по всему огородку поставить столы и на них розныя вина и прочие ликворы... хто що изволит, чи венгерское, чи ренское, чи иншие, хочай наидорогшие напитки». Неудивительно, что после столь продолжительного кутежа в Летнем саду, как свидетельствует Савицкий, не только «вышшие властелины», но и «хлопцы и молодики наши, упившиися, аж в ночи оттуду одойшли».

Тюлень. Рисунок японского художника. 1805 г.

В этом документе нас более всего интересует упоминание о «плавающих дивных морских зверях». Несомненно, речь идет о тюленях, которых Петр показывал гостям, подводя их к одной из фонтанных чаш. Вряд ли стоит сомневаться, что это был тот самый «Тюленевый» фонтан...

Судя по письму, украинский писарь видел тюленей впервые: именно поэтому они и показались ему дивными морскими зверями. В фонтане же плавали ладожские нерпы –

самый мелкий из подвидов кольчатых нерп. Если учесть, что ладожская нерпа – единственный представитель морских млекопитающих, живущий в условиях пресноводного озера, то можно понять, почему именно этот тип животных подходил для фонтанов Летнего сада: ведь к водометам подавалась пресная вода, текущая по Лиговскому каналу из Дудергофского озера.

С оказией из монастыря

Каким же образом в Летний сад доставляли тюленей? Ответ на этот, казалось бы, непростой вопрос дает камер-фурьерский журнал Екатерины I. В нем сообщается, что 30 июля 1726 года императрица гуляла после обеда по своему «огороду» вместе с дочерьми и «изволила посмотреть тюленя большого, которого тогда же привезли из Невского монастыря».

Благодаря этому источнику мы узнаем, что тюлени находились в фонтане царского сада и после смерти Петра I. Но самое любопытное – «происхождение» тюленей. По всей видимости, Александро-Невский монастырь имел на Ладожском озере рыболовные тони, которые время от времени «поставляли» живых тюленей в Петербург. Сначала они попадали в монастырь (там, кстати, тоже были фонтаны), а оттуда уже – в Летний сад. В саду млекопитающих помещали в «Тюленевый фонтан», где они, на радость публике, символизировали морскую стихию. Можно представить, как царские гости, столпившиеся вокруг водомета, весело обсуждали тюленей; последние ныряли, фыркали, снова погружались в воду и, сделав несколько кругов вокруг туфовой горки, неожиданно показывались на поверхности... Надо думать, это было увлекательное зрелище!

Однако, возможно, одним созерцанием этих животных дело не ограничивалось и потехи ради захмелевших гостей окунали прямо в «Тюленевый» фонтан. По крайней мере, подобную ситуацию описал английский купец Томас Хет, наблюдавший развлечения Петра I в 1702 году в Архангельске: «Он (царь. – А. Е.) большой почитатель таких грубых людей, как моряки, – писал Хет своему брату в Лондон. – Всех грязных матросов он пригласил отобедать с ним, где их так напоил, что многие не устояли на ногах, иные плясали, а другие дрались – и среди них царь. Такие компании доставляют ему большое удовлетворение. Царь загнал 30–40 человек из знати, старых и молодых, в крошечное озеро, в которое запустил двух живых моржей; затем присоединился к ним сам. Компания была очень напугана, но все остались невредимы. Никто из них не посмел жаловаться на все его проказы, так как он принимал в них деятельное участие».

Глава 10

Шаровая молния в Летнем дворце Петра Великого

В последнее время заметно оживился интерес исследователей к Летнему дворцу Петра I. Это неудивительно: в этом году исполнилось три века со дня закладки любимой резиденции великого монарха, до сих пор украшающей Летний сад. Но помимо наступившего юбилея, дворец Петра привлекает внимание своей загадочностью. История строительства «Летнего дома» – как чаще именовали дворец в петровскую эпоху – до сих пор остается туманной. В свое время были высказаны предположения, что в основу дворца легли «хоромы» шведского ротмистра Коноу, усадьба которого располагалась на месте Летнего сада в XVII веке.

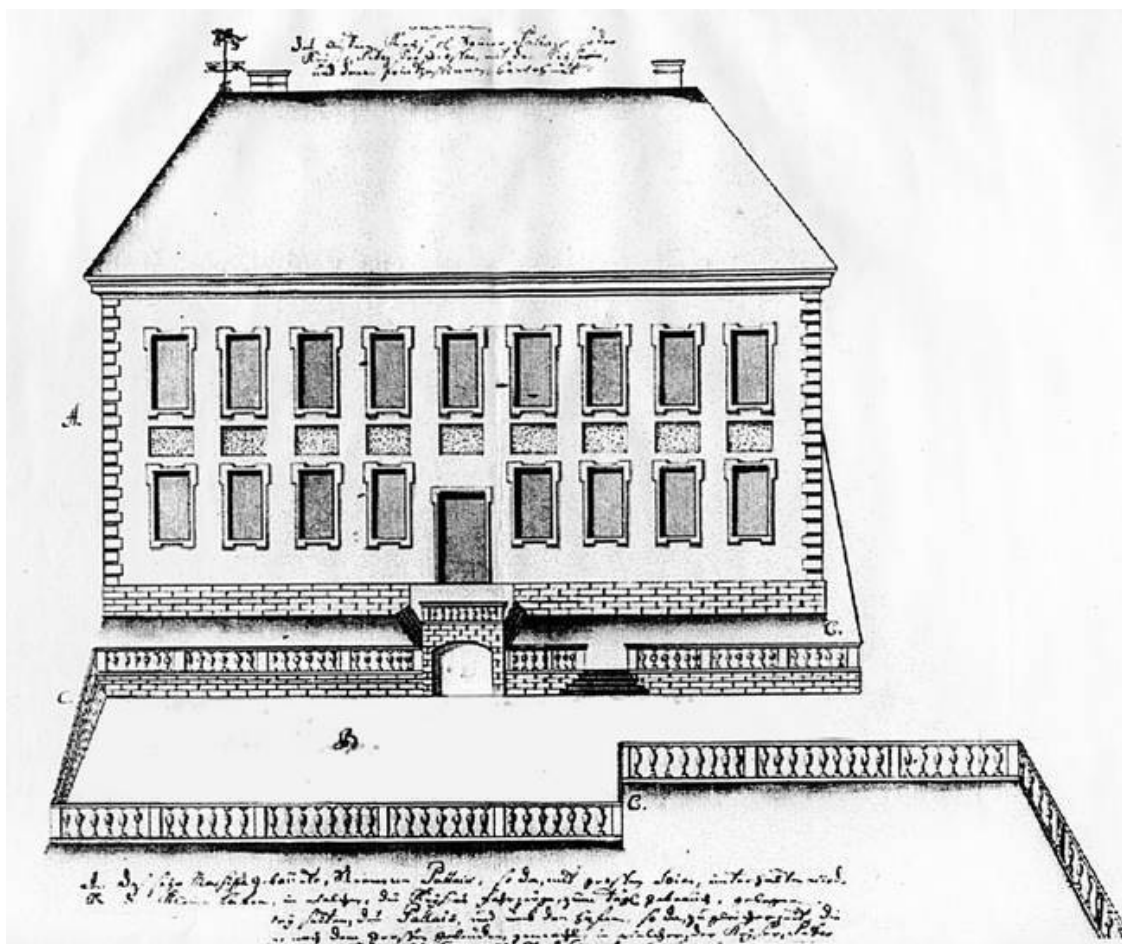
Также недавно на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» один из исследователей и вовсе приписал авторство Летнего дворца (да и всего сада) Петру I. Действительно, трудно найти в нашем городе более «спорное» здание, чем петровский дворец в Летнем

саду Отчасти это можно объяснить тем, что на сегодняшний день не известно ни одной описи дворца, относящейся к XVIII веку. Мемуары иностранцев, посещавших Летний сад в эту эпоху, странным образом «обходят» своим вниманием резиденцию русского монарха. Именно поэтому многие помещения дворца носят довольно условные названия: «Танцевальная», «Тронная», «Кабинет», «Зеленая комната», «Фрейлинская», «Приемная»...

Однако есть один любопытный источник петровской эпохи, который может частично восстановить этот пробел. Речь идет о «Повседневных записках князя А.Д. Меншикова», которые вели секретари его канцелярии. Чиновники ежедневно фиксировали почти каждый шаг «светлейшего», а особенно – «какие правления чинил и где был [князь]»¹. Любопытна судьба этих бесценных документов. После ссылки Меншикова его «Повседневные записки», можно сказать, тоже были «арестованы» – хранились в Верховном Совете, затем – в Сенате.

В середине XVIII века их перевезли в Московский архив коллегии иностранных дел. А спустя сто лет княжеские бумаги обнаружили в Российском государственном архиве древних актов.

Что касается «Повседневных записок», до нашего времени дошло семь книг «Юрнала» (Журнала) Меншикова за 1716–1720 и 1726–1727 годы. До недавнего времени «Записки» не публиковались. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что к упомянутым документам исследователи петровской эпохи практически не обращались.

Южный фасад Летнего дворца с Гаванцем (Стокгольм. Коллекция Ф. Берхгольца). 1710-е гг.

¹ РГАДА. Ф. 11. Д. 53. Ч. VII. Л. 1.

Князь А.Д. Менишков. Немецкая гравюра 1728 г.

Между тем «Журналы» князя дают нам много любопытной информации, касающейся Летнего дворца Петра I. Например, под 1719 годом сообщается, что в день смерти царевича

Петра Петровича Меншиков оставался ночевать во дворце в токарне. Из «Журнала» князя мы узнаем, что одна из комнат Летнего дворца именовалась *дежурной генерал-адъютантской палатой*. В ней покорно сидел Меншиков, ожидая, когда «Ее императорское величество (Екатерина I. – А. Е.) от опочиванья встать изволит»².

Упоминается в «Записках» и *деревянная зала*, где князь «распределял» резную посуду: 5 сентября 1726 года в этой зале был дан обед, где восседали Екатерина I, князь Меншиков, генерал Чернышев и «полковник от фортификации Трезин[и]»³. Несомненно, что на обеде присутствовали и другие, менее знатные лица, так как сообщается, что гости разместились за пятью столами. В зале играла «немалая музыка», а с яхты стреляли из пушек.

Но самую подробную информацию, касающуюся дворца, мы встречаем в «Журнале» 1716 года. Это был период, когда Петр I находился в заграничной поездке, а Меншиков был фактически единоличным правителем России. Как следует из «Журнала», в отсутствие царя он часто бывал в Летнем дворце. Здесь и застало Меншикова «небывалое происшествие», о котором я хочу рассказать. Оно настолько поразило секретаря князя Меншикова, что тот счел необходимым упомянуть о нем в «Повседневных записках». Эта запись, датируемая 19 июня, ценна уже тем, что впервые раскрывает повседневный быт обитателей дворца Петра Великого. Речь идет о страшной грозе, пронесшейся над Летним садом и повредившей дворец русского царя.

² Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2004. С. 455.

³ Труды и дни. С. 488.

Дымоход на крыше Летнего дворца Петра I. Фото А. Епатко. 2010 г.

Изразцовая печь в Летнем дворце. Фото А. Епатко. 2010 г.

«Июня в 19-й день в 1-м часу пополудни, – сообщается в „Журнале“, – в Летнем его царского величества дворце в палатах от бывшего зело страшного грома повредило, а имянно:

Кровлю в 6 местах близ трубы, которая над спальнею государыни царевны Елизаветы пробило, у той трубы угол отбило.

В спальне государыни царевны Елизавет Петровны потолка на пол-аршина отбило. В верхних сенцах, где Маргарит Петровна опочивала (дочь Петра I, умершая в 1715 году. – А. Е.), гзымс⁴ отбило на четверть.

Портрет дочерей Петра I, царевен Анны и Елизаветы. Худ. Л. Каравакк. 1717 г.

⁴ Карниз. Заимствовано из польск. *Gzyms* или нем. *Gesims* – карниз.

Дворец Петра I в Летнем саду. Худ. А. Мартынов. 1809—1810-е гг.

На деснице верхнюю стену и против той десницы стену ж местами отбило. В палате, в которой изволила государыня царица убиратца, у акошка несколько плиток отбило.

Затем осталось только нераненых целых полатей та, в которой изволил царевич государь жить (годовалый Павел Петрович. — А. Е.), да другая столовая»⁵.

Судя по «Записке», Меншиков во время «грома» находился в комнате шестилетней Елизаветы Петровны. При ударе молнии «царевну с краватью, а его светлость (князя. — А. Е.) на стуле подняло, однако, благодарить Бога, никакого вреда не учинил»⁶.

Далее в «Журнале» говорится, что Меншиков поспешил зайти в палаты царских детей — младенца Павла Петровича и восьмилетней царевны Анны Петровны, которые не на шутку перепугались. Однако обе царевны — Анна и Елизавета — вскоре оправились от страха, вызванного громом. Меншиков был удивлен мужеством юных дочерей Петра I. «Правда, ежели бы я в то время не был сам [во дворце], — говорил позже князь, — то б не мог верить, что в каких несущих летах зело мужественны они показались»⁷.

«Повседневные записки» упоминают, что от грома во дворце пострадал генерал Брюс, которого «духом по руке зашибло». Отмечу, что Яков Брюс — один из самых видных военных деятелей петровской эпохи: принимал участие во взятии Азова, Нотебурга, Нарвы. За Полтаву получил орден Андрея Первозванного. Сопутствовал царю в трагическом походе на Прут...

Упоминают «Записки» и свояченицу Меншикова Варвару Михайловну Арсеньеву. Она во время грозы находилась в палате малолетнего царевича и, как многие, была «в великом изумлении» от грома. Служителю Петра I Василию Струнину повезло меньше — гром ударил его «обзель».

⁵ Труды и дни. С. 48.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Но более всех пострадали от молнии караульные. «Записки» фиксируют, что «двух салдат, которые стояли при комнате государя царевича и с огорода у дверей (в саду, у входа во дворец. – А. Е.), от той грозы ударило оземь и мушкеты из рук вырвало; у одного [караульного], который, стоял с огорода, у мушкета приклад оторвало»⁸. Чтобы привести его в чувство, пришлось «метать», то есть пускать часовому кровь.

Неудивительно, что все находившиеся во время «грома» в Летнем дворце, благодарили «святую волю Божию» за избавление от смерти. По признанию самого Меншикова, «сей гром зело был жестокой, которого [он] отроду не слыхал». Секретарь также отмечает, что князь «изволил рассуждать» об этом явлении и пришел к выводу, что «онный гром пришел в трубу, и та [молния пошла] во все полаты, ибо в нее все трубы проведены»⁹.

Действительно, система дымохода, спроектированная при закладке Летнего дворца Петра I, вела во все помещения, где были установлены камины. По всей видимости, причиной, наделавшей столь большой переполох среди обитателей царской резиденции, стала шаровая молния. Ученые, кстати, давно заметили склонность шаровой молнии проникать в дома через дымоходы. Это объясняется тем, что сажа, которая там содержится, является проводником, а сами трубы исполняют роль молниеотводов. К тому же нижний конец дымохода находится в области, насыщенной положительными ионами. Все это создает идеальные условия для возникновения в доме необычного явления – шаровой молнии.

Но возникает естественный вопрос: «Почему царский дворец не был оборудован простейшим громоотводом?» Ответ прост: в России это изобретение появилось только во второй половине XVIII века. Любопытно, что толчком к этому послужили «Санкт-Петербургские ведомости», опубликовавшие 12 июня 1752 года статью об успешных испытаниях громоотводов во Франции¹⁰. Заметка и привлекла внимание М. Ломоносова, который впервые применил подобное новшество в России. Правда, население с недоверием отнеслось к громоотводам: сама мысль, что человек так легко и просто может укротить главное оружие «Божьего гнева», казалась кощунственной.

Глава 11

Фонтан в честь шута

Летний сад задумывался Петром I как сад фонтанов; неудивительно, что эти прекрасные водометы явились в итоге одним из существенных элементов его ансамбля. Стихия воды, которая особенно живо ощущалась в переплетении струй, бьющих ввысь в тенистых уголках сада, и усыпляющее журчанье капель, мерно стучащих о мраморные чаши, являлись залогом будущего Эдема. Фонтаны дополняли представление Петра о Петербурге как о парадизе, городе-рае, абстрактную модель которого царь перенес в свой летний «огород», как в то время называли Летний сад.

Развитие фонтанной системы Летнего сада мы видим уже при Анне Иоанновне, вернувшей саду статус императорской резиденции. При ней количество фонтанов и водяных затей значительно увеличилось и к 1736 году, судя по известной описи¹¹, достигло своего апогея. Следует сказать, что с 1736 года до 60-х годов XVIII века комплекс фонтанов Летнего сада практически не менялся, как это видно из аксонометрического плана Сент-Илера (1771 г.)¹².

⁸ Там же.

⁹ Там же.

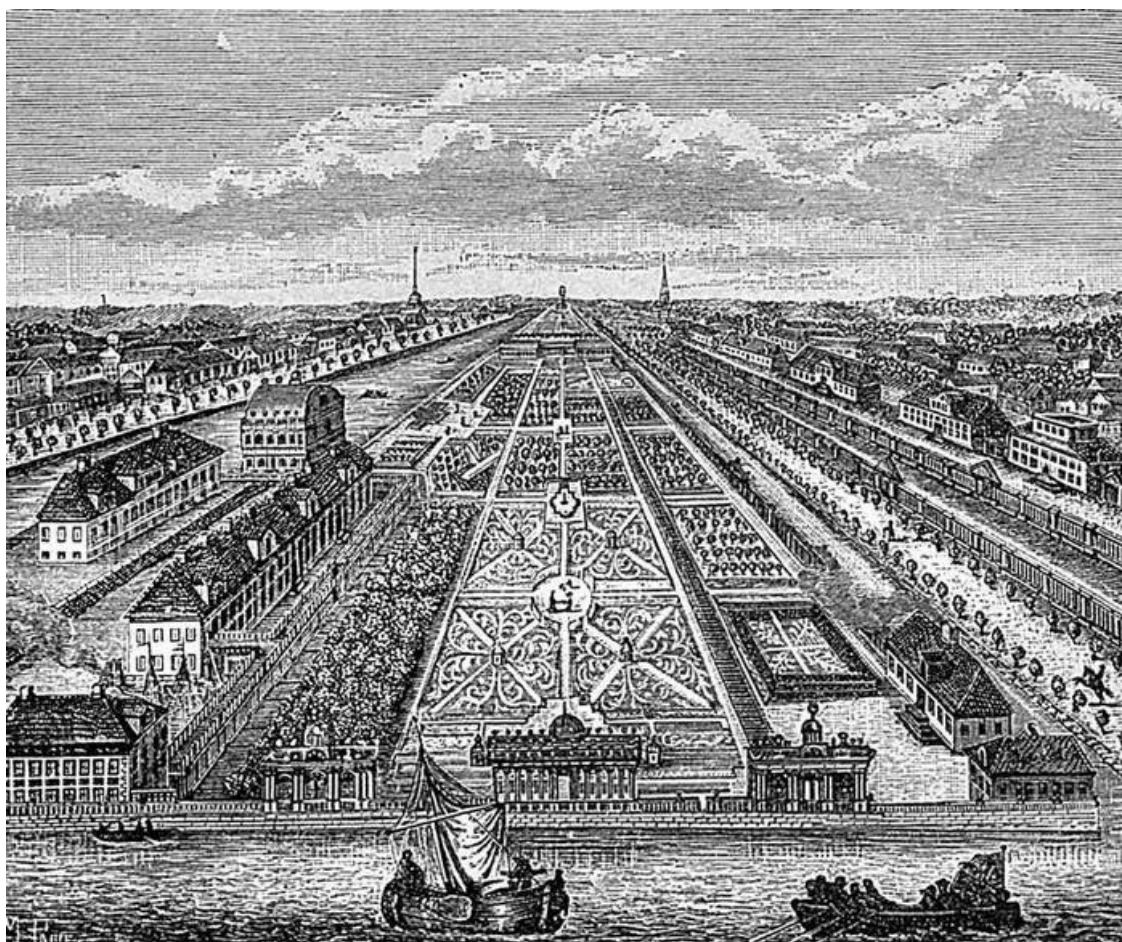
¹⁰ Из Парижа // Санкт-Петербургские ведомости. 1752, 12 июня, № 58. С. 458.

¹¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2 (73/187). Кн. 8.

¹² Васильев Б.Л. К исторической планировке Петербурга во второй половине XVIII века // Архитектурное наследство.

Несомненно, что почти все водометы, находившиеся на территории сада, когда-то имели свои названия. До нас дошло не более десяти названий, о которых я кратко упомяну. Это – «Царицын» фонтан, «Гербовый», «Пирамида», «Фараон», «Нарцисс», «Коронный», «Яблочный», «Фаворитка» и «Лакоста». Сюда же можно отнести каскады «Дельфиновый» и «Амфитеатр».

«Царицын» фонтан, располагавшийся на первой площадке от Невы по Центральной аллее, был назван в честь Екатерины I. Здесь императрица обыкновенно встречала гостей, прибывавших в сад со стороны невской галереи. «У первого фонтана, – пишет камер-юнкер Берхгольц, – место, где обыкновенно царица бывает со своими дамами»¹³. Поэтому первая площадка иногда именовалась Дамской.

Панорама Летнего сада. Гравюра А. Зубова. 1716 г.

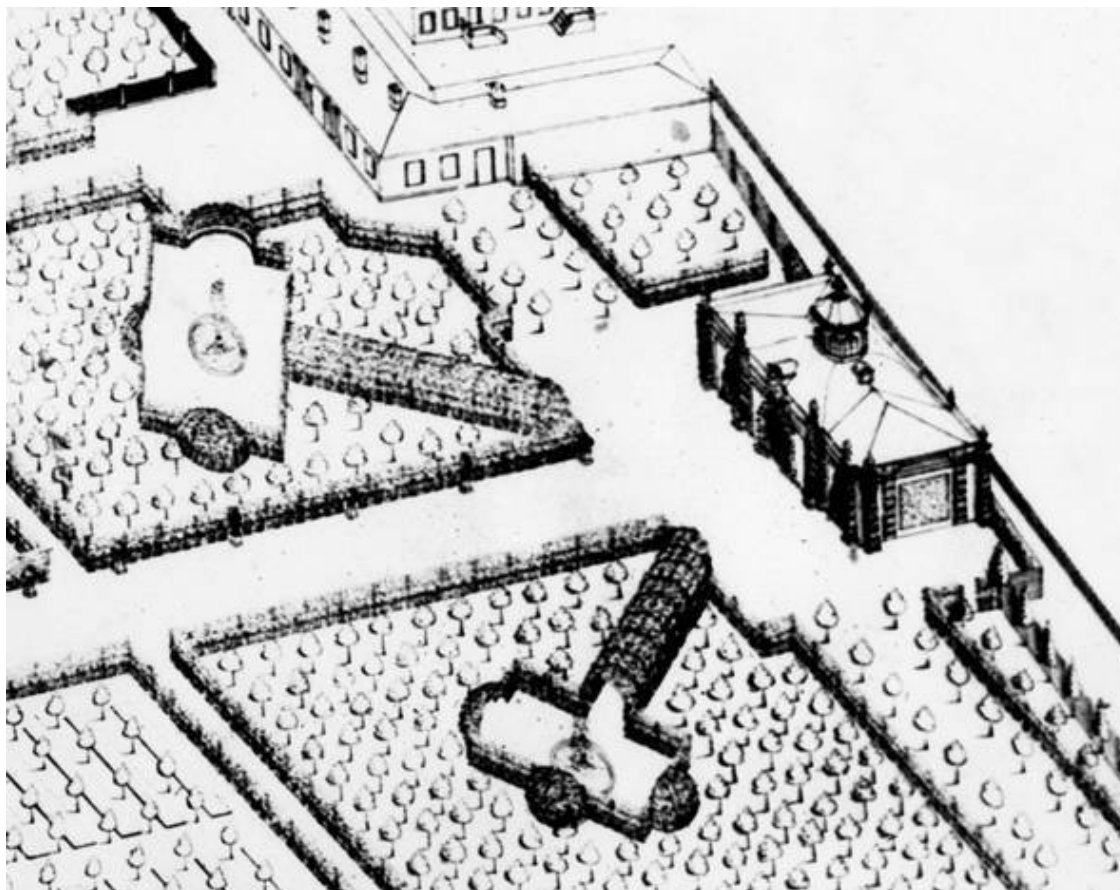
«Гербовый» фонтан, находившийся на второй площадке, получил свое название от резных двуглавых орлов, красовавшихся в центре водомета. Гербы, выполненные «резного дела мастером» Кондратом Ганом из дуба, в 1721 году были инкрустированы заморскими раковинами. В протоколе Канцелярии от строений сохранилось требование К. Гана об отправке мастеров в «Летний дом Ево Величества к деревянной фонтане... для прибивания к гербам раковин»¹⁴.

Вып. 4. Л.-М., 1953. С. 14.

¹³ [Берхгольц Ф.-В.]. Неистовый реформатор. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца 1721–1725. М., 2000. С. 161.

¹⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 73/87. Д. 81. Л. 60.

Фонтан «Пирамида» располагался на четвертой площадке по главной аллее. Когда-то на этом месте находился квадратный фонтан, однако Екатерина I пожелала видеть здесь пирамиду. «Чертеж фантаны четверогранной... переделать, чтоб была наподобие пирамиды»¹⁵, – гласил ее указ. Возможно, фонтан «Пирамида» в императорском Летнем саду был точной копией петергофского, носившего такое же название. Будучи в Петергофе, Берхгольц присутствовал на открытии последнего: «Его королевское высочество, – пишет он, – приказывало в саду открывать фонтан, который называется пирамидой. Он имеет столько маленьких трубок, сколько дней в году, и когда вода бьет из него, принимает совершенно вид водяной пирамиды. Подобного большого и красивого водомета нет, может быть нигде»¹⁶.

Фонтаны «Лакоста» (слева сверху) и «Фаворитка» на плане 1771 г.

Фонтан «Коронный», располагавшийся перед старым входом в Летний сад, – со стороны Потешного луга (ныне – Марсово поле), был многоструйный. Свое поистине королевское название он получил по форме струй, образующих композицию, похожую на корону.

«Яблоневый», или «Яблошный», фонтан, находившийся в Фабульной роще во втором Летнем саду, по всей видимости, был представлен в виде ветвей яблони, через которые били струи.

¹⁵ Коренцвит В.А. К проекту реставрации Летнего сада (Заметки археолога) // История Петербурга. СПб., 2004. № 3. С. 57.

¹⁶ [Берхгольц Ф.-В]. Юность державы. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725. М., 2000. С. 302.

Название фонтана «Фараон» – одно из самых неожиданных для Летнего сада. Судя по описи 1824 года, такой водомет стоял в гроте и был демонтирован в 1781 году. Он представлял собой «фонтанную свинцовую фигуру... Фараона с воинством»¹⁷.

Фонтан «Нарцисс» можно отнести к малоизвестным водометам Летнего сада. Он находился в Дубовой роще, ныне не существующей, недалеко от дворца Петра I. Водомет украшала статуя сидящего Нарцисса («Нарцызуса»), который задумчиво вглядывался в фонтанную чашу¹⁸.

Петергофские фонтаны нередко повторялись в Летнем саду. В 1725 году в Петергофе был открыт «затейливый» круглый фонтан «Фаворитка», в шутку названный в честь любимой собачки Екатерины I. Специальная водяная турбина приводила в движение горизонтальное колесо, на котором друг за другом сидели четыре медные утки и собачка, безуспешно «догонявшая» птиц. При этом, как пишут очевидцы, собачка натурально «бrehала», а утки «крякали». Екатерина была в восторге от такой забавы и тотчас распорядилась устроить такой же в Летнем саду¹⁹. 26 июня 1727 года последовал указ Канцелярии от строения «жителю Лазарю Задубскому об изготовлении восьми уток для фонтанов в Летнем саду и Петергофе»²⁰. Тем же месяцем датирован другой указ «об изготовлении трехколенного вала для фонтана „Фаворитка“ в Летнем саду»²¹. В следующем 1728 году фонтан был построен и занял свое место в Южном боскете перед павильоном «Грот». В описи сада 1736 года упоминается и «Фаворитка»: «От грота по обеим сторонам дороги две брусчатые огибные, одна в „Фаворит“... другая к новому фонтану „Лакоста“, который еще недоделан...»²² Кольцо водомета было сделано из пудожского камня и имело в диаметре 6 метров.

¹⁷ РГИА. Ф. 470. Оп. 145/579. Д. 239. 1824 г. (Как замечает Н.Д. Кареева, по описи 1775 года, «Фараон» в Гроте не числится; вероятно, он появился там позже).

¹⁸ Кареева Н.Д. К вопросу о расстановке скульптуры Летнего сада // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX вв. СПб., 2007. Вып. XIII. С. 271.

¹⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 486. Л. 527.

²⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 20. Л. 726, 726 об.

²¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 186. Л. 73.

²² РГИА. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 81. Л. 60.

Раскопки фонтана «Лакоста». Экспедиция П.Е. Сорокина. Фото 2010 г. (Автор благодарит П.Е. Сорокина и Н.В. Новоселова за предоставленную фотографию)

В вышеназванном документе упоминается фонтан «Лакоста», который можно назвать фонтаном-спутником соседней «Фаворитки». Он располагался симметрично фонтану «Фаворитка», в центре правого «зеленого кабинета», и также имел 6 м в диаметре.

Первые сведения о «Лакосте» относятся к 1733 году. 26 сентября этого года фонтанный мастер Поль Суалем²³ сообщает «об отпуске материалов для постройки фонтана „Лакоста“ напротив фонтана „Фаворитка“ по другую сторону в Летнем саду»²⁴. Характерен в этом отношении также указ от 1 ноября того же года: «Рапорт архитектуры гезеля Ивана Бланка для употребления кирпичей для постройки Лакостовой фонтаны в первом Летнем саду»²⁵.

В 1975 году «Лакоста» был раскоп и исследован экспедицией В.А. Коренцвита. Дно и борт фонтана, выложенные из кирпича, сохранились относительно хорошо, кроме центральной части, которую повредила линия электрокабеля. «Состав находок ярко характеризует праздничный дворцовый быт императорской резиденции»²⁶, – пишет В.А. Коренцвит. Большая часть материалов укладывается в рамки первой половины XVIII века. Сюда относятся фрагменты бутылок и штофов (23 горлышка), рюмок, бокалов петровского времени. В ходе раскопок были найдены несколько металлических пуговиц, кости, перламутр, единичные фрагменты голландских и русских изразцов и монета 1720-х годов. Обнаружилось и небольшое количество устричных раковин, среди которых имели место и 5 экземпляров, относящихся к ареалу Каспийского моря и, скорее всего, доставленных в Летний сад из Персидского похода Петра I (1723 г.).

В.А. Коренцвит также отмечает, что рядом с фонтаном «Лакоста» были найдены фрагменты голландских курительных трубок (20 фрагментов), одна из которых имела клеймо в виде литеры «К». К фонтану относятся и находки четырех кусков ракушечника с так называемой «Бакинской горы». Подобный ракушечник встречается при раскопках всех фонтанов; из него выкладывалась горка вокруг водомета, в центре фонтана.

Обследуя фонтан, В.А. Коренцвит обратил внимание, что конструкция «Лакосты» несет следы значительных переделок прошлого: он был возведен над уже существующей водоводной системой и подсоединен к ней. Это даже дало археологу основание предположить, что на месте «Лакосты» находился в более ранний период другой водомет, не отмеченный на планах, однако его следы не были обнаружены. В процессе раскопок В.А. Коренцвит пришел к выводу, что когда-то «Лакоста» имела под своей чашей глубокую водяную камеру, где вращалось турбинное колесо. Таким образом, первоначально водомет проектировался таким же «затейливым», как и соседний фонтан «Фаворитка». Документы подтвердили догадку археолога: в нижней камере «Лакосты» планировали установить сложные механизмы. Информация об этом содержится в рапорте П. Суалема, доносившего в 1733 году в Канцелярию от строений следующее: «Надобно в Летний Ея И[мператорского] В[еличества] дом к фонтанной работе Лакосту, которой против грота... к колесу и шистерне

²³ Француз Поль Суалем, приехавший в Петербург в 1716 году вместе с Ж.-Б. Леблонем, стал первым крупным специалистом фонтанного дела в России. Инженер-гидравлик, П. Суалем составил проект гидроустройства Большого каскада в Петергофе, а также фонтанов «Адам», «Пирамида», «Фаворитка» и др. С 1721 года, согласно его донесению, «управлял фонтанным делом в Летнем саду». Подготовленная Суалемом команда специалистов выполняла работы не только в Петербурге и Петергофе, но и в Стрельне, Ораниенбауме, Москве, Киеве, Ревеле и, возможно, в Курляндии – при строительстве Рундальского дворца. Скончался П. Суалем в 1742 году в Петергофе.

²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 806. Л. 463.

²⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 79а. Л. 262.

²⁶ Коренцвит В.А. Отчет об архитектурно-археологических изысканиях в зоне прокладки телефонной канализации и водовода в Летнем саду 1975 году. Архив СНПО «Реставратор». 1976 г. С. 11.

болтов 16 с винтами и 3 гайками сделать по модели моей... и педестал сделать деревянный резной против другого, который у фонтана Фаворитки»²⁷.

По мнению В.А. Коренцвита, на «Лакосте» была установлена фигурка одноименного шута – отсюда и название фонтана... Я в целом разделял мнение исследователя, однако полагал, что фигур было несколько и они крутились на специальной турбине, подобно фигуркам на «Фаворитке». Сама же фигура шута была центральной, дающей наивысшую струю в комплексе этой водяной затеи.

К сожалению, документы и мемуары очевидцев, посещавших Летний сад в анинскую эпоху, не содержат упоминаний о фонтане «Лакоста». На плане Сент-Илера, выполненном в 1771 году, зафиксирован уже одноструйный водомет. В свое время я высказал предположение, что императрица Елизавета Петровна, которая, как известно, не терпела шутов, распорядилась переделать фонтан: он перестал быть «затейливым», а фигурка Лакосты была снята. Как пример можно вспомнить случай, когда Елизавета, осмотрев фонтанный комплекс «Басни Эзопа», приказала поставить вместо мышей «более пристойные фигуры».

Новые археологические данные, полученные после раскопок фонтана «Лакоста» в 2010 году экспедицией П.Е. Сорокина, позволили по-новому взглянуть на историю этого водомета. С одной стороны, археологи подтвердили версию В.А. Коренцвита, что фонтан строился изначально с нижней камерой, где должны были находиться механизмы, приводившие в движение фигурки в верхней части фонтана. Однако археологи выдвинули и свою версию, согласно которой, первоначально задуманная «архитектурно-художественная композиция фонтана „Лакоста“ и его техническое решение в процессе строительства (в 1733–1736 гг. – А. Е.) претерпели принципиальные изменения»²⁸. По их мнению, фонтан так и не стал затейливым, «превратившись» в типовой одноструйный водомет. На эту мысль исследователей натолкнул обнаруженный в ходе раскопок чугунный водопровод петровской эпохи, насквозь проходивший через фонтанную кладку «Лакосты». «Вероятно, строители рассчитывали на то, что трубопровод не повлияет на конструкцию фонтана и не мешает работе механизмов, которые предполагалось разместить в нижней камере, – пишут археологи, – позднее выяснилось, что при наличии трубопровода механизмы в нижнюю камеру установить невозможно, и от идеи фонтана с движущимися фигурками в верхней части отказались. Нижняя камера была засыпана, а на засыпке создано дно чаши фонтана. Таким образом, – подводят итог исследователи, – вместо фонтана сложной конструкции был создан рядовой одноструйный фонтан круглой формы»²⁹.

Вышеупомянутая версия достойна самого пристального внимания, однако мне представляется, что все обстояло несколько иначе: конструкция фонтана «Лакоста» была значительно упрощена, в связи с тем, что основные замыслы фаворита Анны Иоанновны – Бирона «переместились» в Курляндию. В 1736 году герцог вел активное строительство Рундальского дворца и его, естественно, более интересовало украшение своей прибалтийской резиденции, чем локальные работы в Летнем саду. В связи с этим Бирон отправил в Курляндию ведущих специалистов и, в частности, архитекторов и мастеров фонтанного дела. Эту версию подтверждает тот факт, что каскад «Амфитеатр» достраивал не Ф. Растрелли, срочно отозванный на строительство Рундальского дворца. По всей видимости, со знаменитым зодчим Петербург покинул и мастер фонтанного дела П. Суалем, профессионализм которого теперь был востребован в новой вотчине Бирона. Как следует из документов, именно П. Суалем проектировал механизм «Лакосты». В его же отсутствие эта сложная работа при-

²⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32. Л. 599.

²⁸ Сорокин П.Е., Новоселов Н.В. Научный отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории Летнего сада в 2010 г.». СПб., 2011. С. 23.

²⁹ Там же. С. 26.

остановилась. В документах, кстати, упоминается, что в 1736 году фонтан еще не был закончен. В итоге первоначальный замысел «фигурной» водяной затеи окончательно оставлен, и было принято решение сделать типовой одноструйный водомет. Хотя фигурка шута так и не появилась на водомете, имя «Лакоста» навсегда закрепилось за этим фонтаном.

Мнимый портрет шута Лакосты. На гравюре изображен немецкий писатель и авантюрист Иоганн Тремер. Гравюра XIX в. Выполнена с оригинала 1736 г.

...Необычная и даже загадочная история этого водомета подтолкнула исследователей к идее его музеефикации. Над раскрытой фонтанной чашей возвели специальный павильон, где посетители могут наблюдать гидротехническое сооружение XVIII века. Здесь же разме-

щена небольшая экспозиция, посвященная шуту Петра Великого, в честь которого и назван фонтан.

Как я упоминал, «Лакоста» наряду с «Царицыным» фонтаном является одним из двух водометов Летнего сада, названных в честь исторической личности. Отсюда – мой интерес к Лакосте, этому неординарному человеку, служившему четырем российским монархам. То небольшое, что мне удалось узнать о нем, я и привожу в настоящем сообщении. Надеюсь, оно восполнит некий пробел, который остро чувствуется, когда речь заходит о незнатных лицах эпохи XVIII века, часто бывавших в Летнем саду.

Настоящее имя шута Петра Великого было – Ян д'Акоста (Yan d'Akosta). Однако я буду называть его согласно русской традиции – Лакоста.

Долгое время гравированный портрет из собрания П.Я. Дашкова принимали за изображение шута Лакосты. Портрет сопровождался следующей подписью: «Лякоста, придворный шут Анны Ивановны. С современной гравюры Вестіуса»³⁰. Это изображение представляет собой типичный пример западноевропейского гравированного портрета начала XVIII века. В прямоугольное поле вписано овальное обрамление в виде живописного портрета, помещенного на фоне каменной кладки. Для усиления иллюзорности изображения портрет открывает занавес с кистью. Перед нами – зрелый мужчина в парике и камзоле, расшитом бранденбурами. Мужчина стоит в горделивой позе; из-под его рукава выглядывает дорогой кружевной манжет. Внизу – гравированное посвящение изображенному лицу, выполненное на старонемецком языке. После перевода текста я обратил внимание на несоответствие подписи под портретом «Лякосты» и посвящением, размещенным непосредственно на гравюре: последнее содержит хвалебные стихи в честь некоего «германо-француза» («Deutsch Francois»), написавшего «всем на радость» «особенную» книгу, успех которой никто не мог повторить. «И поэтому хвала должна достаться ему одному», – заключает надпись³¹. В этом «литературном» посвящении нет никакого упоминания о Лакосте или о каком-либо другом лице, кроме «германо-француза». Также обращает на себя внимание, что на портрете мы видим представительного, даже весьма богатого вельможу, каким не мог быть Лакоста, живший в Пруссии достаточно скромно, «перебиваясь мелкими аферами»³².

³⁰ Гравюра «Лякосты» была опубликована: *Божерянова И.Н.* «Невский проспект. 1703–1903». СПб., 1903. Т. I.

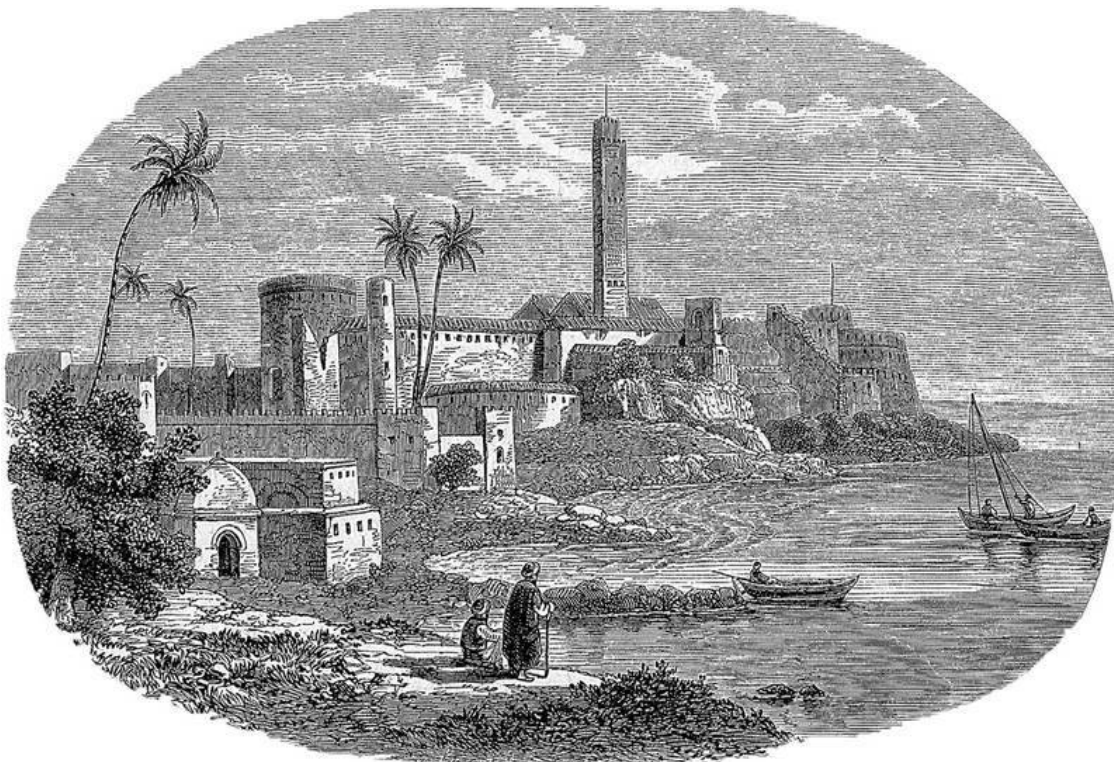
³¹ Перевод со старонемецкого *А.Ю. Епатко*. Гравюра «Лякоста, придворный шут Анны Иоанновны».

³² *Шубинский С.Н.* Исторические рассказы. СПб., 1905. С. 181

Иоганн Тремер. Немецкая гравюра 1736 г. Под портретом на старонемецком языке – стихи и псевдоним их автора, «Германо-Француза», как именовал себя Тремер

Позднее мне удалось установить, что за изображение Лакосты принимали портрет его современника – немецкого поэта и авантюриста Иоганна Христиана Тремера (1696–1756). Будучи сыном француза и немки, Тремер иногда именовал себя «германо-французом», что нашло отражение в его стихах, которые он писал на причудливой смеси ломаного немецкого и французского языков. В Россию Тремер прибыл в 1734 году вместе с Б. Минихом, при котором состоял в качестве шута. Миних обещал Тремеру место шута при дворе Анны Иоанновны, но по каким-то причинам немцу не удалось получить эту должность. Памятью о поездке Тремера в Россию стала его поэма о Петербурге, опубликованная автором в 1736 году в Лейпциге³³. Ее оригинальное название: «Прощание германо-француза со всеми многочисленными диковинами, которые можно видеть в Петербурге». *Первая* поэма о нашем городе вошла в сатирическую книгу Тремера, где, кстати, автор упоминает и Лакосту, с которым был знаком лично. Особо отмечу, что в поэму вошли первые стихотворные строки, посвященные Летнему саду:

Родина Лакосты – западноафриканский город Сале (в XIX в. Сале был переименован в Рабат. Ныне – столица Марокко). Гравюра XIX в.

*Царицын Летний дом расположился рядом
С огромным и прекрасным Летним садом,
В котором статуи античные стоят —
Купили в Риме их, не пожалевав затрат.
Диковинных зверей тут держат на потеху:*

³³ Troemer Johann Christian. Des Deutsch François Jean Chrétien Toucement Adieu von aile Rarités was szu St. Peterburg in Abondance szu seh / Hanss Christian Troemer. Leipszigk. 1736.

*Я на бобра смотреть не мог без смеху —
То под водой затеет он переполох,
То на себе, как баба, ищет блох.
Живого соболя здесь можно видеть тоже,
Хоть мех его и плох, но всех мехов дороже³⁴.*

...Но вернемся к Лакосте, к тем немногим сведениям о нем, которые позволяют заглянуть в допетровский, то есть западный период его жизни. Многие мемуаристы и даже современники шута сходились во мнении, что Лакоста происходил из семьи португальских евреев. Добавлю, что, вероятно, он был потомком знаменитых беженцев Лакоста, которые в конце XV века оставили Испанию после печального указа королевы Изабеллы, изгнавшей евреев за пределы Кастилии (1492 г.). Что касается места рождения Лакосты, французский посол при русском дворе Анри де Лави пишет, что он «родился в Сале в Берберии от родителей испанцев»³⁵. Ныне Сале – пригород столицы Марокко, Рабата. В XVIII веке Сале был крупнейшим западноафриканским портом, и неудивительно, что молодость Лакосты прошла на море. Любопытно, что место рождения Лакосты не было известно даже составителям его биографии, опубликованной в предисловии к довольно подробному сборнику о царских шутах, вышедшему в 1869 году³⁶. Обратимся же к этому изданию, некоторые анекдоты которого в какой-то мере проясняют раннюю часть биографии Лакосты.

Одна из таких историй повествует, что, когда Лакоста отправлялся из Португалии морем в Россию, кто-то из провожающих спросил его:

– Как не боишься ты садиться на корабль, зная, что твой отец, дед и прадед погибли в море?

– А твои предки каким образом умерли? – спросил в свою очередь Лакоста.

– Преставились блаженною кончиною на постелях.

– Так как же ты, друг мой, не боишься еженощно ложиться в постель?³⁷ – удивился Лакоста.

В другом анекдоте сам адмирал Вильбоа советовался с Лакостой, обращаясь к нему: «...Ты, шут, человек на море бывалый...»³⁸

Можно предположить, что именно «морская» биография Лакосты и привлекла внимание Петра I, всегда благоволившего к мореходам. Мы не знаем, когда и по каким причинам Лакоста покинул свою родину. Но обратимся к свидетельству де Лави – автору самых ранних сообщений о Лакосте (1717 г.). Французский посланник пишет, что Лакосту привез некий резидент Петра Великого, который доставил в Россию янтарную комнату. «Его царское величество, – пишет де Лави, – осматривал большой янтарный кабинет – подарок короля прусского, оцененный в большую сумму: человек, привезший его, передавал мне, что его везли на двенадцати телегах, но не мог определить его стоимость. Он привез сюда г. д'Акоста, имеющего около пятидесяти лет от роду... [он] говорит на нескольких европейских языках. Царь пригласил его в Гамбург; он занимается торговлей, пользуется большою милостию и сопровождает царя повсюду; он большой говорун и часто острит, чтобы позабавить царя»³⁹. Любопытно замечание де Лави, что царь лично встречался с Лакостой. Эта встреча могла

³⁴ Гольдберг А.Л. Первая поэма о Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1979. С. 16. (Перевод со старонемецкого А.Л. Гольдберга).

³⁵ Письмо де Лави 29.IX.1703 (№ 87) // Сб. РИО. 1881. Т. 34. С. 259.

³⁶ Полное и обстоятельное собрание любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, д'Акосты, Педрилло и Кульковского. СПб., 1869.

³⁷ Там же. С. 110.

³⁸ Там же. С. 112.

³⁹ Письмо де Лави 29.IX.1703 (№ 87) // Сб. РИО. 1881. Т. 34. С. 259.

иметь место в любом из европейских городов, лежащих на пути Петра I в Париж в 1717 году. Царь пригласил будущего шута в Гамбург, так как знал, что именно оттуда в Петербург должен отправиться обоз с янтарной комнатой.

Петр I. Немецкая гравюра 1730 г.

Исследователи в основном подтверждают сообщение де Лави: например, историк С.Н. Шубинский пишет, что Лакоста, «португальский еврей, несколько лет странствовал по Европе, перебиваясь мелкими аферами; держал маклерскую контору в Гамбурге и наконец пристал в качестве приживальщика к бывшему там русскому резиденту, с которым и поехал

в Россию»⁴⁰. Можно не сомневаться, что по прибытию в Петербург, Лакоста был крещен; во всяком случае источники называют его «обращенным португальским евреем»⁴¹. Петр I выделял Лакосту из свиты своих шутов и даже, как полагают исследователи, назначил его главным среди них. В отличие от других шутов, Лакоста славился как искусный собеседник и знаток Священного Писания. Ф.-В. Берхгольц оставил любопытный рассказ о споре между царем и Лакостой, имевшем место в Летнем саду в июне 1721 года: «Вскоре после нашего прихода в сад, – пишет камер-юнкер, – его величество оставил гвардейцев и пошел к... царице, которая осыпала его ласками.

Побыв несколько времени, он (Петр I. – *А. Е.*) подошел к вельможам, сидевшим за столами вокруг прекрасного водомета... Постоя здесь минуту, я услышал спор между монархом и его шутом Ла-Костой, который обыкновенно оживляет общество. Этот Ла-Коста... человек чрезвычайно хитрый; прежде он был маклером в Гамбурге. Дело было вот в чем. Ла-Коста говорил, что в Священном Писании сказано, что „многие придут с Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом“; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано. Тот отвечал: в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библиею и вскоре возвратился с огромной книгою, которую приказал взять у духовных, требуя, чтобы Ла-Коста отыскал ему место; шут отозвался, что не знает, где именно находятся эти слова, но что может уверить его величество, что они написаны в Библии. „Еу, еу, – отвечал государь по своему обыкновению, по-голландски: *Dat is naar apraht? Ji saudt ju Dage nicht darin finden*“ (все вздор, там нет этого)... Меня уверяли, что Ла-Коста прав, – продолжает Берхгольц, – что приведенные им слова действительно находятся в Библии, именно у Матфея, гл. 8, ст. 11 и 12»⁴².

⁴⁰ Шубинский С.Н. Исторические рассказы. СПб., 1905. С. 181.

⁴¹ Берк К.Р. // Ю.Н. Беспярых. Петербург в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 155.

⁴² [Берхгольц Ф.-В.]. Неистовый реформатор. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца... С. 139–140.

Лакоста – комендант острова Гогланд. Карикатура из книги И. Тремера. 1736 г.

Влияние Лакосты при дворе росло с каждым годом. В 1718 году шут даже вступил в конфликт с видным хирургом Лестоком. По жалобе Лакосты царь сослал своего врача в Казань, где последний жил до кончины Петра I. В 1719 году Лакоста уже занимает даровую квартиру в доме главного доктора Р.К. Эрскина (Арескина), купленную в казну за 500 рублей. Шут продолжает пользоваться царской милостью и вскоре получает от Петра шут-

ливый титул «самоедского короля»⁴³, который он носил до аннинских времен. По отзывам современников, церемонию коронования Лакосты Петр отпраздновал в Москве и с большим великолепием: на поклонение к новоявленному «королю» явились двадцать четыре самоеда, приведшие с собой целое стадо оленей.

Петр I не только легко раздавал своим шутам различные титулы, но и жаловал их землями. Известно, например, что после заключения Ништадтского мира Лакоста направил царю челобитную о награждении его «за службы» землями, отвоеванными у Швеции. На просьбу шута Петр наложил следующую резолюцию: «Отдать ежели нет наследников законных против тракта со шведами»⁴⁴. Во владение Лакосте был выделен пустынный остров Соммерс в Финском заливе и также была выдана жалованная грамота, подтверждающая его собственность. Сообщение об этом царском подарке находим в дневнике Берхгольца, который 1 августа 1723 года записал: «Мы стали на якорь в нескольких милях от Гохланда, против песчаного острова Сомерое (Соммерс. – *А. Е.*), потому что ветер был неблагоприятен... Сомерое есть то самое графство, которое Ла-Коста получил в подарок от императора. Оно состоит все из камня и песку и не имеет вовсе жителей»⁴⁵.

По другой версии, Петр I подарил шуту соседний с Соммерсом остров Гогланд. Кстати, единственное изображение Лакосты, дошедшее до нашего времени, связано именно с Гогландом. Мне удалось обнаружить его в уже упомянутой сатирической книге Тремера 1736 года⁴⁶. В свое время эта карикатура – да и сама книга «Веселое жизнеописание и хитроумные приключения германо-француза на белом свете» – наделали много шума в Петербурге. По всей видимости, книга, вышедшая всего через год после посещения Тремером России, стала своеобразной мстью шутам, которые могли помешать «карьере» немца при русском дворе.

⁴³ Шубинский С.Н. Исторические рассказы. СПб., 1905. С. 181.

⁴⁴ Полное и обстоятельное собрание любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, д'Акосты, Педрилло и Кульковского. СПб., 1869. С. 96.

⁴⁵ Ф.-В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725. М., 2000. С. 119.

⁴⁶ Troemer Johann Christian. Des Deutsch François Jean Chrétien Toucement Adieu von aile Rarités was szu St. Peterburg in Abondance szu seh / Hanss Christian Troemer. Leipszigk. 1736.

Анна Иоанновна в Тронном зале Летнего дворца. Немецкая гравюра 1739 г.

Главные «герои» гравюры – первейшие шуты Анны Иоанновны – Педрилло и Лакоста. В центре карикатуры – Педрилло, который восседает на козе со скрипкой в руках. Его встречает охотник с рогами. За скрипачом в санях едет влюбленная парочка: испанский капитан и жена Педрилло, которую испанец и соблазняет. Выше изображены два северных чума со стоящими на вытяжку оленями. Это – «камень» в огород Лакосты, «короля самоедов». Сам же Лакоста, представленный «комендантом» Гогланда, высовывается из башни маяка. Он обзревает свои островные владения и одновременно отпускает на итальянском языке оскорбительную реплику, адресованную Педрилло: «Поди прочь, дурак!». На море видны прибитые к берегу бочки – остатки кораблекрушения. Возможно, это намек на сомнительные доходы

Лакосты: известно, что маячные служители часто пользовались имуществом, доставшимся им после гибели кораблей.

В Летнем саду после наводнения 23 сентября 1924 г. Фото В. Буллы

Хотя на гравюре Тремера Лакоста изображен в роли коменданта острова, он так и не получил Гогланд (или Соммерс) в свое владение: после смерти Петра Лакоста, как и многие другие приближенные, пытался подтвердить права на свои пожалованные императором земли. Однако шуту было отказано в этом на том основании, что грамота была недействительная, так как Петр вместо печати приложил к ней рубль.

Надо полагать, что при Екатерине I и Петре II Лакоста сохранял за собой должности придворного шута и «самоедского короля». Но его звезда вновь возшла именно в правление Анны Иоанновны, как известно, особенно любившей шутов. Правда, последние не имели такого влияния при дворе, как при Петре I. Царь держал шутов не только для своего увесе-

ления, но как одно из орудий насмешки против невежества. При Анне Иоанновне их статус упростился: они исполняли роль обычных скоморохов.

Ученый швед Карл Рейнхольд Берк, побывавший в Петербурге в 1730-х годах, выделяет среди пятерых придворных шутов именно Лакосту. «Прочие шуты, – пишет он, – глупые жулики, служба которых состоит в том, чтобы получать оплеухи, ставить подножки и громко хохотать, когда случается что-нибудь смешное»⁴⁷. Он также сообщает, что в 1735 году Лакоста получил новый орденский знак св. Бенедикта (St. Benedetto), учрежденный Анной Иоанновной для поощрения своих шутов. По словам Берка, этот орден чрезвычайно походил на орден Александра Невского – «был покрыт красной эмалью, с маленькими отшлифованными драгоценными камнями вокруг»⁴⁸; его носили в петлице на красной ленте.

Последнее упоминание о Лакосте мы находим в том же 1735 году. Его имя названо в указе камер-цалмейстеру о расходах из комнатной суммы Анны Иоанновны. «Указали мы, взнесенные в комнату нашу, деньги, сто рублей, – говорится в документе, – которыми осыпал Лакост во время ево аудиенции самоедей, оные записать тебе в расход. Анна»⁴⁹. Внизу под документом мы находим подробное пояснение этого указа: «Шут Лакоста разыгрывал роль важной особы при представлении самоедских выборных и, выслушав их приветствие, в старинной одежде московского двора... сыпал серебро пригоршнями из мешка, с тем чтобы для большей потехи государыни, смотревшей на шутовскую церемонию, самоеды, бросившись подбирать деньги, потолкались и подрались между собою»⁵⁰.

После 1735 года судьба Лакосты более не прослеживается. Исследователи XIX века также признают, что год смерти знаменитого шута остается пока неизвестным. К этому можно только добавить, что сын Лакосты Яков Христиан в 1739–1740-х годах служил в полевой артиллерии капралом и сержантом, а в 1740 году был пожалован «в армейские полки подпоручиком»⁵¹.

⁴⁷ Берк К.Р. // Ю.Н. Беспярых. Петербург в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 155.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Петров П.Н. Указы камер-цалмейстеру из комнатной суммы императрицы Анны // РС. 1882. Т. 35. № 10. С. 170.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Полное и обстоятельное собрание любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, д'Акосты, Педрилло и Кульковского. СПб., 1869. С. 98.

Екатерина II. Французская гравюра 1787 г

Возвращаясь к фонтану «Лакоста», можно предположить, что такое название явилось знаком особого благоволения к шуте со стороны Анны Иоанновны. Остается только сожалеть, что этот памятный водомет, впрочем, как и другие фонтаны Летнего сада, значительно пострадал после опустошительного наводнения 1777 года.

Это наводнение не на шутку испугало даже Екатерину II, которая и в своем дворце не чувствовала себя в безопасности. По словам ее современников, в ночь на 10 сентября большая площадь перед дворцом императрицы «сделалась морем»⁵², о чем было немедленно

⁵² Мордвинов И. Петербургское наводнение Екатерининского времени в описании очевидца // Русский Архив. 1916. Т. I. С. 210.

доложено Екатерине. «Монархиня... соизволила прийти к окнам, — пишет очевидец, — приказала выбить стекла для усмотрения пресильного движения тех вод и, сколь соизволила усмотреть везде ревущия воды, тотчас стала на колени, и призван был священник для служения службы»⁵³. В эту ночь Нева поднялась до отметки 310 см, так что вода стояла вровень с окнами дворца Петра I, а вся территория Летнего сада была затоплена примерно на метр. Наводнение сопровождалось ураганным ветром. В результате бури, свирепствовавшей около двух суток, в значительной степени были уничтожены зеленые насаждения, садово-парковые сооружения и серьезно повреждена водопроводная фонтанная система. «В сем году сад почти совсем опустошен был ужасною бурей и великим наводнением, — сообщает академик Я. Штелин, — высокие и густые деревья с корнем вырваны и одно на другое повержены»⁵⁴. Другое свидетельство о последствиях этого наводнения в Летнем саду мы находим в письме неизвестного автора, которое было послано в город Тихвин. Он сообщает, что «в садах беседки, гульбища, галереи и тому ж подобные, равно инженерии (оранжереи. — А. Е.) в прах изгибли, и какое ж жалостное состояние поутру смотреть было...»⁵⁵.

Существует ошибочное мнение, что фонтаны после этого наводнения никогда не пытались восстанавливать. Однако это не так: в 1780 году архитектор П.М. Егоров выполнил по поручению Канцелярии от строений проект восстановления фонтанной системы Летнего сада, но уже в следующем, 1781 году Екатерина писала начальнику Канцелярии от строений И.И. Бецкому: «Иван Иванович, как в разсуждении фонтанов, находящихся в саду, летнего нашего дворца, Мы имеем особое намерение... и повелеваем всякую работу, до сих фонтанов касающуюся, остановить, а сумму, на то отпущенную, обратить на окончание строения в Эрмитаже»⁵⁶. Императрица, по всей видимости, не желала идти на значительные расходы по восстановлению фонтанной системы сада, так как нуждалась в средствах на строительство Эрмитажа. В связи с этим также представляет интерес и сообщение Генриха фон Ремерса, автора крупного труда о Петербурге начала XIX века. Автор пишет, что водометы Летнего сада «были перекрыты»⁵⁷, чтобы снабдить водой Таврический дворец.

Не последнюю роль сыграло в этой истории и эстетическое предпочтение Екатерины II. В одном из писем Вольтеру государыня признавалась в своей приверженности к английскому садово-парковому искусству: «Я теперь до безумия люблю английские сады, с их изогнутыми линиями, пологими склонами, имеющими форму озер, прудами, земляными архапеллагами; и испытываю отвращение к прямым линиям и аллеям-близнецам; я ненавижу фонтаны, которые заставляют воду течь против определенного ей природой естественного течения, статуи, скрытые в галереях, передних и т. п. Одним словом, англомания властвует над моей плантоманией»⁵⁸. С указом Екатерины II о разборе фонтанов, вышедшем в 1781 году, закончилась поистине золотая эпоха Летнего сада как сада водяной виктории, созданного гением Петра и высоким искусством Жана Батиста Леблона.

Глава 12

Лифляндский пастор – друг Петра Великого

Служитель церкви почти полвека хранил грамоту русского царя.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. М., 1830. С. 80.

⁵⁵ Мордвинов И. Петербургское наводнение Екатерининского времени в описании очевидца // Русский Архив. 1916. Т. I. С. 210.

⁵⁶ РГИА. Ф. 466. Оп. 145–579. Д. 239.

⁵⁷ Ремерс Г. фон. Санкт-Петербург в конце своего столетия. СПб., 2007. С. 137.

⁵⁸ *Voltaire's Correspondence* // Ed. Byt. Besterman. Geneva, 1963. Vol. LXXXII. P. 231.

1710 год был особенно успешным для Петра Великого: за одну военную кампанию русские войска взяли четыре шведских крепости – Корелу, Выборг, Ригу и Ревель. Лифляндия вошла в состав России, и царь стал частенько наведываться в бывшие шведские земли, где увлекся строительством дворцов и разведением регулярных садов. Кажется, царь влюбился в Прибалтику. Ему нравилось здесь решительно все: и европеизированные жители, и мягкий климат, и выгодное географическое положение. Бывая в своем любимом Ревеле (Таллинне), царь заезжал и в Ригу, ее он посетил 9 раз. В одно из посещений Петром этой части Прибалтики и произошла любопытная история, о которой впервые было упомянуто в «Рижских городских известиях» в 1825 году.

Скромная просьба

В годы Северной войны русские войска часто двигались по дороге, ведущей из Митавы в Ригу. По пути солдаты неизменно маршировали мимо Далбинского церковного прихода, чем основательно обременяли христовых служителей: петровская гвардия шла с грохочущим барабанным боем, а отдельные солдаты не гнушались таскать пасторскую живность с церковного двора.

...Случилось, что как-то мимо храма ехал сам Петр I, направлявшийся в Митаву. Ему навстречу в полном облачении вышел пастор. Предание называет имя церковного служителя – Виттенберг.

Ливонцы (лифляндцы). Гравюра из итальянского издания 1791 г.

Царь покинул повозку и, выслушав приветствие на латинском, поцеловал пастора в лоб. Затем монарх спросил святого отца, далеко ли до Митавы. Поскольку расстояние было неблизкое, а дело шло к ночи, Петр выразил желание ночевать у пастора, причем без свиты. Очевидно, царь не хотел стеснять церковного служителя своим неугомонным окружением, которое могло веселиться до утра...

О чем говорили весь вечер лифляндский священник и русский царь, неизвестно, но расстались они по просьбе Виттенберга: последний откланялся царю и отправился на вечернюю молитву. Предание сообщает, что монарх «отпустил пастора с благодарением и пожеланием ему спокойной ночи».

Прощаясь на другой день, Петр I спросил пастора, не желает ли он испросить «царскую милость». Скромный служитель отвечал царю: «В житейском быту я почти ни в чем не имею надобности; в душевном надеюсь на милосердие Бога, веруя в моего Спасителя, а посещение Вашим Величеством моего дома есть уже такое счастье, больше которого мне уже ничего не нужно». На это Петр философски заметил, что пастор, по его мнению, богаче его, царя, раз не нуждается ни в чем. «Но мне хотелось бы, – продолжал монарх, – оставить тебе что-то на память». Тогда Виттенберг сказал царю, что у него все же есть единственная просьба: он будет очень благодарен государю, если тот избавит его двор от произвола солдат, которые постоянно воруют его домашний скот, а также избавит пасторские уши от беспрестанного боя проходящих здесь военных команд.

Приход Далбес. Современное состояние. Фото Я. Пурмаласа (Латвия)

Царь улыбнулся, услышав столь скромную просьбу, оторвал лоскуток бумаги и, написав несколько слов, отдал пастору «для предъявления на случай нужды».

«Царь был мне друг!»

Минуло сорок лет... После Петра Великого на российском престоле сменилось четыре монарха, а ныне царствовала Елизавета, дочь Петра Алексеевича. Россия была втянута в очередную войну, вошедшую в историю под названием Семилетней. В 1757 году в Митаве, недалеко от Далбинского прихода, разместилась главная квартира главнокомандующего рос-

сийской армией генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина. В Петербурге говорили, что сам Апраксин воспринял назначение на пост главнокомандующего без особой радости, так как больше любил проводить свое время на ассамблеях, чем под стягом боевого знамени...

Тем временем войска стягивались к Риге, куда генерал-фельдмаршал двинулся с огромным обозом. Вдогонку ему императрица Елизавета послала подарки – соболий мех (чтобы главнокомандующий не замерз) и столовый серебряный сервиз в 80 пудов весом:

Апраксин любил пышно поесть и щедро угостить. Остряки перешептывались, что фельдмаршал намеревался открыть кампанию не против пруссаков, а против рижских дам...

Генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин. Неизвестный крепостной художник середины XVIII в.

Но до Риги Апраксин не доехал и остановился в Митаве. Русское войско, расквартированное в окрестностях города, жило в ожидании приказа выступить на марш.

Солдаты жгли костры, проводили маневры, барабанили... А приказ все не поступал... Неудивительно, что 73-летний пастор Виттенберг был не в восторге от присутствия русской армии, фактически вставшей на постой близ его церковного прихода. Старый служитель долго терпел, но наконец решился: сел в дедовскую одноколку и отправился к самому главнокомандующему графу Апраксину просить у него защиты.

Предание сообщает, что по пути в главный штаб пастор должен был форсировать реку. Но ему пришлось провести долгое время в ожидании судна, так как в первую очередь перевозили военных, которых тут скопилось великое множество. Переехав на другой берег, Виттенберг вообще не смог двигаться дальше в своей одноколке: нескончаемая колонна солдат направлялась в сторону Митавы. Дряхлому служителю не оставалось ничего иного, как плестись в штаб российской армии пешком. Несколько офицеров указали Виттенбергу на дом, служивший главной квартирой генерал-фельдмаршалу.

Однако, зайдя в штаб, пастор был остановлен еще в передней адъютантом Апраксина. Офицер заявил старику, что сейчас к графу пройти решительно невозможно: его превосходительство проводит военный совет, на котором присутствуют все генералы армии. На это пастор важно отвечал:

– Петр Великий не заставил бы меня дожидаться! Он у меня гостил и был мне друг.

Услышав это, адъютант немедленно побежал к фельдмаршалу, который, как сообщает предание, тут же вышел в переднюю... Военный совет был приостановлен.

Апраксин лично отвел пастора в гостиную, где его посадили и подали завтрак. Генералы и другие высокие чины обступили старика и внимательно слушали его рассказ «о делах и словах Петра Великого». После воспоминаний о том, как царь гостил у него в Далбинском приходе, пастор Виттенберг приступил к делу: он объявил о своем требовании к солдатам – не нарушать тишину в окрестностях его храма и не трогать ему принадлежащий скот.

При этих словах старый служитель вынул из кармана свернутый пожелтевший кусок бумаги, «писанный государем». Как повествует предание, «все генералы и офицеры с благоговением целовали бумагу и прижимали ее к сердцу. Тщетно главнокомандующий убеждал пастора уступить эту драгоценность. Разумеется, просьба пастора была выполнена. Возвратясь домой в фельдмаршальском экипаже, нашел он уже охранный караул у дверей своих».

Письмо из Латвии

На этом необычный рассказ о лифляндском друге Петра I заканчивается... Он любопытен уже тем, что прибалтийские предания, связанные с именем русского царя, встречаются довольно редко. Так что эта латышская легенда поистине уникальна, а главная ее мысль – поучительна: спустя тридцать лет после смерти Петра указы великого монарха, спешно набросанные на клочке бумаги – без всяких печатей и гербов, – выполнялись в России беспрекословно. Вот как надо управлять страной!

После знакомства с этой историей меня заинтересовал вопрос: а что известно о судьбах пастора Виттенберга и графа Апраксина?

Что касается российского полководца, то здесь затруднений не было: генерал-фельдмаршал Апраксин стал героем Семилетней войны. Как и планировалось, он вступил в Пруссию, где разбил армию Фридриха II при Гросс-Егерсдорфе. Однако позднее, оговоренный дворцовыми интригами, был смещен с поста главнокомандующего и попал под следствие, во время которого скоропостижно скончался в 1758 году. Надгробие графа Апраксина сегодня можно видеть в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

Узнать о судьбе лифляндского пастора оказалось сложнее. С этим вопросом я обратился к известному рижскому искусствоведу В.К. Бартошевской. В ответном письме исследовательница сообщила, что приход *Далбес* – именно так в Латвии называют этот храм, существует поныне и является действующим; он находится недалеко от Елгавы (Митава – старое русское название). Правда, древнюю Далбесскую церковь, которую посещал *Петр I*, основательно перестроили в XIX веке. За более подробной информацией о прежнем храме и пасторе Виттенберге г-жа Бартошевская обратилась к архиепископу латвийской лютеранской церкви Янису Ванагу. Его высокопреосвященство любезно ответил, что Далбесский храм был возведен в 1699 году. Имя пастора Виттенберга встречается в бумагах латвийского архива: в одном из документов пастор сообщает курляндскому герцогу об установке в Далбесской церкви алтаря, который был подарен приходу лиепайской ратушей. А вот существует ли в Латвии изображение самого Виттенберга, выяснить пока не удалось. Кто знает, быть может, в каком-нибудь прибалтийском музейном собрании и хранится портрет скромного лифляндского пастора – друга *Петра Великого*...

Глава 13

Памятник Петру Великому в Красных Соснах

В XIX веке на левом берегу реки Невы, в урочище Красные Сосны (в двенадцати километрах от Шлиссельбурга), существовал очень любопытный и ныне утраченный памятник, связанный с именем Петра Великого.

Заколдованные деревья

Его основание восходит к легенде, повествующей о том, что здесь царь часто любил отдыхать во время своих «шведских походов». Это место представляло собой большую поляну, украшенную величественными соснами, с высоты которых хорошо просматривалось Приневье. Неудивительно, что Петр облюбовал Красные Сосны как место своего лагеря в октябре 1702 года – во время штурма Нотебурга. Предание даже сообщает, что накануне штурма царь рассматривал шведскую крепость в подзорную трубу с вершины одной из «красных» сосен...

Другое предание гласит, что в древности на этом месте располагалась священная роща, служившая финнам местом совершения своих языческих обрядов; здесь сыны «Калевалы» приносили жертвы небесным божествам – Перкеле и Юмале. С Красными Соснами также связана старая финская легенда, уходящая корнями в русско-шведскую войну XVI столетия...

Русские постоянно побеждали в эту кровавую войну, рассказывает предание, пока к шведам не прибыл новый полководец Понтус Делагарди. Это человек был в тайной связи с духами, при участии которых стал одерживать над московитянами одну победу за другой. Однажды после очередного сражения Делагарди прилег отдохнуть у Красных Сосен, среди заколдованных деревьев. Когда Понтус заснул, у него на шее выросла огромная сосна; сильная тяжесть заставила полководца проснуться.

Петр I. Гравюра 1722 г. Германия

Только при помощи Перкеля Делагарди смог сдвинуть с себя чудесное дерево и таким образом спасти свою жизнь. Это происшествие шведский военачальник приписал божьему гневу, поэтому он поспешил собрать свое войско и немедленно покинул пределы России. С тех пор больше его никто не видел.

Также рассказывают, что, когда на финскую землю (еще во времена шведского владычества) проникло христианство, на месте Красных Сосен был сооружен храм.

Историк XIX века М. Пыляев нашел средневековый документ, подтверждающий эту легенду: епископ из Або сообщал, что близ дороги в Нотебург в лесу находится монастырь. Действительно, из русских источников также известно, что когда-то в урочище Красные Сосны стояла церковь (не связанная с именем Петра I), но к середине XIX века она уже исчезла... Несмотря на все старания церковников, осенивших поляну храмом, это место продолжало оставаться особо почитаемым. По крайней мере, Пыляев видел посередине луга одну отдельно стоящую сосну, ее окрестные жители признавали за священное дерево!

Таким образом, в Красных Соснах мирно сосуществовал двойной культ – Петра Великого и чудесных деревьев, которые издавна были огорожены от случайной порубки. Правда, со временем имя Петра вытеснило языческие традиции, окончательно связав священные сосны с именем русского царя.

«Достопамятное место»

То, что члены императорской фамилии посещали Красные Сосны еще до установки памятника Петру, мы знаем из записок безвестного очевидца. Последний сообщал, что в 1798 году Павел I с семьей и свитой «проехали Красные Сосны, несколько деревьев вместе стоящих и огороженных». Высокий эскорт остановился у почитаемых деревьев, и император услышал от местных жителей предания об этом «достопамятном месте».

Памятник Петру I у Красных Сосен. С рис., сделанного с натуры А. Норовлевым (до 1882 г.)

В 1822 году Красные Сосны посетил издатель «Отечественных записок» П. Свиньин. Здесь он увидел небольшую округлую полянку, обсаженную высокими деревьями. Свиньин замечает, что при Красных Соснах «останавливается всякий путешественник, проезжающий места сии».

Особенно ценно свидетельство литератора А. Милюкова, благодаря которому мы узнаем, что уже в 40-х годах XIX века окрестные жители задавались вопросом: «А те ли это сосны, которые „помнят“ Петра I?..» «Рассказы старожил о Красной Сосне несогласны (то есть спорны. – А. Е.), – пишет Милюков, – одни говорят, что это те самые деревья, под которыми отдыхал государь, другие думают, что *то* дерево погибло, а эти сосны выросли впоследствии на его месте».

Что касается памятника Петру Великому, возведенному в Красных Соснах на месте походного лагеря царя, то его поставили братья Николай и Михаил Спиридоновы. Путиловские каменотесы с детства были наслышаны о священных деревьях и походной палатке Петра, раскинутой в урочище. Согласно завещанию отца – каменщика Спиридона Кириллова, дети поставили памятник царю «на месте его отдохновения». Проект утвердил лично император Николай I.

Памятник, выполненный в конической форме из серого отшлифованного камня, вершину которого венчал гранитный шар, стоял на поляне между пятью или шестью соснами, обнесенными каменной оградой. Надпись на плите гласила:

*«Императору Петру I, отцу отечества
В незабвенную признательность
Соорудили братья Спиридоновы».*

У подножия пирамиды были разложены по кругу пять пудовых бомб, очевидно, тех самых, что «имели дело» со шведами при взятии Нотебурга.

Красные Сосны, под которыми, по преданию, отдыхал Петр I. Фото С. Попова. 1902 г.

Памятник был торжественно открыт и освящен 27 февраля 1847 года при большом стечении народа. Он довольно быстро стал достопримечательностью Шлиссельбургского уезда; о нем много писали столичные газеты, а у самого монумента совершались молебны в память царя и петровских солдат.

«Неблагодарное потомство»?

Во второй половине XIX века памятник уже нуждался в починке. Это обстоятельство хорошо видно на рисунке, сделанном А. Норовлевым в 1860-х годах: в ограде стоят пять старых высохших сосен, а ступеньки, ведущие к пристани на Неве, частично разрушены.

В 1872 году, в 200-летнюю годовщину со дня рождения Петра Великого, о Красных Соснах вспомнили: именно в этом году запущенный памятник значительно «подновился». Результаты этой реконструкции видны на фотографии 1902 года: каменную ограду вокруг памятника укрепили, покрасили в белый цвет, поставили на ней легкую решетку из прутьев. Сам памятник потерял свою конусообразную форму и стал более приземистым. Сосны, судя по описанию очевидцев, почти все высохли, хотя, если обратиться к фотографии начала XX века, два высоких дерева по-прежнему стояли в ограде.

Любопытное свидетельство об этом оригинальном памятнике Петру I оставил путешественник В. Майнов, который в 1875 году по пути в Олонецкую губернию посетил Красные Сосны. Он описывает четыре высохших сосны «с плохеньким памяtnичком под ними»...

«Как ни жалко на вид это место, – сокрушается писатель, – однако оно играет немалую роль в истории нашей родины, и запущенность Красных Сосен доказывает только, насколько неблагодарно потомство к тому, кто выдвинул Россию вперед... Будь Красные Сосны где-нибудь за границей, сейчас явилась бы гостиница Belle Vue («Красивый вид». – *А. Е.*), и какой-нибудь ветеран показывал бы памятник туристам, – а тут никто даже и не ведает, про что напоминает этот жалкенький памятник».

Майнов попытался узнать у местных крестьян об истории монумента, на что один лесопромышленник бодро поведал путешественнику, что «Петр I на этом самом месте ихнюю крепость взял». А на вопрос «Чью именно?» отвечал без запинки: «Татарскую». Другой же крестьянин рассказывал окружающим, что здесь первоначально была похоронена любимая собака Петра, чье чучело потом выставили «в Арми́таже».

...К сожалению, памятник в Красных Соснах не дошел до наших дней: находясь в годы войны практически на переднем крае обороны, он был полностью разрушен; «священные» деревья тоже погибли. Ныне этот монумент упоминают как один из многочисленных несохранившихся памятников Петру Великому. Однако теперь появилась надежда, что он «выпадет» из этого печального списка: летом 2012 года на окраине Кировска состоялось торжественное открытие площадки под установку памятника Петру I в Красных Соснах.

Штурм Нотебурга 11 октября 1702 г. Немецкая гравюра 1722 г.

В этом событии кроме администрации Кировского района и представителей епархии принимала участие и армянская община, развитие которой в России осуществилось благодаря указу Петра Великого 1711 года. Приятно осознавать, что армяне и спустя 300 лет помнят своего попечителя в лице русского царя.

Так не забудем же и мы Петра I и место его славного «отдохновения»! И пусть, как прежде, встанет здесь памятник, напоминающий о царе-победителе, а в небо взметнутся развесистыми кронами вновь посаженные деревья. А пеший и проезжий остановится здесь и задумается о том, что Петербург, в сущности, начинался с этого неприметного местечка – с Красных Сосен.

Глава 14

Петр I и Казак-Камень

Старая Выборгская легенда

В 2010 году исполнилось 300 лет со дня взятия Выборга войсками Петра I. Военная кампания 1710 года оказалась самой успешной за всю петровскую эпоху: в течение одного лета были взяты шведские города-крепости Рига, Ревель, Пернов, Кексгольм и Выборг. Последнему Петр придавал огромное значение: ведь в случае неудачной осады Выборга город мог стать опорным пунктом для наступления шведов из Финляндии на Петербург. Но царь был уверен в успехе. По его образному выражению, Выборг должен был стать «крепкой подушкой» Петербурга. «Итак чрез взятие сего города Санкт-Петербургу... безопасение получено»⁵⁹, – сообщал Петр в одном из своих писем после сдачи города.

Взятию Выборга предшествовала длительная осада, после которой родилась любопытная легенда. Речь идет о так называемом Казак-камне – гигантском валуне ледниковой эпохи, лежащем в окрестностях Выборга. Когда-то этот камень отмечал место древнейших сухопутных дорог Финляндии, но после 1710 года его стали связывать – не больше ни меньше – с именем Петра Великого...

⁵⁹ Бычков А.Ф. Письма и бумаги Петра Великого. СПб., Т. 10. С. 93.

Предание повествует, что во время штурма Выборгской крепости Главная квартира русской армии находилась в четырех верстах от города – как раз по соседству с внушительным валуном. В XIX веке здесь еще сохранялись следы укреплений петровской эпохи.

«Во время штурма города, – говорится в легенде, – Петр Великий, окруженный несколькими казаками, взошел на огромный камень, тут лежавший, и в зрительную трубу начал смотреть вдаль. С этого высокого камня ему все было видно, как на блюдечке»⁶⁰. При этом царь подвергал себя большой опасности, подставляя себя возможным неприятельским выстрелам. Окружавшие его особы просили Петра сойти с ненадежного «наблюдательного поста». Но царь, несмотря на свистевшие рядом пули, продолжал стоять на камне и внимательно следил за штурмом города. Наконец шведы заметили нашего героя, и пули зазвенели по камню. В этот миг один из казаков вскочил на камень и заслонил царя своим телом... Казак умер у ног государя. Вот отчего, согласно преданию, и произошло странное название этого каменного колосса.

⁶⁰ Каменистые исполины России // Часовой. СПб., 1860. С. 13.

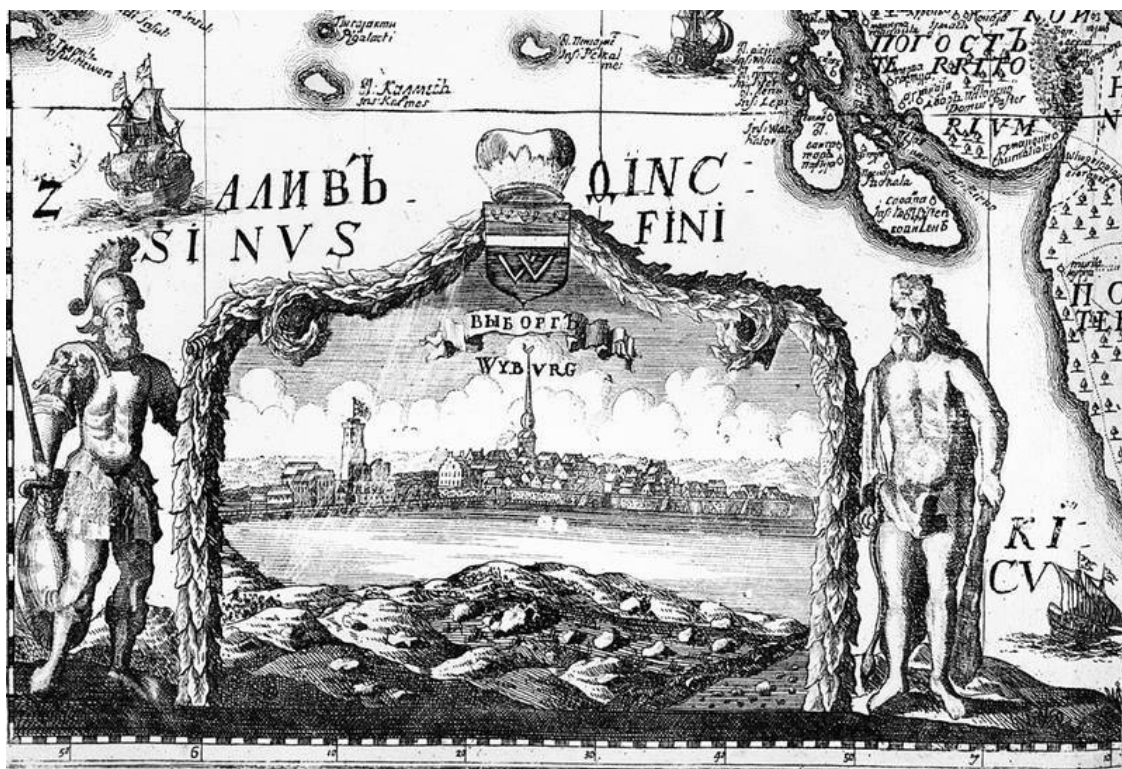
Петр I. Английская гравюра 1739 г.

Легенда занимательная, но вот насколько она соответствует действительности? Что же говорят документы? Известно, что осадой Выборга с 14 мая по 13 июня 1710 мая руководил генерал-адмирал Апраксин, а сам Петр лишь ненадолго появился в виду осажденной кре-

пости. Судя по запискам датского посла в России Юста Юля, царь прибыл под Выборг на шняве «Лизетта». Стоит отметить, что во время перехода от Кронштадта до Выборга Петр I и его спутники подвергались немалой опасности, так как Финский залив еще не очистился ото льда. Чтобы пробить флотилии дорогу к чистой воде пришлось ломать лед оригинальным способом: маленькую пушку втягивали на бушприт, а затем роняли ее на льдины. Более мелкие суда были затерты льдом и унесены в море...

23 мая Петр уже высадился на выборгский берег, и Юст Юль сопровождал царя «по траншеям». В этот день перестрелка с обеих сторон прекратилась, наступило некоторое затишье.

Посол сообщает, что на следующий день Петр вновь сошел на берег, где собирался «осмотреть и исследовать крепость со стороны суши, как он осмотрел ее [накануне] со стороны моря»⁶¹. Царь торопился определиться с местом для возведения батарей, с которых было бы удобнее обстреливать город. Памятуя о кровопролитном взятии Орешка, царь на этот раз придерживался принципа «постепенной атаки». Он рекомендовал Апраксину осуществлять приступ Выборга только в том случае, когда в крепости в результате артобстрела появится брешь. Петр даже составил для Апраксина инструкцию по ведению осады – «Рассуждение о добывании Выборга».

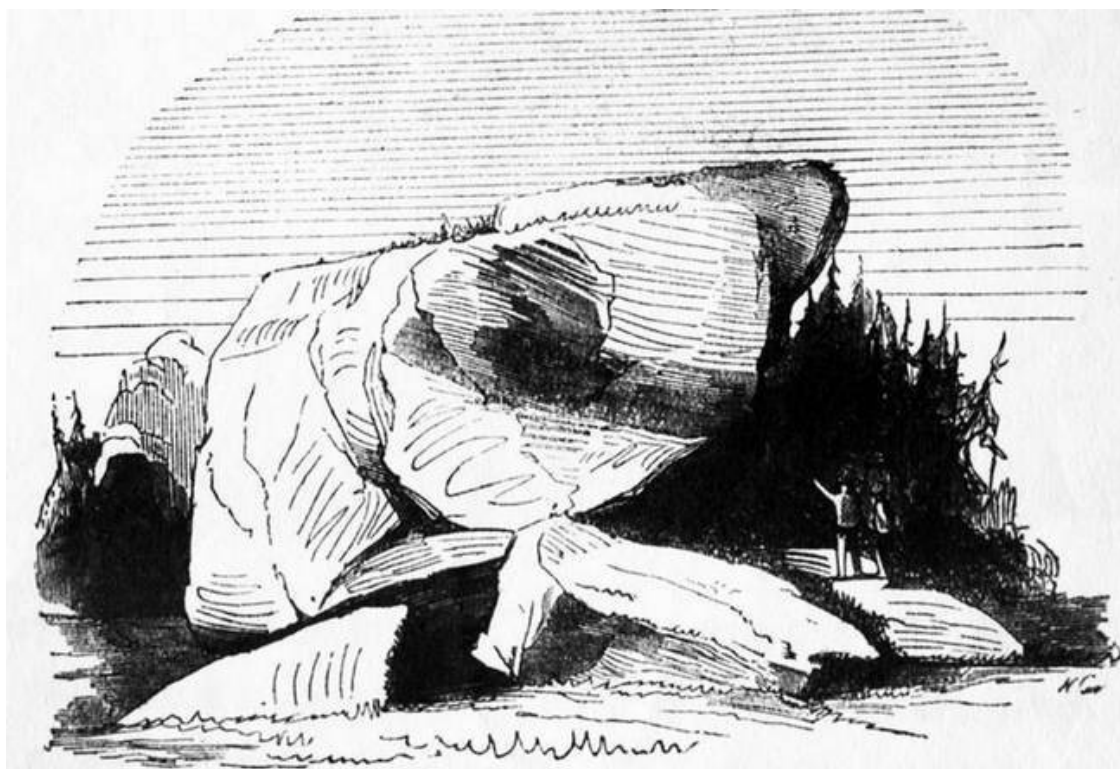
Фрагмент карты Выборгского уезда. 1726 г.

Словом, почти весь день 24 мая 1710 года Петр I провел под Выборгом, в Главной ставке русской армии, которая, как я уже упоминал, находилась недалеко от Казак-камня. Поэтому, если Петр действительно поднимался на этот природный «наблюдательный пункт» – это могло иметь место только в этот день...

⁶¹ Там же.

Не лишним будет отметить, что документы петровской эпохи упоминают о пристрастии царя подниматься на всевозможные вершины для изучения окрестностей. В «Походном журнале» 1714 года, например, сообщается, что царь поднимался на самую высокую гору острова Гогланд для наблюдения за шведскими кораблями. Также можно вспомнить Персидский поход 1722 года, когда Петр, будучи на пути в Астрахань, сошел с судна и поднялся на Лысую гору. С тех пор Лысая гора неразрывно связана с именем великого русского монарха, побывавшего на этой возвышенности.

Вероятно, Казак-камень показался Петру наиболее подходящей точкой для наблюдения за крепостью противника. Но могли ли со шведских позиций заметить одинокую фигуру царя и начать обстрел? Ответ на этот вопрос нам дает тот же Юст Юль. Он отмечает, что 23 мая под Выборгом стояла прекрасная видимость. «Пока длилось перемирие, – пишет датский посол, – на большой городской башне, называемой Герман, стоял один человек; но когда я приставил к глазу длинную подзорную трубу, чтоб получше его рассмотреть, он стремительно бросился вниз, вообразив, что я приложился в него из ружья»⁶².

Казак-камень. Рисунок неизв. худ. 1860 г.

Таким образом, противники вели пристальное наблюдение друг за другом и даже – за одиночными фигурами... К сожалению, Юст Юль ничего не упоминает о том, что русский царь подвергался опасности. Однако посол сопровождал царя на берегу только 23 мая. Интересующий нас день, 24 мая, Юст Юль провел на борту судна, где ему стало известно, что Петр собирается осмотреть крепость со стороны суши. Подробности этой царской «вылазки» на финский берег, видимо, до посла не дошли.

Не стоит отрицать достоверность старого выборгского предания о Петре и Казак-камне. По всей видимости, царь действительно поднимался на вершину глыбы для наблю-

⁶² Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 172.

дения за противником, и его высокая фигура была обстреляна со шведской крепости (по одной версии – пулями, по другой – ядрами). Возможно, кто-то из казаков вовремя «осадил» Петра. Опасно, мол, государь, стоять под шведскими пулями, вытянувшись во фронт. И пошла отсюда легенда о Казак-камне и о самоотверженном спасении царя. Только позднее легенда обросла новыми подробностями: народная молва «сгубила» неизвестного казака.

Волею судьбы Казак-камень оказался связан памятью двух войн – Северной и Великой Отечественной. Фото Goldfinger. 2000-е гг.

Любопытно, что казаки действительно принимали участие в Выборгской операции 1710 года. Источники упоминают о донских казаках, которые состояли в корпусе адмирала Апраксина. Судя по документам, эти лихие бойцы с Дона использовались в качестве разведчиков, а также охраняли обозы с продовольствием.

...Со временем Казак-камень стал неким мемориалом, связанным с именем великого русского царя. Так, в литературе XIX века упоминалось, что многие направлявшиеся из Петербурга в Гельсингфорс отдавали дань уважения этому историческому памятнику, «освященному славным подвигом преданности и самоотвержения». Один из путешественников, посетивший в 1835 году Выборг, писал, что он поднимался «на знаменитый Казак-камень и с вершины его, освященной стопами Петра Великого, долго любовался картиной города»⁶³.

Подробное сообщение о Казак-камне мы также находим в журнале «Часовой» (1860 г.). В статье «Каменистые исполины России» неизвестный автор сообщал, что дорога, которая ведет к легендарной глыбе, отличается «оригинальной живописностью». «К Казаку-камню должно ехать мимо Выборгского форштадта, оставляя его к Западу, – писал путешественник. – По дороге встречается несколько камней меньшего размера, до того рассыпчатые, что малейший удар раздробляет их на части, сам же Казак-камень лежит к Западу от обширного

⁶³ Там же.

леса, который до того чист, что слова, в нем произнесенный, повторяются эхом очень отчетливо. Знаменитая эта глыба уже близка к разрушению и в некоторых местах покрыта темно-вато-серым мхом. Сбоку Казак-камень имеет вид неправильной трапеции, а высокая сторона его выдается вперед и несколько отлога. В окружности камень имеет 11 сажень, ширина его 3 сажени, а длина 5 сажень»⁶⁴.

Автор также добавляет, что простой Выборгский люд устраивал на Казак-камне свой праздник, который он приурочил к языческому Иванову дню. Каждый год, в ночь «на Ивана», на глыбу вкатывали смоляную бочку и поджигали ее. Внизу вокруг камня также раскладывались костры, и толпы ликующего народа пели разгульные песни... Следы этих костров еще были заметны в XIX веке на вершине камня, а с одной стороны он был даже «значительно облит смолою»⁶⁵.

Неудивительно, что со временем легенда, связанная с именем Петра I, совсем забылась. Внимание к Казак-каменю, расположенному ныне близ поселка имени Калинина, проявляют лишь финны: они прикрепили к каменной глыбе мраморную доску с нейтральной надписью на финском и русском языках: «В память о жестоких сражениях. Павшим героям. Июнь-август 1944 года».

Глава 15

«Голландский» и «Сибирский» портреты князя А.Д. Меншикова

Когда исследователь обращается к иконографии какого-либо известного лица, как правило, он находит наиболее подробный материал, освещающий вторую половину жизни своего героя. Это и понятно: известный человек всегда был на виду. Его спешили увековечить художники и граверы, скульпторы и рисовальщики, и даже мастера штемпельного дела...

Одна из немногих таких фигур, которая не попадает под это «правило» – князь А.Д. Меншиков. Его загадочное происхождение (о котором столько сломано «копий») и ссылка в Сибирь создают тот существенный пробел в иконографии князя, который испытывает любой историк, решивший прикоснуться к жизни главного фаворита Петра I.

Так сложилось, что первые и последние годы жизни Меншикова остались скрытыми от глаз художников. Мы не знаем, как выглядел первый губернатор Санкт-Петербурга в юном возрасте, и спорим о том, каким был Меншиков в свой последний «березовский» период. Дефицит иконографических материалов и породил серию фантастических портретов и гравюр, освещающих два самых «туманных» периода жизни светлейшего князя.

Исследователь петровской эпохи Н.В. Калязина отмечала, что всего известно тринадцать прижизненных портретных изображений А.Д. Меншикова: три живописных, одно скульптурное, семь гравированных и две миниатюры⁶⁶. Некоторые из них стали почти хрестоматийными, как, например, бюст Меншикова работы Б. Растрелли. Другие портреты не менее известны – над ними работали такие знаменитые мастера, как И.Е. Таннауэр, П. Пикарт, А.Ф. Зубов.

Я же хочу коснуться двух портретных изображений Меншикова, одно из которых выполнено малоизвестным в России художником, а авторство второго пока остается загадкой. Любопытно, что написаны они с разницей в более чем в три десятилетия и, по всей видимости, являются первым и последним прижизненными портретами князя.

⁶⁴ Албенский А. Нечто из поездки в Финляндию в 1835 году // Сын Отечества. СПб., 1836. Ч. CLXXXVII. С. 116.

⁶⁵ Каменистые исполины России // Часовой. СПб., 1860. С. 14.

⁶⁶ Калязина Н.В. Материалы к иконографии А.Д. Меншикова (прижизненные портреты) // Культура петровского времени. Л., 1977. С. 70–87.

Портрет сержанта Преображенского полка А.Д. Меншикова. Портрет выполнен в Амстердаме во время Великого посольства Петра I в 1697 г. Худ. М. ван Мюсхер. Атрибуция: С.А. Летин

В свое время Н.В. Калязина высказала предположение, что самым ранним из портретных изображений ближайшего сподвижника Петра I можно считать гравюру П. Пикарта «А.Д. Меншиков на коне на фоне сражения при Калише», которая датируется 1707 годом. Гравюра выполнена в характерной манере западноевропейского парадного портрета. Меншиков изображен в рыцарских латах, на вздыбленном коне. Исследовательница признает, что «гравюра исполнена мастерски и выразительна во всех деталях, за исключением лица Меншикова, данного довольно условно»⁶⁷. Н.В. Калязина объясняет это тем, что Пикарт, который к тому времени был достаточно опытным мастером, либо плохо знал Меншикова (что, по моему мнению, маловероятно), либо не писал его с натуры.

Однако в иконографии князя есть другой портрет, несомненно, выполненный с натуры, и, что удивительно, – десятью годами ранее вышеупомянутой гравюры. Это малоизвестное изображение молодого А.Д. Меншикова относится к 1697 году, когда фаворит Петра Великого в составе Великого посольства посетил в Голландию⁶⁸. На портрете есть сопроводительная табличка: «М. Мюсхер. Портрет сержанта Преображенского полка А.Д. Меншикова. 1697».

Таким образом, полотно принадлежит кисти голландского портретиста Михила ван Мюсхера. О нем известно немного: родился в 1641 году в Роттердаме, скончался в 1705 году в Амстердаме. Вероятно, в Амстердаме художник и встретил Меншикова, где по заказу русского царя выполнил изысканный портрет его ближайшего сподвижника.

Молодой, почти юный Меншиков, изображен в полный рост у стола, покрытого темно-зеленой скатертью. Он одет в стеганный атласный зипун, подпоясанный богато украшенным поясом восточной работы. Поверх зипуна накинута так называемая «польская» шуба, на ногах – изящные красные сапоги, на шее, – повязанный узлом дорогой батистовый платок с кружевами. Фаворит царя представлен в горделивой позе, подбоченившись, на пальце левой руки виден перстень, обращенный на зрителя. Легкая улыбка, играющая на тонких губах, и выразительные глаза завершают это красочное полотно. Художник удивительно точно передал самоуверенность будущего князя, которая чувствуется в каждой черте изображенного.

К сожалению, ныне сложно установить историю этого портрета, так как он хранится в частном собрании в Германии. По той же причине пока затруднено дальнейшее изучение этого, по всей видимости, самого раннего портрета Меншикова. Но, вероятно, со временем данное изображение все же придется включить в иконографию светлейшего князя...

Переходя к наиболее поздним портретам князя, отмечу, что одно из бесспорных изображений Меншикова относится к 1717–1720 годам. Это полотно, хранящееся в Государственном Эрмитаже, представляет собой почти хрестоматийное изображение фаворита Петра Великого. К сожалению, художник неизвестен.

Другой поздний портрет, написанный около 1722 года И.Г. Таннауэром, долгое время выдавался за портрет князя Меншикова (собрание Гатчинского дворца). Однако на портрете мы видим гораздо более пожилого человека (в 1722 году Меншикову было 49 лет). К тому же у изображенного отсутствуют на мундире три ордена, которыми к тому времени был награжден князь. Поэтому многие исследователи, начиная еще с А. Успенского (1903 г.), позволили себе усомниться, что на данном портрете представлен А.Д. Меншиков.

⁶⁷ Там же. С. 173.

⁶⁸ Впервые этот портрет был опубликован и атрибутирован сотрудником Государственного Эрмитажа С.А. Летиным (Российская императорская гвардия. СПб., 2005. С. 31).

Казалось бы, на эрмитажном портрете, выполненном не позднее 1720 года, иконография князя завершается. Однако это не совсем так, если обратиться к «березовскому» периоду петровского фаворита...

Аллегорическая немецкая гравюра на падение князя А.Д. Меншикова. 1728 г. Князь изображен падающим вниз. Над ним подпись: Menzikof

«Тюрьма принца Меншикова» в Березове. Голландская гравюра. 1779 г.

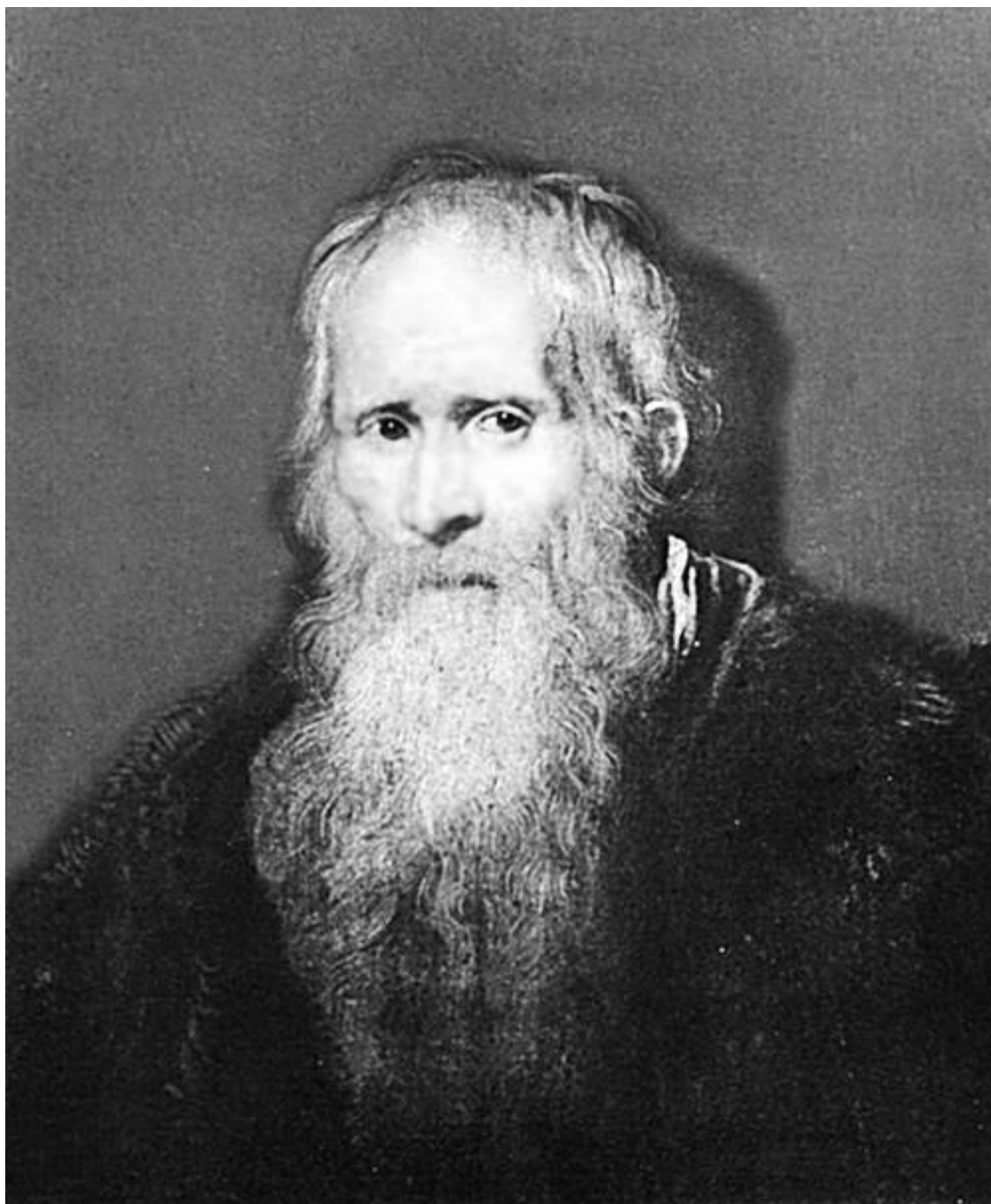
Два года, проведенные в Сибири, – наиболее темные страницы из жизни светлейшего князя. Этот трагический период князя Меншикова неизменно привлекал художников, которых, как и многих, потрясла неожиданная превратность человеческой судьбы. Поднятый из нищеты и безвестности на недостижимую высоту, Меншиков неожиданно был лишен свободы, титулов и имущества и, по его собственным словам, низвергнут «в свое первобытное состояние»⁶⁹. Неудивительно, что эта эпоха в биографии князя нашла отражение в творчестве художников, создавших, за неимением исторических свидетельств, фантастические полотна. Наиболее известное из них – картина В.И. Сурикова «Меншиков в Березове», где ссыльный князь изображен в окружении детей в тесной крестьянской избе. Существуют и другие, менее известные «картинки» из «березовской» эпохи А.Д. Меншикова. Например, рисунок Демидова, изображающий князя с дочерью, которому придворные объявляют о ссылке в Сибирь⁷⁰. Западные художники тоже обращались к этой теме. Стоит упомянуть гравюру Г. Энднера, изображающую семью ссыльного князя, обедающую близ обоза на пути в Сибирь. На гравюре Иверсона мы видим Меншикова, стоящего с заступом в руках у могилы своей дочери. «Бог смирил меня!» – так называется следующая гравюра, где Меншиков представлен в меховой шапке и с топором в руках. Наконец, в собрании Государственного Русского музея хранится гравюра Ж. Моро, изображающая А.Д. Меншикова на смертном одре. Художник видит его в образе иссохшего бородатого старика, дающего плачущим детям последние наставления. На переднем плане Моро удачно поместил массивный топор и пустое блюдо; это все, что осталось у некогда богатейшего вельможи страны...

⁶⁹ Вильбоа Н.П. (Франсуа де Вильбоа.) Краткий очерк, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях // РВ. 1842. Т. 5. № 2. С. 161.

⁷⁰ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. II. Столб. 1276.

«Портрет старика». Худ. Ван Дейк. Исп. в 1620-х гг. (Собр. Фай де Левергем. Антверпен)

«Голова старика». Худ. Ван Дейк. Исп. ок. 1621 г.

Еще одно любопытное произведение, которое (с умыслом или по ошибке?) выдавалось за изображение Меншикова в Сибири, хранится в Государственном историческом музее в Москве. По словам известного художника В.Г. Перова, который приобрел в 70-х годах XIX века этот портрет, на нем был изображен старик с длинной седой бородой, одетый в серый, якобы «арестантский» халат. На лицевой стороне рамы, на жестяной пластине можно было прочесть: «Князь Александр Данилович Меншиков в ссылке в Березове в 1728 году». Сзади, на подрамнике, имеется следующее любопытное пояснение: «Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Списан с портрета, имеющегося у Дениса Ивановича Чичерина, генерал-губернатора Tobольска и всей Сибири. ...Писал сосланный живописец и иностранец Карл Иванович Фрок. Tobольск в 1770 году».

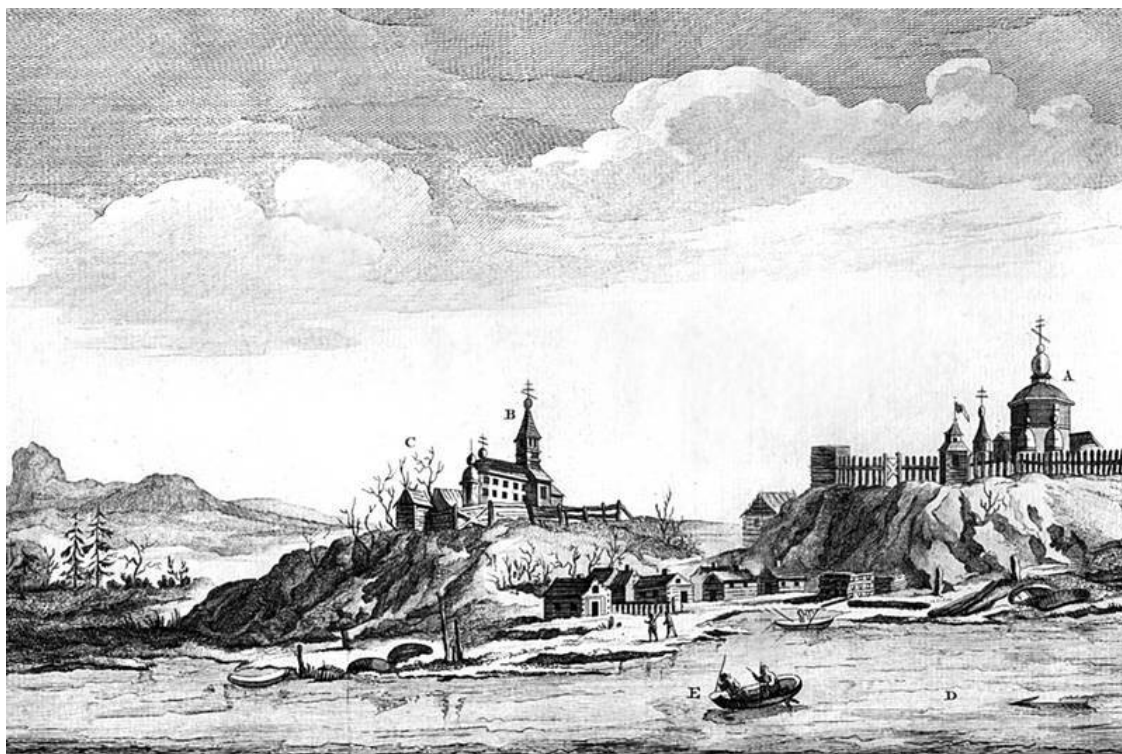

«Бог смирил меня!». Князь Менишков в Березове. Гравюра 1810 г.

В.Г. Перов рассказывает, что позднее это полотно было приобретено у него неким господином Ценкером, а затем перешло в Румянцевский музей (ныне – ГИМ). Первым, кто обнаружил «подложность» сибирского портрета Меншикова, был сам художник, который по прошествии времени обратил внимание, что в Эрмитаже экспонируется «Голова старика» кисти Ван Дейка, идентичная «румянцевскому» Меншикову. «Допустить, чтобы Ван-дик писал портрет Меншикова, уже невозможно потому, что между их существованиями разница почти в целом столетии, – не без юмора замечает Перов, – так как Меншиков умер в 1729 году, а Вандик в 1641 году. Да к тому же, если б они жили в одно время, то вряд ли бы Вандик поехал в Березов писать портрет князя»⁷¹.

Дальнейшие изыскания искусствоведов прояснили этот вопрос. В 1902 году хранитель картинной галереи Императорского Эрмитажа А.И. Сомов предположил, что это портрет известного должителя Томаса Парра, жившего с 1483 по 1635 годы.

Интересно, что по эрмитажным инвентарям XVIII века «Голова старика» считалась работой Рубенса, а с 1838 года – Ван Дейка. И хотя мнения искусствоведов впоследствии разделились, вероятно, ближе всех к истине подошла М.Я. Варшавская. Она определила, что схожий портрет кисти Ван Дейка под названием «Портрет старика» есть в собрании Фай де Левергем в Антверпене (Нидерланды). Сходство изображенных лиц и манера живописи привели исследовательницу к предположению, что эрмитажная картина могла быть подготовительной работой к антверпенскому портрету⁷². Известно также повторение «Головы старика»: такой портрет хранится в галерее Уильям Рокхилл Нельсон в Канзас-Сити (США), откуда произведение поступило из парижского собрания М. Канн. Американские искусствоведы на основании позднейшей надписи на обороте портрета также считают изображенного Томасом Парром.

⁷¹ Перов В.Г. Подложный портрет Меншикова. СПб., 1881. С. 195.

⁷² Варшавская М.Я. Ван Дейк. Картины в Эрмитаже. Л., 1963. С. 105.

Березов. Голландская гравюра конца XVIII в., выполненная по рис. 1740 г. (экспедиция Н. Делиля)

Кто изображен на портрете, имеющем столько повторений, и кто же все-таки является автором «Головы старика», – эти вопросы еще ждут своего исследователя. Но вполне очевидно, что к ссыльному русскому князю это произведение не имеет ни малейшего отношения. Перед нами обычная мистификация: на портреты Меншикова всегда был хороший спрос, и, можно предположить, что кто-то из антикваров решил подзаработать на этом, приписав «легенду» на подрамнике. Так никому не известный в России седобородый старик превратился в знаменитого «березовского узника».

Однако, по всей видимости, один из «сибирских» прижизненных портретов А.Д. Меншикова все же дошел до нашего времени. По иронии судьбы, он тоже хранится в Государственном историческом музее в Москве. Этот портрет принципиально отличается от уже знакомой нам иконографии светлейшего князя...

Перед нами – поясной портрет зрелого человека в темной одежде и в рубашке с белым воротником. Его голова слегка наклонена вперед, а волосы неопрятными длинными локонами спускаются на плечи. Правая жилистая рука как бы указывает на сердце. От руки взгляд зрителя невольно возвращается к лицу изображенного; оно представляет собой странную смесь благородства и запущенности... Небритые щеки, резко очерченные губы, тонкий нос и пронизательные, полные боли глаза... Глаза, которые «не отпускают» и буквально «электризуют» все полотно. В этом горящем и одновременно потухшем взгляде чувствуется неподдельная тревога за свое будущее. Тонкие, слегка приподнятые брови подчеркивают сосредоточенное выражение лица. Кажется, что изображенный не позирует – он просто не замечает художника.

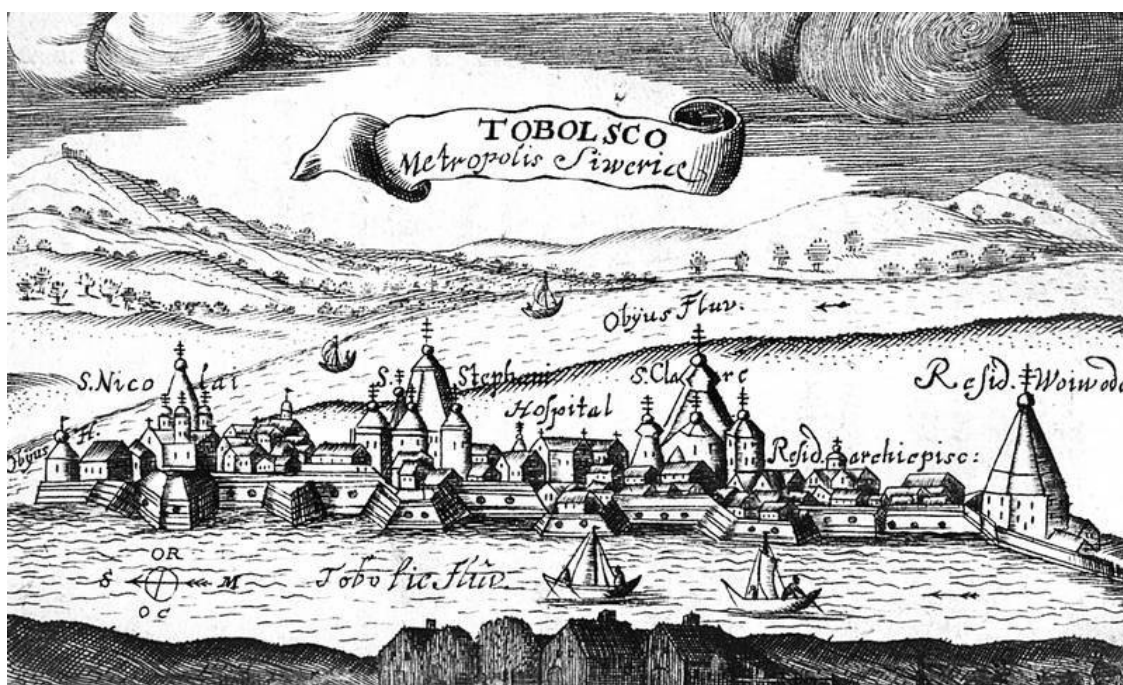
Т. н. «Ссылный» портрет князя Меншикова. Неизв. худ. 1728 г. (?)

Но кто же этот небритый и опущенный человек с аристократическими чертами лица? И как этот портрет попал в ГИМ?

Произведение происходит из московского собрания известного купца и коллекционера П.И. Щукина, которое он в 1906 году полностью передал в Российский исторический музей. Это любопытное полотно было впервые опубликовано под № 7 в его известной книге «Русские портреты собрания П.И. Щукина в Москве» (М., 1902 г.). Пояснение к нему Щукин дает следующее: «Портрет кн. А.Д. Меншикова, писанный на холсте масляными красками. Вышина портрета 15 верш., шир. 11 $\frac{1}{2}$ верш.». Еще одну фотографию этого портрета мы

обнаружили в следующей книге П.И. Щукина – «Краткое описание нового владения Императорского Исторического музея им. Императора Александра III, в городе Москве» (М., 1906). На фотографии видно, что «березовский» портрет Меншикова висел в зале, именуемом «Кабинет», в третьем ряду, рядом с портретом Петра I.

Итак, П.И. Щукин считал, что изображенный на этом полотне – князь А.Д. Меншиков. Почему он так полагал, равно каким образом попало к нему в собрание это произведение, – ответить пока невозможно. Я просмотрел мемуары коллекционера, но в них нет упоминаний об этом портрете Меншикова⁷³. С другой стороны, вряд ли стоит сомневаться, что Щукин знал, о чем писал, когда давал пояснение к этому портрету в своем каталоге. Знаменитый собиратель российских древностей отличался особой щепетильностью к своей коллекции. «Щукин Павел Иванович, – отмечал коллекционер и библиофил А.П. Бахрушин, – серьезнейший собиратель из всех мне известных. Потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам... Обо всем он может прочесть целую лекцию с места в карьер!»⁷⁴

Тобольск. Немецкая гравюра 1694 г.

К этим словам можно добавить, что П.И. Щукин не спешил приобретать вещи сомнительного происхождения. Перед тем как предмет становился его собственностью, Щукин неизменно консультировался у московских специалистов по генеалогии и иконографии. Он же выпустил четырехтомник своего собрания портретов, который сопровождался подробным научным описанием... Таким образом, коллекционер, видимо, имел все основания считать портрет под № 7 изображением князя А.Д. Меншикова.

В самом деле, в огрубевшем облике опустившегося человека можно различить знакомые нам черты первого губернатора Петербурга: те же тонкие поджатые губы, тот же овал лица, высокий лоб и, конечно, те же глаза, – но только взгляд стал более серьезным и трагичным. Облик изображенного, на мой взгляд, ничем не отличается от того образа «полу-

⁷³ Щукин П.И. Воспоминания. М., 1911–1912. Ч. 1–5.

⁷⁴ Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. М., 1916. С. 35.

державного властелина», который мы привыкли видеть на более известных и достоверных портретах Меншикова.

Но тогда возникает важный вопрос: если изображенный на портрете – действительно князь А.Д. Меншиков, то где и кем мог быть выполнен этот портрет?

Известно, что ссыльный князь по прибытии в Березов отпустил себе бороду, которую уже никогда не брил⁷⁵. Таким образом, портрет мог быть написан либо сразу по прибытии Меншикова в Березов, либо, что более вероятно, за время его двухдневного пребывания в Тобольске. В пользу Тобольска нас склоняет мысль о том, что вряд ли в таком глухом сибирском селении, каким был Березов в 1728 году, мог находиться иностранный художник... Дело в том, что манера живописи неизвестного портретиста выдает руку мастера западно-европейской школы. С петровской эпохи Тобольск был уже наполнен ссыльными, в числе которых иногда числились и иностранные художники, например, такие, как уже упоминаемый нами «живописец» Карл Иванович Фрок.

Но при каких обстоятельствах был написан этот портрет? Ведь Меншикова сопровождали в Сибирь со всеми возможными предосторожностями. На это караул имел специальную инструкцию, составленную Верховным Тайным советом... Однако можно допустить, что по прибытии в Тобольск для ссыльного князя наступило некоторое «ослабление». Например, известно, что именно в Тобольске Меншиков попросил соизволения по своему усмотрению распорядиться средствами, выданными для его жизни в Березове⁷⁶. И это было разрешено. Можно предположить, что сибирский губернатор М.В. Долгорукий, пойдя в этом финансовом вопросе навстречу ссыльному, сам проявил некоторое «участие» в судьбе бывшего фаворита Петра Великого и предложил «списать» с него портрет. Хотя следует признать, времени на это было немного: бывший князь провел в Тобольске всего два дня – 15 и 16 июля. Но с другой стороны – как мог позволить Долгорукий, официальный представитель российской власти (а Тобольск в XVIII веке называли «Сибирским Петербургом»), разрешить художнику писать государственного преступника А.Д. Меншикова?

Трудно ответить на этот вопрос... Существует расхожее и ошибочное мнение, что в ссылке Меншикова окружали только враги, мечтавшие припомнить ему при случае свои обиды. Такие лица, безусловно, были, но были также и те, кто проявлял к Александру Даниловичу неподдельное сочувствие и с риском для себя даже оказывал посильную помощь. В любопытных записках Франсуа Вильбоа мы находим упоминание о поддержке, которую семья Меншикова однажды получила из Тобольска: «Какой-то добродетельный друг, имени коего ни Меншиков, ни его дети никогда не могли узнать, – пишет Вильбоа, – нашел средство доставить им из Тобольска через степи, которые лежат далее к северу, быка, четырех коров и птицу, так что из всего образовался хороший скотный дворик»⁷⁷. Замечу, что для березовского жителя это было целое состояние.

Это – лишь один из примеров хорошего отношения к ссыльному князю. Поэтому нельзя исключать, что кто-то из сочувствующих Меншикову пожелал иметь у себя портрет некогда всесильного сподвижника Петра I. Но был ли это сам сибирский губернатор М.В. Долгорукий или какое-то другое высокопоставленное лицо – неизвестно. Сам же Долгорукий не оставил никаких воспоминаний о встрече с Меншиковым в Тобольске, а личный

⁷⁵ Подложный портрет Меншикова. 1881. С. 195.

⁷⁶ На эти средства Меншиков приобрел в Тобольске топор, орудия для обработки земли, а также закупил небольшое количество соленой рыбы.

⁷⁷ Вильбоа Н.П. (Франсуа де Вильбоа.) Кратки очерк, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях // Дворцовые перевороты в России. 1725–1825. Ростов-на-Дону, 1998. С. 75. (Многие исследователи петровской эпохи скептически относятся к запискам Вильбоа и, в частности, к его рассказу о ссылке Меншикова. На мой взгляд, историки зря недооценивают этот уникальный и единственный в своем роде источник: оригинал «Мемуаров» Вильбоа хранится в Национальной библиотеке Парижа. Сам же автор, прослуживший полвека в России (1697–1747 гг.), был близок к царскому двору (шафер на свадьбе у Петра I) и, несомненно, слышал подробности о пребывании Меншикова в Сибири.)

архив губернатора впоследствии затерялся после его падения и последующей ссылки на Соловки...

Интерес к Меншикову более чем на столетие угас и возник снова только в середине XIX века в связи с известиями о вскрытии якобы его захоронения в Березове. Тогда-то и появятся некоторые «сибирские» портреты и картины из жизни петровского фаворита в его ссылочные годы. А спустя еще полвека в коллекцию П.И. Щукина попадет странный, непохожий на другие изображения князя, портрет «небритого человека с длинными локонами» – наиболее реалистичное, на мой взгляд, изображение князя А.Д. Меншикова.

Глава 16

Могила княгини Д.М. Меншиковой под Казанью

«Березовский» период жизни князя А.Д. Меншикова можно отнести к одному из самых малоизвестных и любопытных этапов его биографии. Кроме смутных преданий и отрывочных донесений в Верховный тайный совет нам почти ничего неизвестно о его жизни в Сибири, равным образом как и о «путешествии» в ссылку всего княжеского семейства. В этом отношении могила супруги Меншикова, умершей на пути в Березов, – одна из важных и неопровержимых вех этого пути.

Последнее пристанище Дарьи Михайловны, расположенное на территории Татарии, в приволжском селе Верхний Услон, явилось неким олицетворением необычной судьбы самого Меншикова. «Sic transit Gloria mundi!»⁷⁸ («Так проходит мирская слава!») – записал один из путешественников XIX века, посетивший одинокую могилу княгини под Казанью. Это латинское изречение – лучший эпитафия к трагической судьбе четы Меншиковых.

Однако прежде чем перейти непосредственно к рассказу о ссылке в Сибирь и последовавшей за тем смерти княгини, коснемся некоторых фактов ее биографии.

⁷⁸ Ры.....н. Исторические прогулки из Казани к селу Верхнему Услону // Заволжский муравей. Казань, 1832. Ч. II, С. 827.

Княгиня Д.М. Меншикова. Гравюра А. Зубова. 1726 г. (Государственный музей в Берлине. Кабинет гравюр). Автор благодарит Адельхейда Раша (Германия) за предоставленную иллюстрацию

Известно, что Дарья Михайловна была дочерью якутского воеводы и происходила из старинного боярского рода Арсеньевых. Сближение Меншикова с Дарьей произошло при дворе царевны Наталии Алексеевны – родной сестры Петра I. В 1682 году Дарья со своей сестрой Варварой поступили ко двору Наталии, которая жила в Преображенском. Немного позже в числе боярышень царевне прислуживали и сестры Меншиковы – Анна и Марья Даниловны. Петр со своим фаворитом частенько общались с девицами и, судя по переписке, вместе они представляли молодую и веселую компанию. Симпатия между будущим князем

и Дарьей возникла довольно быстро. Свои первые письма к Меншикову Дарья подписывала совместно с сестрой Варварой; их послания представляют собой маленькие лоскутки серой бумаги без обозначения года. «Дашка да Варька челом бьют»⁷⁹, – так обычно начинают свои письма сестры; они сокрушаются в разлуке с Александром Даниловичем, осведомляются о его здоровье и о том, «нет ли от досаждения на них гневу»⁸⁰. Сначала Меншиков отвечает с присущим ему лаконизмом, но в 1703 году он уже благодарит в письме Дарью за присланное ему алмазное сердце и уверяет, что не алмазы, а ее любовь драгоценна для него⁸¹.

Со временем отношения Меншикова и Дарьи стали еще более близкими. Неудивительно, что голландский путешественник Корнелий де Бруин, посетивший в 1702 году Москву, назвал брата Дарьи – Василия – «шурином князя Александра»⁸², хотя до свадьбы Меншикова оставалось еще четыре года...

Вместе с тем князь поначалу не помышлял о свадьбе с молодой Арсеньевой. «Неизвестно, какая причина препятствовала Меншикову вступить в брак с Дарьей Михайловной прежде... 1706 года, – писал Д.Н. Бантыш-Каменский, – не привязанность ли к другой особе, с которой он принужден был расстаться?»⁸³ Историк имел в виду знаменитую «мариенбургскую» пленницу Катерину – будущую российскую императрицу. Действительно, обращаясь в своем письме к сестрам Арсеньевым из-под Смоленска, Меншиков просит прислать к себе «Катерину Трубачеву»⁸⁴, которая в то время жила в доме у сестер. Однако в том же 1705 году князь был вынужден уступить ее Петру I.

Стоит отметить, что царь сам поначалу был увлечен Дарьей Арсеньевой. Спустя два десятилетия в доме князя Меншикова среди слуг ходили разговоры, что государь в свое время хотел жениться именно на Дарье Михайловне и даже якобы дал на это слово, но встреча с юной Екатериной помешала этому браку. Об этом мы узнаем из документов следственного дела 1722 года, которое вела Тайная канцелярия. Некая Марья Обросимова донесла на бывшего столяра из дворца князя Меншикова – Василия Королька. По ее заявлению, Василий говорил, что царицей могла быть «Святлейшая княгиня, а не она (Екатерина I. – А. Е.)»⁸⁵. Столяр, оправдываясь, признался, что эти слова идут от гребца светлейшего князя – Григория Конищева и княжеского «кдюшника» Евсея Тимофеева. Позднее Корольек сообщил следователям, что слышал от вдовы Варвары Кулбасовой «в доме князем, в сенях, на переходе» следующие слова: «Быть было де царицею Светлейшей Княгине, да поспешила де Екатерина Алексеевна»⁸⁶.

Что касается свадьбы Меншикова с Дарьей Арсеньевой, она состоялась в 1706 году в Киеве, в присутствии царя. В свое время биограф петровского фаворита ЕВ. Есипов обратил внимание на странную переписку царя и князя, предшествующую этой свадьбе. Речь шла о каком-то пароле, который должен был держать Меншиков перед Петром. Но после княжеской свадьбы царь больше не упоминал о своей загадочной просьбе. Проанализировав эту переписку, Есипов сделал предположение, что Петр опасался возобновления прежних отношений Меншикова с Екатериной и для этого взял с князя слово жениться на Дарье. Так ли это было, достоверно неизвестно, но, обвенчавшись с Арсеньевой, Меншиков, кажется,

⁷⁹ Голомбиевский А.А. Сотрудники Петра Великого. Граф П.И. Ягужинский. Князь Александр Данилович Меншиков. М., 1903. С. 59.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847. Ч. II. С. 360.

⁸² Бруин де, Корнелий. Путешествие через Московию. М., 1872. С. 62.

⁸³ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847. Ч. II. С. 360.

⁸⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Любопытное письмо князя Меншикова к невесте его, Дарье Арсеньевой // РС. СПб., 1874. Т. XI. С. 357.

⁸⁵ Выписка из следственного дела о столяре Корольке и старухе Варваре Кулбасовой // ЧОИДР. М., 1861. Кн. 3. С. 136.

⁸⁶ Там же. С. 140.

никогда не жалел об этом шаге; в лице Дарьи Михайловны он приобрел верную подругу жизни, окружившую мужа попечением и заботой. Подобно Екатерине I, она была, что называется, «полковою дамою»: выносила все трудности походной жизни, подвергаясь личной опасности и совершая переходы верхом. Когда князь был вынужден разлучаться с супругой, они переписывались. Чтобы как-то скрасить походную жизнь Александра Даниловича, Дарья посылала мужу презенты – подводы с припасами и одежду. В свою очередь, Меншиков старался успокоить жену; за два дня до знаменитого Калишского боя он писал ей: «Для Бога обо мне не сомневайтесь, воистину в баталии сам не буду, и о том не печальтесь»⁸⁷.

Иногда князь не мог отвечать на письма жены; тогда весточку Дарье посылал кто-нибудь из высоких военных чинов. Известно, например, письмо генерал-майора Я.В. Брюса, отправленное княгине в 1708 году. Генерал сообщает ей, что к Меншикову проехать невозможно, в силу того что шведы стоят в двух милях от русского лагеря, «...и я могу Вашу Светлость обнадежить, – продолжает Брюс, – что не от какого ослабления любви к Вам он Вас к себе не хочет, но токмо от желания и опасения, дабы Вас в какой страх не привести»⁸⁸.

Однако не только опасности войны, грозившие Меншикову, беспокоили Дарью. В несохранившихся письмах, адресованных княгиней своему супругу, Дарья, видимо, напоминала мужу, что его здоровье значительно подорвано «винным невоздержанием». Меншиков оправдывался: «Чаю, что вы будете сумлеватца о нас, – писал он из Польши в 1709 году, – что [мы] довольно вином забавлялись, только я вправду объявляю, что истинно по разлучению с вами ни единого случая не было»⁸⁹. В другом письме, отправленном из Петербурга, где Меншиков находился в обществе царя, князь снова пытается успокоить супругу: «А шумны никогда не бываем, понеже царское величество изволит употреблять лекарство»⁹⁰.

В 1723 году жизнь супруги светлейшего князя едва не оборвалась... Камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц описывает случай, происшедший при спуске одного из фрегатов, где среди почетных гостей присутствовала и супруга Меншикова. После окончания праздника люди герцогини Мекленбургской⁹¹ и княгини Меншиковой заспорили – кому прежде покинуть фрегат. «В это самое время, – пишет Берхгольц, – огромные полозья, на которых стоял корабль, вдруг отделились от него и до такой степени подпортили барку княгини, что она пошла ко дну, а люди с трудом могли спастись»⁹².

В правление Екатерины I влияние Дарьи при русском дворе достигло своего пика. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что императрица до конца своих дней благоволила к супруге князя, с которой тесно общалась первые годы после своего пленения. Например, датский пастор Педер фон Хавен, посетивший Петербург в 1736 году, писал, что о происхождении Екатерины I существуют только *одни* достоверные сведения; они происходят от «одной старой и высокопоставленной дамы, которая знала императрицу с ее первого [дня] пленения и детства»⁹³. Такой дамой могла быть только княгиня Меншикова. По всей видимости, информаторы Хавена не решились назвать ему имя ссыльной княгини, к тому времени уже покойной.

⁸⁷ Голомбиевский А.А. Сотрудники Петра Великого. Граф П.Я. Ягужинский. Князь Александр Данилович Меншиков. М., 1903. С. 74.

⁸⁸ М. Де Пуле. Письма от Якова Вилимовича Брюса к княгине Дарье Михайловне Меншиковой // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1864. С. 33.

⁸⁹ Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981, С. 65.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 198, д. 1170, л. 154.

⁹¹ Герцогиня Екатерина Иоанновна, племянница Петра I, мать будущей правительницы Анны Леопольдовны.

⁹² Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. М., 2000. С. 91.

⁹³ Педер фон Хавен. Путешествие в Россию. СПб., 2007, С. 199.

«Государыня моя матушка, княгиня Дарья Михайловна», «Свет мой, дорогая невестушка»⁹⁴, – так обращалась к супруге Меншикова Екатерина I в своих письмах. Позднее как знак особого благоволения к Дарье императрица пожаловала ей орден Св. Екатерины. Таким образом, княгиня Меншикова стала первой женщиной, не принадлежавшей к императорской фамилии, награжденной этим орденом. Именно эту награду – звезду Св. великомученицы Екатерины и орденскую ленту – мы видим на гравированном изображении Дарьи Михайловны, выполненном Алексеем Zubовым в 1726 году – менее чем за год до ареста княгини. Супруга Меншикова изображена в княжеской горностаевой мантии, на груди – статс-дамский овальный медальон, на котором – что особенно любопытно – отсутствует изображение императрицы. Это наводит на мысль, что гравюра в деталях осталась незаконченной.

⁹⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847, Ч. II. С. 361.

Княгиня Д.М. Меншикова. Миниатюра неизв. худ. 1724–1725 гг. (Собр. Музея зарубежного искусства в Риге). Автор благодарит В.К. Бартошевскую (Латвия) за предоставленную иллюстрацию

Гравюра Зубова впервые была описана в конце XIX века Д.А. Ровинским, который отметил, что единственный экземпляр этого портрета находится в Германии, в Берлинском музее⁹⁵. Н.В. Калязина, посвятившая иконографии княгини Меншиковой целое исследова-

⁹⁵ Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии. СПб., 1886. В. 2, С. 1068.

ние, отметила, что гравюра Зубова представляет наиболее достоверное изображение Дарьи Михайловны⁹⁶.

Принимая во внимание ценность работы Зубова, я обратился в Государственный музей Берлина, в Кабинет гравюр и рисунков, за разрешением для публикации портрета княгини Меншиковой. Вскоре пришел ответ от сотрудника музея г-на Аделхейда Раша (Adelheid Rasche), который подтвердил, что портрет княгини находится в их собрании, а также обратил мое внимание, что у них хранится оригинал – медная доска с портретом, выполненном в технике «меццо-тинто»⁹⁷, с которого уже делались последующие оттиски⁹⁸.

Еще один любопытный портрет княгини Меншиковой, выполненный гуашью на слоновой кости (3,7 × 3 см), находится в собрании Музея зарубежного искусства в Риге. Об этом стало известно в 1978 году, после того как на обороте миниатюры была обнаружена старая надпись на немецком языке: «*Fürstin Menschikoff*». Неизвестный художник создал образ уже немолодой женщины; высокая прическа с проседью и грустные внимательные глаза, кажется, отражают часть прожитой, наполненной хлопотами жизни. Портрет очень интимный – в нем нет блеска, присущего миниатюрам петровской эпохи. По словам бывшего научного сотрудника этого музея В.К. Бартошевской, подробно изучавшей это произведение, на княгине надето желтое платье с глубоким декольте, украшенное полоской кружев. На плечах – голубая накидка, отороченная горностаем и прикрепленная к платью серебряной брошью⁹⁹.

⁹⁶ Калязина Н.В. К истории русского портретного искусства первой трети XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994 г. М., 1996. С. 234.

⁹⁷ Вид гравюры на металле, относящийся к глубокой печати.

⁹⁸ Письмо автору от Аделхейда Раша (17.02.2011).

⁹⁹ Письмо автору от В.К. Бартошевской (24.03.2011).

Обратная сторона «рижской» миниатюры. Надпись на немецком языке: «Furstin Menschikoff» («Княгиня Меншикова»)

Однако как уникальная миниатюра оказалась в Латвии? В.К. Бартошевская высказала предположение, что портрет супруги мог привезти в Прибалтику сам князь Меншиков, когда ездил в 1727 году в Курляндию для разрешения вопроса о бракосочетании вдовствующей курляндской герцогини Анны Иоанновны с Морицем Саксонским.

Исследовательница также не исключает, что миниатюра княгини могла попасть в Латвию и позже – благодаря браку княжны Александры Меншиковой с Густавом Бироном.

Портрет Дарьи Меншиковой был передан в Домский музей города Риги в 1914 году неким Эдуардом Райцбергом, о котором мало что известно¹⁰⁰. Каким же образом миниатюра супруги князя Меншикова оказалась в собрании Райцберга – вопрос пока остается открытым... Во время войны портрет княгини вместе с другими произведениями искусства был вывезен войсками вермахта в Германию. В 1946 году реликвия вернулась в Ригу и позже попала в собрание Музея зарубежного искусства.

Долгое время достоверным изображением супруги светлейшего князя считался портрет, хранящийся во дворце Меншикова. На нем представлена светловолосая дама, одетая в золотое платье и красную накидку. Несмотря на старую надпись на обороте холста, указывающую на то, что изображенная – княгиня Меншикова, Н.В. Калязиной удалось убедительно доказать, что на портрете представлена сестра петровского фаворита Анна Даниловна Дивьер.

К сожалению, современники князя Меншикова не оставили воспоминаний о его супруге. Едва ли не единственной характеристикой Дарьи Михайловны может служить отрывок из «Записок» вице-адмирала российского флота Франца Вильбоа, который был хорошо знаком с семейством светлейшего князя: «Княгиня Меншикова, – писал Вильбоа, – в самых юных летах и среди величайшего блеска знатности всегда отличалась своими добродетелями, кроткостью, благочестием и множеством благодеяний бедным»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Рижская адресная книга за 1913 год упоминает, что Э. Райцберг работал бухгалтером и проживал в Риге, на улице Невской, 15/3 (ныне ул. Блауманя). (Информация В.К. Бартошевской.)

¹⁰¹ Вильбоа Ф. Краткий очерк, или Анекдоты о жизни Князя Меншикова и его детях // РВ. СПб., 1842. Т. V. С. 157.

Сестра князя Меншикова, А.Д. Дивьер. Портрет сер. 1720-х гг.

После ареста семьи князя Меншикова в сентябре 1727 года Дарья Михайловна открыла в себе новые душевные качества – деятельность и стойкость. Княгиня использовала любую возможность, чтобы облегчить участь детей и мужа. Известно, например, что она с трудом проникла в Летний дворец, где просила Петра II о помиловании. Польский резидент Иоганн Лефорт доносил об этом своему королю: «Эта дама, о которой все сожалеют, пала на колени и просила о помиловании своему мужу, но не имела успеха»¹⁰². В том же письме Лефорт

¹⁰² Иоганн Лефорт – королю Польши. Петербург, 20-го сентября 1727 года // Сб. Русского исторического общества. СПб., 1868. Т. III, С. 493–494.

возвращается к описываемым событиям более подробно: «...она (Дарья. – А. Е.) встала на колени, но царь остался на своем и, не произнеся ни слова, вышел вон»¹⁰³.

9 сентября в Верховном тайном совете был составлен указ о ссылке семьи Меншикова в его нижегородские владения, в город Раненбург. В Петербурге об этом событии ходили противоречивые и часто – неверные слухи. Например, тот же Лефорт писал 20 сентября королю Польши: «Меншиков и Варвара (сестра Дарьи. – А. Е.) сосланы в глубь Сибири; жена и дети [его] получили свободу и могут жить, где хотят»¹⁰⁴.

По пути в Раненбург Дарья Михайловна не оставляла надежды на высочайшую милость: известно ее письмо из Тосно, в котором она обращалась к жене графа А.И. Остермана о ходатайстве за них перед государем. Княгиня особо отмечала в своем прошении, что ее супруг «по воле Божией великою болезнию отягчен и ныне у Его Светлости из гортани руда (кровь. – А. Е.) шла, отчего в великой печали обретаемся и чуть живы»¹⁰⁵. В конце письма Дарья Михайловна просила прислать к ним лекаря. Однако эти письма не достигли адресата, так как попали в Верховный тайный совет.

В Раненбурге Меншиковы жили на положении арестованных. Их имущество было описано и практически все конфисковано. Статскому советнику Плещееву было поручено оставить ссылкой одежду попроще. Но такой выбор чрезвычайно затруднил его: платья Меншиковых и даже их ночное белье были расшиты золотом, жемчугом и алмазами. Тех дорогих вещей, которых не доставало, велено было «разыскать».

¹⁰³ Там же. С. 494.

¹⁰⁴ Там же. С. 499.

¹⁰⁵ *Есупов Г.В.* Ссылка князя А.Д. Меншикова 1727 г. // *Отечественные записки*. СПб., 1860. Т. СXXXI, С. 387.

Петр II. Неизв. худ. Ок. 1800 г.

В этом отношении очень характерно письмо Дарьи Михайловны, отправленное одной из родственниц 5 января 1728 года: «О себе объявляю, что мы за помощью Божею живы, — писала княгиня, — а о здешнем состоянии тебе известую, [что] по Его Императорского Величества указу прислан сюда действительный статский советник... Плещеев... все наши пожитки описывать, и мы все, что есть, без остатку, алмазы и прочее наличное... чистою своею совестью объявили»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Протокол Верховного тайного совета. 25-го января 1728 г. Об отобрании у князя Меншикова и у других лиц принадлежащих князю дипломов, писем, вещей и проч. Приложение: Переписка князя Меншикова. Письмо Д.М. Меншиковой — М.А. Арсеньевой, 10 янв., 1728 г. // Сб. РИО. СПб., 1891, Т. 79, С. 31.

Следующее письмо, адресованное княгиней некоей Катерине Зюзиной, особенно любопытно. Оно свидетельствует, что Меншиковы, осознав серьезность своего положения, прятали свои драгоценности даже в тканях одежды. В письме Дарья просит, чтобы Зюзина отдала Плещееву то, что последняя «зашивала в юбки»¹⁰⁷. Издатель XIX века дает пояснение к этому документу: «В „юбки“, сие написано было, а потом почернено [чернилами]»¹⁰⁸.

В феврале 1728 года Петр II распорядился сослать Меншикова в один из восточных городов России – «в Вятку или в иной, которой отдаленной, и содержать при нем караул не такой великой»¹⁰⁹. 9 февраля Остерман объявил в Верховном совете, что император говорил с ним о Меншикове и решил «его куда-нибудь послать, пожитки его взять, а оставить княжне его и детям тысяч по десяти на каждого [душ] да несколько деревень»¹¹⁰.

Судя по этому известию, первоначально Петр II хотел сослать в Сибирь только одного князя. Возможно, на такое решение императора подтолкнуло то обстоятельство, что когда-то одна из Меншиковых – княжна Мария Александровна – была его невестой. Однако вскоре приговор ужесточили и местом ссылки для всей княжеской семьи определили Березов. Для сопровождения ссыльных назначили гвардии поручика Степана Крюковского с двадцатью отставными солдатами Преображенского полка, сержантом и писарем. С собой князю было позволено взять десять человек прислуги. Таким образом, обоз, направляющийся в Сибирь, насчитывал тридцать семь человек. К месту ссылки князь ехал фактически за свой счет, так как Верховный тайный совет постановил иметь расходы «из отписных его, Меншикова, денег»¹¹¹. В специальной «подорожной», которая была вручена Крюковскому, указывалось, что ссыльных нужно везти «водою до Казани» и далее – через Соликамск к Тобольску...

В восьми верстах от Раненбурга обоз неожиданно остановили и провели среди ссыльных обыск на предмет, не везут ли они что-нибудь лишнее, «против описи». «Лишнего» у княгини Меншиковой оказались «соболи, на шею ношенные», старый домашний халат лазоревого цвета, рубашка с манжетами и два чепца – тафтяной и атласный. Конфисковав эту одежду, капитан Мельгунов выдал Дарье вместо шубы утепленную куртку без рукавов и воротника. В документах также упоминается, что на княгине осталось штофная черная юбка и канифасовый корсет¹¹². Расставшись с арестантами, Мельгунов доложил в Верховный тайный совет, что обобрал все пожитки ссыльных, оставив Меншикова и его семью «в одном ветхом платье, которое на них»¹¹³.

Неудивительно, что суровые и непривычные для княгини условия: езда на телеге без шубы, скудная арестантская пища, отсутствие какой-либо медицинской помощи – привели к тому, что здоровье супруги Меншикова было подорвано. Несмотря на это, Крюковский исправно доносил из Нижнего Новгорода, что ссыльные пребывают «в добром состоянии»¹¹⁴.

В литературе XIX века встречаются сведения, что в дороге Дарья ослепла от слез. Г.В. Есипов даже приводит сообщение, что княгиня потеряла зрение уже в Раненбурге. Эти сведения, вероятно, базируются на источнике XVIII века – мемуарах Германа Манштейна

¹⁰⁷ Там же. С. 32.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Овчинников Р.В. Крушение «полудержавного властелина». (Документы следственного дела князя А.Д. Меншикова) // Вопросы истории. М., 1970. № 9. С. 92.

¹¹⁰ Есипов Г.В. Ссылка князя А.Д. Меншикова 1727 г. // ОЗ. СПб., 1861. Т. CXXXIV. С. 72.

¹¹¹ Там же. С. 44.

¹¹² Там же. С. 83.

¹¹³ Протокол Верховного тайного совета. Приложение: Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому всеподданнейшее лейб-гвардии Преображенского полка капитана Мельгунова доношение // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 79. С. 333.

¹¹⁴ Михневич В.О. Две невесты Петра II // Исторический вестник. СПб., 1898. Январь. С. 206.

(1711–1757). Однако последний не упоминает, где конкретно лишилась зрения Дарья Михайловна. «Супруга его, – пишет Манштейн об опальном князе, – ослепла и умерла на дороге [в Сибирь]»¹¹⁵.

Известный историк петровской эпохи Н.И. Павленко полагал, что донесение о смерти княгини не сохранилось и, по его мнению, Меншикова умерла между 5 и 18 мая 1728 года¹¹⁶. Однако точная дата смерти Дарьи Михайловны все же известна: она зафиксирована в донесении, которое поручик Крюковский послал в Верховный тайный совет. «Сего мая 10 дня, – сообщал поручик, – не доезжая до Казани за 7 верст, Меншикова жена умерла, а погребена в вотчине Троицы Сергиева монастыря в Верхнем Услоне, против Казани, у церкви Введения Богородицы, того села священником Матвеем Федоровым»¹¹⁷. Похороны были оплачены из «кормовых денег» покойной. Далее Крюковский запрашивал, что делать ему с оставшимися средствами, выделенными на ссыльную княгиню: «ему ли, Меншикову, отдавать с детьми, или удержать [?]»¹¹⁸. Ответ из Петербурга оказался на удивление сердобольным: выдать Меншикову деньги, определенные покойной супруге, на год вперед. (Вероятно, деньги за покойную жену князь Меншиков получил в Тобольске от генерал-губернатора князя М.В. Долгорукова. Известно, что ссыльному князю прислали в «тобольскую тюрьму» 500 рублей, которые он потратил на покупку плотницких инструментов, орудий для обработки земли, рыболовных сетей и семян для посева)¹¹⁹. Верховный совет также определил выслать из Казанской губернии 50 рублей «для поминовения ея (Дарьи Меншиковой. – А. Е.)... в тот монастырь, где она погребена»¹²⁰.

¹¹⁵ Манштейн Г. Записи историческая, политическая и военные о России с 1722 по 1744 годы. М., 1810. Ч. I. С. 14.

¹¹⁶ Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 180.

¹¹⁷ Протокол Верховного тайного совета. Приложение: Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому всеподданнейшее лейб-гвардии Преображенского полка капитана Мельгунова доношение // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 79. С. 523.

¹¹⁸ Там же. С. 524.

¹¹⁹ Вильбоа Ф. Краткий очерк, или Анекдоты о жизни Князя Меншикова и его детях // Русский вестник. СПб., 1842. Т. V. С. 159.

¹²⁰ Протокол Верховного тайного совета // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 79. С. 415.

Княгиня Меншикова умирает в простой крестьянской избе. Рис. 1847 г.

В Услоне ссыльные провели не более суток. Г.В. Есипов пишет, что 11 мая Меншикова и его семью уже повезли вверх по реке Каме. Сам же Крюковский сообщает, что они стояли

в Казани два дня «за противною погодою»¹²¹ и 12 мая отправились далее. Таким образом, если ссыльные уже 11 мая были в Казани, то у Меншикова было совсем немного времени, чтобы предать земле покойную супругу.

Другие официальные документы относительно погребения Дарьи Михайловны (кроме упомянутой депеши Крюковского), неизвестны. Из источников XVIII века об этом событии упоминается лишь в «Записках» Ф. Вильбоа, который пишет, что князь Меншиков во время погребения жены «занял место священника... показав при сем случае более скорби, нежели при потере почести и свободы»¹²². Я полагаю, что сообщению Вильбоа можно доверять, так как вице-адмирал, несомненно, получил какие-то сведения об этом печальном событии от детей Меншикова после их возвращения из ссылки. На встречу Вильбоа с детьми Меншикова указывает тот факт, что автор описывает, как они выглядели после возвращения из Березова: «И брата, и сестру нельзя было узнать; они выросли почти на полфута и черты лица их изменились сообразно тому»¹²³.

Что касается могилы опальной княгини, у нас нет о ней никаких сведений вплоть до 30-х годов XIX века. К сожалению, ничего не упоминает о ней другой знаменитый ссыльный – Александр Радищев, посетивший Верхний Услон по дороге в Сибирь в 1791 году. «В Услоне ходили на высокую гору, откуда вид прекраснейший, – пишет Радищев... – Ходили по Услону... Много огурцов содят. Собак мало. Якорей много по дворам. Барки и другие суда»¹²⁴.

В 1798 году, по пути в Казань, в Услоне побывал Павел I, которому, по преданию, местные жители преподнесли «живого большого осетра, плававшего в корыте»¹²⁵. Других подробностей о пребывании высокого гостя в этом селе нет, однако вряд ли император проявил бы интерес к могиле ссыльной княгини, умершей семьдесят лет назад.

Но перейдем к наиболее ценному для нас источнику; он представляет собой путевые записки неизвестного автора, который в 1832 году посетил Верхний Услон и оставил, таким образом, самое раннее упоминание о полузабытой могиле Дарьи Меншиковой. К тому же автор записал единственное в своем роде местное предание о погребении княжеской супруги, бытовавшее в приволжском селе.

¹²¹ Протокол Верховного тайного совета. Приложение: Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому всеподданнейшее лейб-гвардии Преображенского полка капитана Мельгунова доношение // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 79. С. 524.

¹²² Вильбоа Ф. Краткий очерк, или Анекдоты о жизни Князя Меншикова и его детях // Русский вестник. СПб., 1842. Т. V. С. 157.

¹²³ Там же. С. 172.

¹²⁴ Радищев А.А. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952. Т. 3. С. 292.

¹²⁵ Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892. С. 97.

Ссылный князь Менишков обедает с детьми на пути в Сибирь. Французская гравюра 1794 г. Судя по тому, что княгиня отсутствует на изображении, семья Менишкова уже оставила позади Верхний Услон

Стоя у одинокой могилы, путешественник вспоминает, что Дарья во время ссылки лишилась зрения. По его образному мнению, это произошло, «как бы для того, чтобы [княгиня] после блеска и пышности не видела своего унижения (унижения. – А. Е.)»¹²⁶. Затем автор сообщает любопытную информацию: княгиня Меншикова умерла близ селения *Вязовы[e] горы*, но была погребена в Услоне. «Вельможный страдалец, – пишет путешественник о Меншикове, – читал над нею молитвы, сам ископал могилу и предал здесь [земле] бранные останки своей супруги. Старожилы Услонские, – продолжает автор, – по рассказам своих отцов, говорят, что, когда тело Княгини Меншиковой было привезено в их селение и когда Священник спрашивал Пристава, находившегося при несчастных, как отпевать покойную, сей последний отвечал ему, что нет никакой надобности спрашивать о достоинстве и происхождении умершей. Над прахом ее и, вероятно, уже впоследствии времени положен камень и сооружена была церковь. Но сия церковь давно уже сгорела, и во время пожара поверхность камня над прахом Меншиковой изстрескалась, а потом, оставшись без всякой защиты от воздушных перемен, во всех местах искрошилась. Посему [из] надписи, изсеченной на сей поверхности, уцелела только самая малейшая часть, и мы, при всех усилиях, могли разобрать только следующие слова: *Здесь погребено тело рабы Божіей Д...*»¹²⁷.

Размышляя о превратностях судьбы супруги Меншикова, автор пишет следующее: «Будущая теща Императора Петра II не удостоилась даже того, чтобы при отпевании тело нарекли Княгиней. *Sic transit Gloria mundi!* (Так проходит мирская слава. – А. Е.)»¹²⁸. Этим крылатым латинским изречением путешественник завершает свой рассказ об одинокой могиле Дарьи Михайловны.

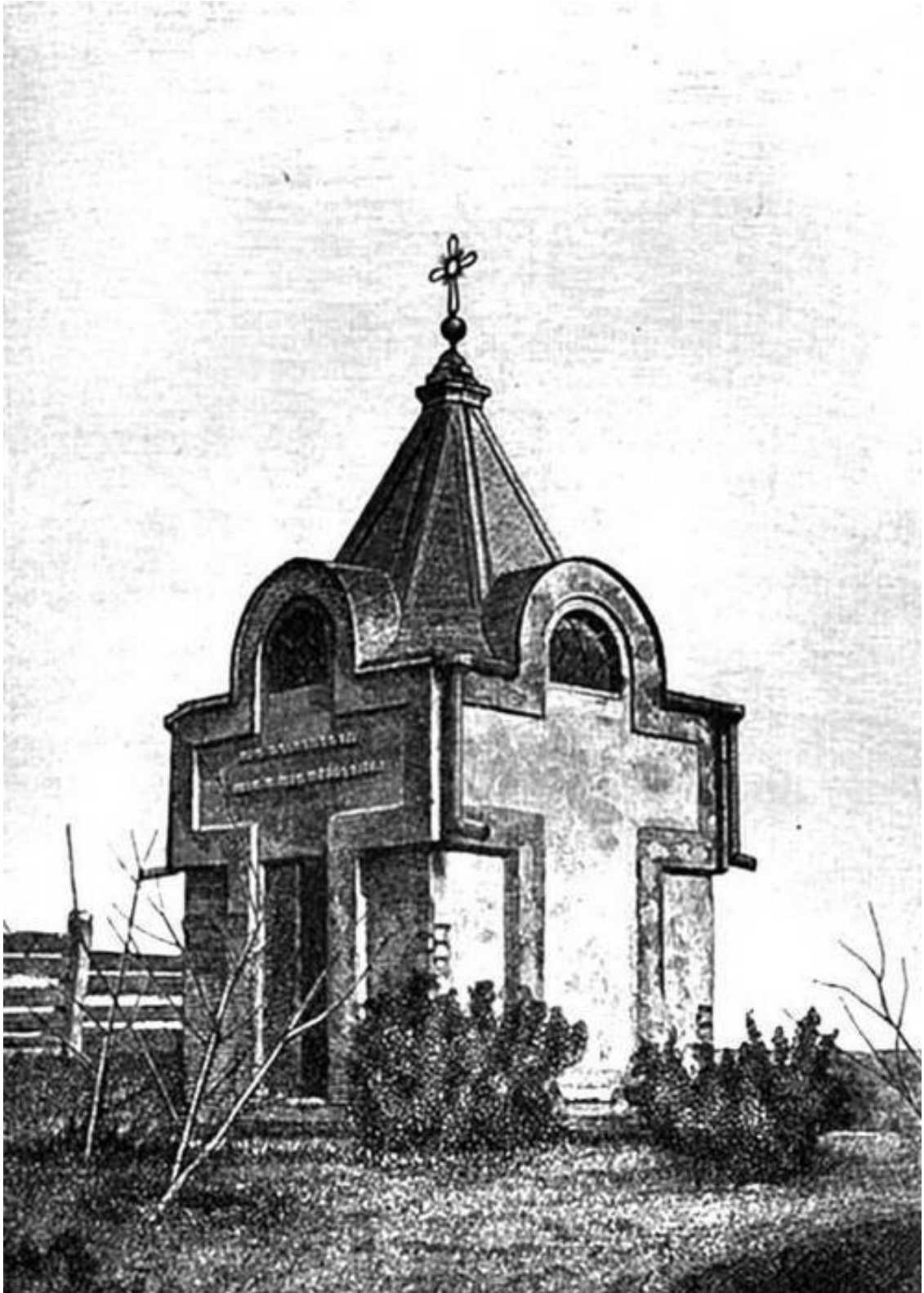
Стоит отметить, что последующие историки XIX века допускали существенную ошибку, когда писали, что латинское изречение было высечено на могильном камне княгини. Как видим из первоисточника, на камне читалась простая эпитафия на русском языке.

Услонское предание убедительно повествует, в какой секретной обстановке было предано земле тело опальной княгини: ни священник, ни местные жители не знали и не должны были знать, кого похоронили в их селе. Сама же надпись на могильном камне появилась, несомненно, позже, но даже тогда автор эпитафии ограничился только именем усопшей. Каким же образом в Услоне узнали, что у них нашла упокоение супруга самого Александра Меншикова, – остается только гадать...

¹²⁶ Ры.....н. Исторические прогулки из Казани к селу Верхнему Услону // Заволжский муравей. Казань, 1832. Ч. II. С. 827.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

Часовня над могилой княгини Д.М. Меншиковой. Гравюра Ю. Шублера по фотографии Е. Геркена. 1908 г.

В 1855 году Верхний Услон посетил известный знаток старины К. Евлентьев. Он застал в селе каменный храм, который сохранился до нашего времени – церковь Св. Николая (1838 г.). По его словам, – это четвертая услонская церковь. Первая располагалась на берегу

Волги. Два последующих храма были также деревянные, причем один из них находился близ нынешней церкви Св. Николая, а другой «осеял прах княгини Меншиковой и был освящен в честь Свв. [мучеников] Хрисанфа и Дарии»¹²⁹. Евлентьев отмечает, что этот храм сгорел сорок лет назад по неосторожности церковных служителей, – то есть это произошло около 1815 года. Могила княгини Меншиковой, по словам краеведа, находилась под правым клиросом. (По всей видимости, деревянный храм над могилой княгини был воздвигнут в александровское время, в ту либеральную эпоху, когда в российских изданиях стали свободно упоминать о князе А.Д. Меншикове и его ссылке в Березов. Эту версию подтверждает описание церковного имущества в Верхнем Услоне на 1790 год, где церковь во имя Свв. Хрисанфа и Дарии не упоминается)¹³⁰.

Евлентьев также сообщает, что ныне могильный камень Дарьи Михайловны лежит на огороде священника отца Альбинского и представляет собой плиту из «дикого волжского камня» с полустершейся надгробной надписью. «Над этим убогим памятником, – пишет автор, – человеколюбивою рукою О. Альбинского устроен деревянный футляр в виде гробницы, когда-то покрашенной зеленой краской»¹³¹.

В 1863 году над могилой опальной княгини вознеслась скромная трехметровая часовня-усыпальница, которую построил ее правнук – князь Александр Сергеевич Меншиков. Часовня в плане имела квадратную форму. Фронтоны были выполнены в виде креста и заканчивались полукруглой вершиной. Шестигранную крышу венчал золоченый крест, установленный на шаре. Снаружи часовня была окрашена в коричневый цвет, а внутри – в белый. На лицевой стороне красовалась крупная золотая надпись: «В память княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, почившей здесь на пути в ссылку». На противоположной стороне часовни начертано: «Построена князем Александром Сергеевичем Меншиковым в 1863 году».

В конце 60-х годов XIX века в «Казанских губернских ведомостях» был опубликован очерк о посещении часовни неким автором, скрывшимся за инициалами «П. В.». Услонский церковный старожил проводил автора к памятнику, который к тому времени стоял на огороде, принадлежавшем крестьянину Бобылеву. К часовне они вышли через узенькую калитку по специально проложенным деревянным тротуарам.

«Внутри часовня имеет четыре полукруглых окна, слабо освещающие часовню, – отмечал путешественник. – Посередине – простой исколотый бутовый камень, – это место могилы почившей княгини. Далее, прямо против входа, на стене, весьма ляповатой работы образ св. Дарьи, имя, которое носила умершая Меншикова. По левую сторону от камня – аналой»¹³². Зарисовав часовню, автор полюбозыгрывался, служат ли в часовне панихиды и осматривают ли ее путники. Церковный служитель отвечал, что это бывает очень редко; «приезжающие на Услон предпочитают побывать во всех трактирах и покушать стерляжей ухи, чем посмотреть историческую могилу»¹³³.

К началу XX века могила Дарьи Михайловны приходит в запустение. В этом отношении очень ценное сведение Евгения Геркена, посетившего Услон в 1908 году. На вопрос, как пройти к могиле княгини, он услышал от местной жительницы: «Вам барыню Меншикову, стало быть, надоть? Ступайте прямо наверх; в ограде она у нас церковной зарыта»¹³⁴. Геркен застал могилу во дворе священника. Он отметил, что, несмотря на то что могила стоит на

¹²⁹ Евлентьев К. Прогулка в село Верхний Услон в апреле 1855 года // Записки Императорского Казанского экономического общества. Казань, 1855. Кн. 12. Отд. IV. Декабрь. С. 69.

¹³⁰ Село Верхний Услон. Казань, 1881. С. 6.

¹³¹ Там же. С. 72.

¹³² П.В. Историческая могила // Казанские губернские ведомости. 1868. № 49. С. 424.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Геркен Евгений. Могила княгини Дарьи Меншиковой // ИВ. 1908. Апрель. С. 286.

высоком берегу, она не видна с Волги из-за новых построек. Вид часовни показался автору «одиноким и унылым». «Кирпичи обваливаются, штукатурка выветрилась и местами опала, железные купол и крест заржавели и потускнели...»¹³⁵ Внутри часовни Геркен нашел икону св. мученицы Дарьи, написанную на золотом чеканном фоне и укрытую в простом деревянном киоте за стеклом.

Верхний Услон (Татарстан) со стороны Волги. Фото А. Боева. 2010 г.

Что касается могильного камня, автор отмечает, что он не имеет какой-либо надгробной надписи. По всей видимости, старый камень, упоминавший имя рабы Божией Дарьи, к тому времени был уже утрачен. Запустение часовни Геркен связывал с тем обстоятельством, что прямой род князей Меншиковых прекратился и памятник перестал получать «поддержку». К счастью, путешественник сделал фотоснимок часовни, с которого была выполнена гравюра. Ныне она является самым достоверным изображением усыпальницы княгини.

Последняя фотография часовни, выполненная казанским фотографом Арнольдом Бренингом несколько лет спустя, фиксирует истинное запустение и даже разрушение этого памятника. (Экспликация к фотографии сообщает, что снимок выполнен в начале XX века. Однако, судя по гравюре, выполненной в 1908 году, часовня над могилой Д.М. Меншиковой еще находилась в приличном состоянии. Скорее всего, фото Бренинга можно отнести к послереволюционному времени; тем более фотограф работал вплоть до своего ареста в 1937 году). На фотографии хорошо видна облупившаяся штукатурка, за которой просматривается кирпичная кладка. Из разрушенного полукруглого оконца торчит проросшее дерево. Густые заросли вокруг памятника и примкнувшая к нему с торца деревянная изгородь довершают и без того печальную картину.

Лихие послереволюционные годы, прокатившиеся над Услоном, не пощадили одинокую часовню: она была разрушена. Однако местные жители до сих пор указывают на то место, где когда-то стоял памятник...

¹³⁵ Там же.

В мае 2010 года мы вместе с Андреем Боевым отправились в Верхний Услон в надежде собрать какие-нибудь сведения о могиле княгини Меншиковой. Накануне сообщили о своем приезде настоятелю услонского храма Св. Николая Чудотворца – иерею Владимиру Чибиреву.

Верхний Услон предстал перед нами россыпью белеющих домиков, прилепившихся к крутому нагорному берегу Волги. Этому живописному селу более пятисот лет; когда-то оно было вотчиной свияжского Троице-Сергиевого монастыря. С началом навигации в Услоне скапливались бурлацкие ватаги, водившие суда от Астрахани до Нижнего. Славен был Услон своими лоцманами и капитанами. Но все это – в прошлом.

...С борта парохода различаем церковь Св. Николая с двумя голубыми приземистыми куполами. Пристань украшает знакомое название *Верхний Услон*.

Отец Владимир встретил нас у ворот Свято-Николо-Ильинской церкви – так официально называется его храм, приписанный к Казанской епархии. Согласно местному преданию, первая церковь появилась в Услоне трудами учеников самого Сергия Радонежского. Последнюю церковь возвели в 1830-е годы на месте прежней, «обветшалой», близ которой, вероятно, и была похоронена княгиня.

Вид на Никольскую церковь от могилы княгини Меншиковой. Верхний Услон. Фото А. Епатко. 2010 г.

Символическая могила княгини Меншиковой. Верхний Услон. Фото В. Елфимова. 1990-е гг. (Автор благодарит В. Елфимова за предоставленную фотографию)

Мы спросили отца Владимира, известно ли точное местоположение прежнего храма. Иерей сообщил, что недавно обнаружил недалеко от стен Никольской церкви глубокий кирпичный лаз, ведущий, по его мнению, из алтарной части прежнего храма. По его словам, подобные потайные ходы характерны для церковного строительства в этой местности. Правда, отец Владимир немало удивился, узнав, что Дарья Меншикова была похоронена у церкви Введения Богородицы. Настоятель полагал, что первоначальный храм тоже был освящен в честь св. Николая.

Что касается надгробной плиты с эпитафией княгине Меншиковой, отец Владимир подтвердил, что она не сохранилась. Однако в 1990 году усилиями энтузиастов была изготовлена мраморная памятная доска в честь княгини. Она находится в ограде Никольской церкви и имеет следующую позолоченную надпись: «Здесь погребено тело рабы Божьей Дарьи Михайловны Меншиковой, почившей в лето 1728». В нижней части доски – более грубая, размашисто выполненная серой краской надпись: «Прости нас грешные».

Тут же у ограды стоял могильный памятник XIX века. По словам настоятеля, раньше вокруг храма был целый некрополь, и сейчас его соседи частенько находят в своих огородах могильные камни, которые приносят в ограду Никольской церкви.

О старой деревянной церкви, освященной в честь мучеников Хрисанфа и Дарьи и стоявшей еще в начале XIX века над могилой княгини Меншиковой, отец Владимир ничего не знал и, кажется, эта информация его несколько озадачила. Но он слышал про более позднюю часовню, когда-то осенявшую могилу Дарьи Михайловны, и готов сейчас же проводить нас к этому месту. Оно находится рядом – метрах в пятидесяти от Никольского храма, на обрывистом берегу Волги. Когда-то туда можно было выйти церковным огородом, но теперь из-за плотной застройки пришлось идти в обход. Мы вышли на главную сельскую улицу, затем свернули в сторону Волги и, миновав крестьянский двор, оказались на маленькой песчаной

площадке, поросшей кустами и огражденной деревянным забором. Далее берег круто обрывался, и внизу за забором виднелись крыши домов.

Народная память услонцев связывает именно эту пустынную площадку с местом упокоения Дарьи Михайловны Меншиковой. Сам отец Владимир неоднократно слышал от односельчан, что часовня стояла на краю обрыва и ее было видно далеко с Волги... Да, топография совпадает. Тем более на фото Бренинга запечатлен подобный деревянный забор, ограждавший площадку и примыкавший к фронтому часовни.

Настоятель Свято-Николо-Ильинского храма иерей отец Владимир на месте захоронения княгини Меншиковой. Когда-то здесь стояла часовня... Фото А. Епатко. 2010 г.

Нижние Вязовые – наиболее вероятное место смерти княгини Меншиковой. Фото А. Епатко. 2010 г.

Отец Владимир также согласен с мнением услонцев относительно местоположения часовни: старый церковный сад располагался в этой стороне от Никольского храма, а значит, и могила княгини должна находиться где-то здесь. Настоятель также добавил, что этот участок был недавно приобретен частным лицом. Пока здесь ничего не строят, но это до поры до времени: земля в Услоне слишком дорогая...

Мне представляется, что было бы правильно, если бы государство поспешило выкупить этот небольшой участок земли с целью сохранения могилы княгини Меншиковой. После археологических изысканий, проведенных здесь, можно было бы установить точное местоположение часовни, и в итоге – воссоздать ее; благо сохранились фотографии и описание памятника. Восстановление часовни-усыпальницы над прахом княгини послужило бы данью уважения и к памяти Александра Даниловича Меншикова.

...Мы поинтересовались у отца Владимира, упоминает ли он в своих службах Дарью. Настоятель отвечал, что служит по ней панихиды и упоминает в молитвах «за упокой». На вопрос, можно ли надеяться, что в будущем княгиню Меншикову канонизируют как мученицу, отец Владимир отвечал, что это маловероятно. Православная церковь пока не имеет для этого достаточных оснований, какими являются, прежде всего, нетленность мощей и посмертные чудеса. Тем более, по мнению отца Владимира, Дарья Михайловна, несмотря на ее трагическую судьбу, умерла своей смертью – «от скорби и болезней» и не стала мученицей, пострадавшей за веру. Так что речь о ее канонизации пока не идет.

Недалеко от Верхнего Услона находился еще один населенный пункт, который связан с именем княгини Меншиковой. Это Вязовые горы, близ которых, по некоторым данным, Дарья умерла. Эти сведения основаны на предании, записанном в Услоне в 1832 году. Исто-

рик XIX века Г.В. Есипов дает еще более точные сведения. Он пишет, что княгиня «скончалась в крестьянской избе... на руках семейства своего, окруженная солдатами»¹³⁶. Стоит отметить, что услонское предание было неизвестно Есипову и он пользовался какими-то другими документами. Эти независимые друг от друга источники заставляют предположить, что княгиня Меншикова действительно умерла в селе Вязовые горы. Заметим, что отец Владимир никогда не слышал о подобной версии, хотя провел детство в этом приволжском селе; там до сих пор живут его родственники. Узнав, что мы хотим посетить Вязовые горы, он любезно предложил подвезти нас туда на машине.

Прощание с Волгой... Справа – отец Владимир. Фото А. Епатко. 2010 г.

¹³⁶ Есипов Г.В. Ссылка князя А.Д. Меншикова 1727 г. // 03. СПб., 1861. Т. СXXXIV. С. 85.

Верхний Услон. У причала. Фото А. Епатко. 2009 г.

Вязовые горы лежат десятью километрами выше по течению Волги, на том же правом берегу, что и Услон. Любопытно, что название «Вязовые горы» здесь неизвестно. На этом месте теперь лежат два села – Верхние Вязовые и Нижние Вязовые. По мнению отца Владимира, если Дарья и умерла здесь, это могло произойти только в Нижних Вязовых, так как это село расположено у самой реки. По всей видимости, ослепшую и больную княгиню отнесли на руках в ближайшую избу, где она и скончалась.

...Мы подъехали прямо к пристани, которая, по словам местных жителей, находится здесь «исстари». Вероятно, сюда и причалил караван судов с умирающей ссыльной княгиней. Главная приволжская улица Нижних Вязовых, быть может, не меняла своей планировки со времен князя Меншикова... Ничем не примечательные крестьянские дома, каких много по России... Глядя на эти крестьянские избы, трудно поверить, что здесь окончила свои дни супруга самого влиятельного вельможи Российской империи...

О Дарье Михайловне в Нижних Вязовых никто ничего не слышал. Это вполне объяснимо: Меншиковых везли в ссылку инкогнито. Однако даже если княгиня действительно умерла в этом приволжском селе, возникает вопрос, почему понадобилось везти тело усопшей еще десять верст вниз по Волге. Быть может, Меншиков хотел похоронить супругу у церковных стен (а в Нижних Вязовых храм был построен только в 1835 году)? Но в таком случае «ссыльный караван» мог остановиться у города-острова Свияжска, где было несколько монастырей. Но тело Дарьи повезли мимо... Вероятно, инструкции, данные поручику Крюковскому, не рекомендовали ему останавливаться в таких крупных городах, каким был в XVIII веке Свияжск, а небольшое село Верхний Услон с его церквушкой на высоком берегу оказалось самым подходящим местом для последнего пристанища ссыльной княгини.

...В Нижних Вязовых наше путешествие завершилось. Расставаясь с о. Владимиром, мы подарили ему альбом «Дворец Меншикова». Мне кажется, что именно в этом издании удачно отражено все то, что княгиня имела в другой, более значимой и счастливой жизни, жизни, которая волею судьбы оборвалась на берегах Татари¹³⁷.

Глава 17

Дворец Анны Иоанновны в Летнем саду

Летний деревянный дворец Анны Иоанновны входит в группу несохранившихся построек Летнего сада. Однако трудно назвать другое строение, столь мало просуществовавшее на территории Императорского сада – всего 15 лет – и оставившее такой яркий след в его истории. Действительно, на протяжении восьми лет дворец Анны Иоанновны оставался летней императорской резиденцией, где вершилась политика всей Российской империи. В стенах этого дворца в 1740 году окончила свой жизненный путь императрица, и здесь же было оглашено ее завещание. В Летнем дворце было провозглашено регентство Бирона, а высокие сановники и гвардия присягали малолетнему императору Иоанну Антоновичу. С любимым дворцом Анны Иоанновны связана одна из самых драматических страниц нашей истории – арест герцога курляндского Бирона, бывшего фаворита императрицы. Неудивительно, что, получив столь мрачную славу, дворец более не мог оставаться императорской резиденцией и восемь лет спустя был разобран. И все же история Летнего дворца Анны, обладавшего столь переменчивой судьбою, неотделима от истории Летнего сада, как неотделима от него каждая исчезнувшая беседка, искусственный пруд, аллея или фонтан...

Летний дворец Анны Иоанновны был возведен в 1732 году на набережной Невы на месте «Залы для славных торжествований», по этому случаю разобранной. Архитектором выступил Франческо Растрелли при участии отца – Бартоломео Растрелли.

Подробное сообщение о строительстве дворца находим в «Реляции» Франческо Растрелли, предназначенной для некоего мецената. «В июле месяце того же года, – сообщал своему адресату архитектор, – Ея императорское Величество отослало меня в Санкт-Петербург, где я выстроил деревянный дворец у реки Невы, каковой имел 28 апартаментов с большой залой; все было закончено к 1-му октябрю»¹³⁸.

¹³⁷ Автор выражает благодарность за иллюстрации и консультации Альдегейду Рашу (Германия), Байбе Убурге (Латвия), В.К. Бартошевской (Латвия). Особая благодарность – А.А. Боеву (С.-Петербург) и настоятелю Свято-Николо-Ильинского храма иерею о. Владимиру (Чибиреву) (Татарстан, Верхний Услон).

¹³⁸ Батовский З. Архитектор Ф.-Б. Растрелли о своих творениях. СПб., 2000. С. 71.

Франческо Растрелли. Гравюра Масолова с портрета Ротари. XVIII в.

Эта «Реляция», составленная Растрелли в 1764 году, по-своему очень любопытна, если не сказать, загадочна. Подыскивая себе на старости лет уютное место, стареющий архитектор обращается к своему возможному покровителю, малознакомому с русским двором. Он вспоминает свои заслуги и перечисляет возведенные им здания, снимает копии со своих чертежей... Однако, как установил Ю.М. Денисов, фасады Летнего дворца императрицы Анны, находящиеся в эрмитажной коллекции Растрелли, принципиально отличаются от подобных же чертежей коллекции Берхгольца в Стокгольме. «Сравнения их показывают, – писал исследователь, – что зодчий... перерисовал старые чертежи заново, ввел иные детали и части композиции. В результате довольно примитивное строение Летнего дворца стало выглядеть как блестящая постройка барокко середины XVIII века»¹³⁹.

¹³⁹ Прим. Ю.М. Денисова. С. 7 // Батовский З. Архитектор Ф.-Б. Растрелли о своих творениях.

До нашего времени дошло несколько планов дворца Анны Иоанновны, хранящихся в музейных собраниях России, Польши и Швеции. Все эти чертежи представляют фасад дворца со стороны Невы. Первый чертеж происходит из собрания Государственного Эрмитажа. Это – фиксационный чертеж 1740-х годов, на котором есть надпись, сделанная рукой камер-юнкера Ф. Берхгольца: «Фасад деревянного летнего здания, которое было построено императрицей Анной и в котором она умерла»¹⁴⁰.

Другой чертеж (вместе с планом дворца) хранится в Национальном музее в Стокгольме. На нем также присутствует надпись Берхгольца: «Фасад большого деревянного летнего здания в том виде, в каком он построен по воле императрицы Анны на реке Неве посередине императорского сада, и где не только она умерла, но и герцог Бирон имел несчастье быть арестованным»¹⁴¹. Чертеж Летнего дворца, хранящийся в Национальной библиотеке в Варшаве, является авторским повторением чертежа Растрелли 1732 года. Последний из известных нам чертежей дворца Анны хранится в собрании Гатчинского дворца-музея. Это копия 1740-х годов. Чертеж подписан учеником архитектуры Самойлом Сапожниковым. Ю.М. Денисов и А.Н. Петров, опубликовавшие пояснение к чертежу Сапожников а, отмечали, что документ представляет «чертеж Летнего дворца Анны со стороны сада»¹⁴². Однако это не так: на чертеже представлен фасад дворца со стороны Невы. Помимо фасада Сапожников также начертил план дворца, где цифрами отмечены все 29 помещений. К сожалению, экспликация к плану отсутствует.

Строительство нового дворца для Анны Иоанновны было начато после указа Адмиралтейской коллегии, последовавшего 11 марта 1732 года. Французский резидент Маньян писал об этом в Париж: «Царице, по-видимому, не нравится жить ни в одном из зданий, в которых обитали ее предшественники; она повелела недавно выстроить Летний дворец на берегу Невы вблизи садов устроенных»¹⁴³. В следующей депеше Маньян сообщал, что многие дворяне были недовольны организацией строительства дворца, так как их обязали доставлять туда своих рабочих, что плохо сказывалось на доходах дворянства.

Работы над летней императорской резиденцией шли с поразительной быстротой, и через полтора месяца они завершились. По этому поводу шведский ученый Карл Рейнхольд Берк, посетивший Петербург в правление Анны Иоанновны, писал: «Растрелли жаловался на русских, желающих иметь всякое здание готовым как можно скорее. Через считанные дни после приказа о создании чертежа он уже должен быть готов и обычно тут же утверждается... Сразу спрашивают, как скоро он может быть реализован. Если архитектор отвечает, что на это потребуются, скажем, шесть месяцев и 200 работников ежедневно, то следует приказ собрать 1200 человек, с тем чтобы здание было выстроено за месяц.

Все делается в страшной спешке, принимаются за работу мастеровые – и худые, и умелые; быстро свозятся материалы, плохие они или хорошие; замки для дверей выпиливаются, когда еще только закладываются фундаментные камни, и так далее. Архитектор должен наблюдать за всем этим и давать чертеж то одному, то другому чуть ли не одновременно»¹⁴⁴.

Неудивительно, что спешка в строительстве скоро дала о себе знать: по свидетельству того же Берка, через 3 года после переезда Анны Иоанновны во дворец балки под полом уже сгнили. По всей видимости, это явилось следствием недостаточно добросовестной подсыпки грунта на низменном сыром месте, где был возведен дворец. Сам же архитектор объ-

¹⁴⁰ Денисов Ю.М., Петров А.Н. Зодчий Растрелли. Л., 1963. С. 155.

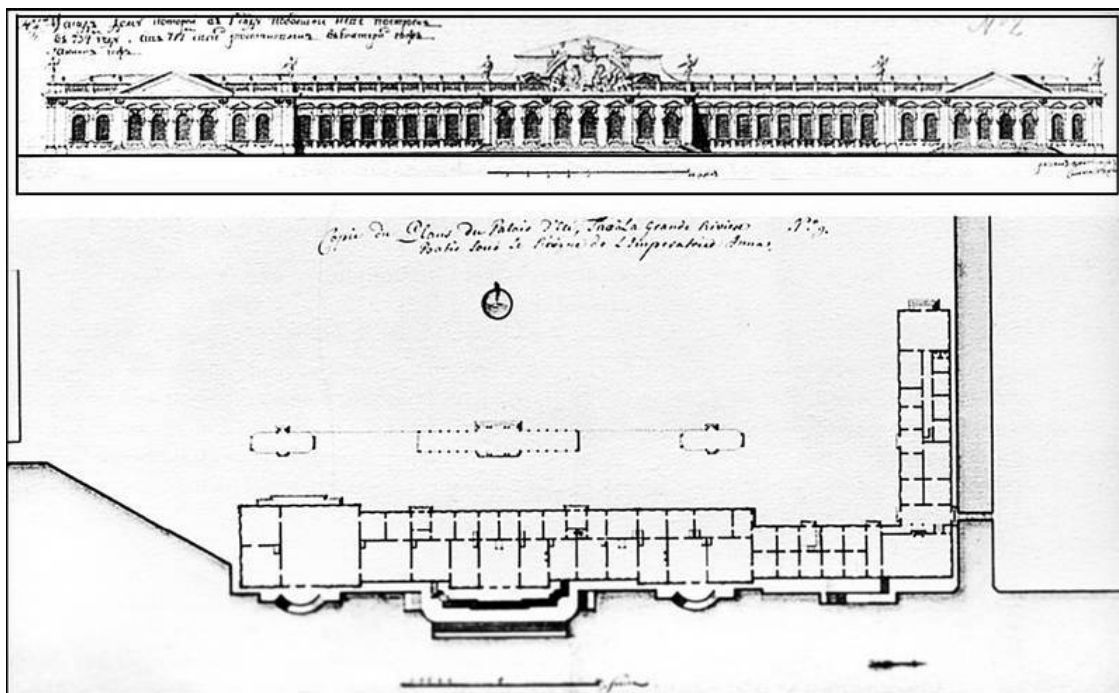
¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

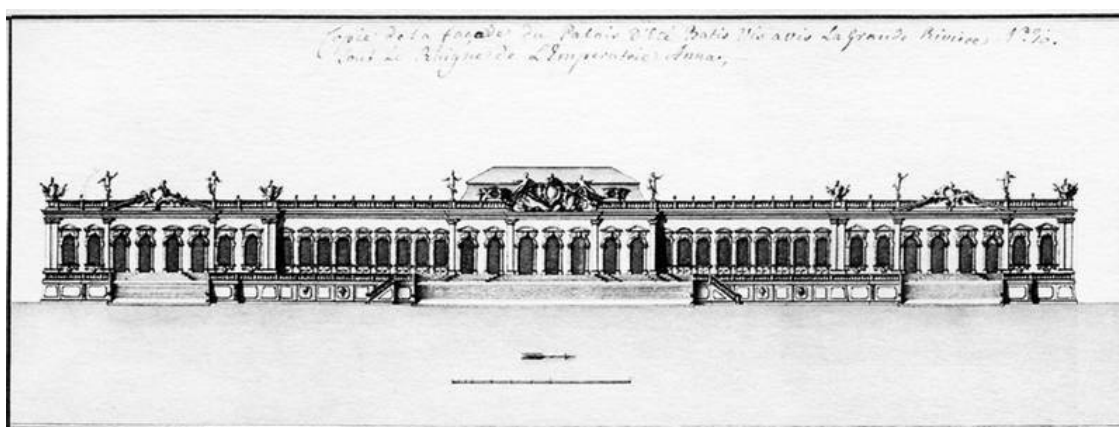
¹⁴³ Маньян – министру иностранных дел Франции Жермен Луи Шовелену. СПб., 12 апреля, 1732 г. // Сборник РИО. Юрьев, 1892. Т. 81. С. 317.

¹⁴⁴ Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Примечания. СПб., 1997. С. 141.

яснял подобные явления плохим местным климатом. Растрелли признавался, что в России невозможно строить с таким же успехом, как в других европейских странах. «Климат этой страны служит большим препятствием для хорошего выполнения прекрасного архитектурного произведения, – писал он, – и так как весна и лето длятся всего три месяца, очень трудно добиться совершенства в работе по фасаду, ибо едва они заканчиваются, как холод и сырость их захватывают, и от этого трескается все, что по фасаду сделано. Это влечет за собой много труда по ремонту, который приходится делать каждое лето»¹⁴⁵.

Летний дворец Анны Иоанновны. Чертеж фасада и план. 1730-е гг. Ф. Растрелли. (Национальный музей. Стокгольм)

Летний дворец Анны Иоанновны. Чертеж фасада. 1730-е гг. Ф. Растрелли. (Национальная библиотека. Варшава)

¹⁴⁵ Аркин А. Материалы о жизни и творчестве Франческо Бартоломео Растрелли // Сообщения кабинета и истории архитектуры. М., 1940. Вып. I. С. 35.

Но вернемся ко дворцу Анны Иоанновны... Как же выглядело это строение, возведенное волею императрицы и гением итальянского зодчего? Это был одноэтажный дворец, значительно вытянутый в длину. Следует отметить, что на это обстоятельство обращали внимание и современники. Например, Берк не преминул пройти вдоль дворца, подсчитывая шаги: «...в длину не менее 150 шагов»¹⁴⁶, – записал он в своем дневнике. Растрелли дает нам аналогичные данные относительно протяженности фасада дворца, оперируя старофранцузской мерой длины: «...более 70 туазов»¹⁴⁷, то есть около 150 метров.

Летний деревянный дворец резко отличался от петровского. Растрелли выделил центральную часть здания, а от боковых крыльев устроил спуски к Неве. По краю кровли проходила нарядная балюстрада, однообразный ритм которой нарушался фигурными резными украшениями и декоративной скульптурой. Часто расположенные окна, обрамленные наличниками, и колонны значительно обогатили фасады дворца, придав ему характер барочного сооружения. На плане Сапожникова хорошо виден полукруглый фронтон центрального ризолита дворца; на нем помещен картуш с короной в окружении воинских атрибутов – склоненных знамен и пушек, над ними – полулежащие обнаженные фигуры.

Как я уже упоминал, по свидетельству Растрелли, дворец имел 28 апартаментов. Сапожников дает иную цифру – 29. Из других источников известно, что в 1741 году – уже после смерти императрицы – во дворце были следующие покои: «антикамора» (где принимали послов); «комедия»; обер-гофмаршальские помещения, спальня императрицы, большая императорская зала (вероятно, тронный зал), 10 покоев герцога Бирона, 4 покоя, которые занимал его сын Петр; покои фрейлин; контора для письмоводства; казенные палаты, где хранились палатные уборы; оружейные палаты¹⁴⁸. Мемуары князя Шаховского дополняют эту информацию: в Летнем дворце также находилась «Сенаторская палата», где заседал немногочисленный Сенат, и придворная церковь¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Берк К.Р. Путевые заметки о России... С. 141.

¹⁴⁷ Батовский З. Архитектор Ф.-Б. Растрелли о своих творениях... С. 71.

¹⁴⁸ Успенский А.И. Художественные сокровища России. СПб., 1903. № 2–3. С. 103.

¹⁴⁹ [Шаховской Я]. Записки кн. Я. Шаховского. СПб., 1872. С. 24, 34.

Строительство С.-Петербурга. Рис. 1722 г.

На так называемом шведском плане дворца Анны Иоанновны¹⁵⁰ видно, что здание заключало в себе две анфилады зал. Помещения северной анфилады выходили окнами на Неву, а южной – в сад. Невскую анфиладу составляли залы больших размеров – это была парадная анфилада. По оси здания располагался, по-видимому, тронный зал. В нем на плане дворца показано тронное место. Далее на запад, через три помещения, находилась парадная опочивальня: здесь на плане отмечена кровать под балдахином. В восточном корпусе дворца, выделенном ризалитом, находился самый большой зал. Судя по описанию, во дворце располагалась «Комедия», то есть зал для театральных представлений. Очевидно, «Комедией» служил именно этот большой зал в восточном корпусе здания. Садовую анфиладу составляли помещения меньшего размера. Возможно, здесь были жилые покои; причем они группируются апартаментами, разделенными прихожими, имевшими выход в сад. Поскольку в Невской анфиладе располагалась парадная опочивальня, то, зная традицию XVIII века, можно предположить, что в Садовой анфиладе имела место всedневная опочивальня, в которой императрица и скончалась. Апартаменты Бирона также выходили окнами в сад и при-
мыкали к императорским.

¹⁵⁰ Денисов Ю.М., Петров А.Н. Зодчий Растрелли. Л., 1963. С. 32. Чертеж: план Летнего дворца Анны Иоанновны. Копия с чертежа 1732 г. Варшава. Национальная библиотека. А R-74/3 (табл. № 14).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.